ВЕСТНИК
ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

№ 1/2026

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАЕТСЯ С 2007 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

УЧРЕДИТЕЛЬ
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономики Российской академии наук

✧

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Козлова С.В., доктор экономических наук

✧

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
Ахапкин Н.Ю., канд. экон. наук
(заместитель главного редактора)
Букина И.С., канд. экон. наук
Братченко С.А., канд. экон. наук
Колпакова И.А., канд. экон. наук
Пылин А.Г., канд. экон. наук
Грибанова О.М.

✧

СЕКРЕТАРИАТ ЖУРНАЛА
Нефёдова Н.П.
(ответственный секретарь журнала)
Корнилова М.Г.

МОСКВА

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Гринберг Р.С.
председатель, член-корреспондент РАН,
научный руководитель Института экономики РАН

Головнин М.Ю.
член-корреспондент РАН, директор Института экономики РАН

Абрамова М.А.
доктор экономических наук, профессор,
зав. кафедрой банковского дела и монетарного регулирования
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

Александрова О.А.
доктор экономических наук, заместитель директора по научной работе
Института социально-экономических проблем народонаселения РАН

Аносова Л.А.
доктор экономических наук, профессор, начальник отдела –
заместитель академика-секретаря Отделения общественных наук РАН

Бахтизин А.Р.
член-корреспондент РАН, директор Центрального экономико-
математического института РАН

Буторина О.В.
член-корреспондент РАН, заместитель директора по научной работе
Института Европы РАН

Валентей С.Д.
доктор экономических наук, профессор, руководитель
научно-исследовательского объединения РЭУ имени Г.В. Плеханова

Городецкий А.Е.
доктор экономических наук, профессор, руководитель научного
направления Института экономики РАН

Иващенко Н.П.
доктор экономических наук, профессор, научный руководитель
кафедры экономики инноваций экономического факультета
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Калабихина И.Е.
доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой народонаселения
экономического факультета Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова

Кузнецов А.В.
член-корреспондент РАН, доктор экономических наук,
директор Института научной информации по общественным
науками РАН

Лаврикова Ю.Г.
доктор экономических наук, профессор,
директор Института экономики УрО РАН

Ленчук Е.Б.
доктор экономических наук, руководитель научного направления
Института экономики РАН

Музычук В.Ю.
доктор экономических наук, заместитель директора
по научной работе Института экономики РАН

Некипелов А.Д.
академик РАН, директор Московской школы экономики
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Прокапало О.М.
доктор экономических наук, заместитель директора по научной работе
Института экономических исследований ДВО РАН

Рубинштейн А.Я.
доктор философских наук, профессор,
руководитель научного направления Института экономики РАН

Цветков В.А.
член-корреспондент РАН, профессор, заведующий кафедрой
экономической теории Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации

Черных С.И.
доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института экономики РАН,
зав. сектором Института проблем развития науки РАН

Шабунова А.А.
доктор экономических наук, доцент, директор Вологодского
научного центра РАН

ВЕСТНИК
ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
Научный журнал

№ 1/2026

Журнал «Вестник Института экономики Российской академии наук»
зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-26786 от 19 января 2007 г.
ISSN 2073-6487
Каталог «Урал-Пресс», индекс подписной 80713

Журнал «Вестник Института экономики Российской академии наук»
входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора
наук, по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:
5.2.1. Экономическая теория (экономические науки),
5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки),
5.2.4. Финансы (экономические науки),
5.2.5. Мировая экономика (экономические науки)

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (в ядро РИНЦ)

Журнал входит в базу данных Russian Science Citation Index

Все статьи проходят обязательное рецензирование

Высказанные в статьях мнения и суждения
могут не совпадать с точкой зрения редакции.
Ответственность за подбор и изложение материалов
несут авторы публикаций

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Ушаков Д.С., Подольская Т.В.

Экономика потока против экономики территории: исторические корни современного конфликта государств и платформ 7

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Долженко Р.А., Долженко С.Б., Назаров А.В.

Национальная система управления производительностью труда в Российской Федерации 25

Братченко С.А.

Обоснованность целей в государственном управлении, а также причины и следствия ее отсутствия (на примере социальных программ) 49

Кислицына О.А.

Неудовлетворенные потребности россиян в медицинской помощи: уровень и факторы 71

Гимбатов Ш.М., Меджидов З.У., Кобзаренко Д.Н., Гимбатова А.Ш.

Типология социально-экономического поведения населения Республики Дагестан 87

Ядрищенская К.Ю.

Досуг в оценке индивидуального благополучия лиц трудоспособного возраста 109

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Сечин И.И.

Мировой рынок нефти и стратегия России на рынках энергоресурсов в условиях санкционных ограничений 133

Четверикова А.С.

Внешняя торговля ЕС: трансформация экспортных потоков 156

Лесной Д.С.

Структурная дивергенция и отраслевая специализация арктических регионов ЕС 173

ФИНАНСЫ

Бобровник Ф.Е., Виноградова О.С., Мирзоян А.Г.

Связь публикаций инвестиционных Telegram-каналов с доходностью акций публичных российских компаний 191

CONTENTS

ISSUES OF ECONOMIC THEORY

Ushakov D.S., Podolskaya T.V.
Flow Economy vs Territory Economy: Historical Roots of the Contemporary Conflict between States and Platforms 7

ECONOMICS AND MANAGEMENT

Dolzhenko R.A., Dolzhenko S.B., Nazarov A.V.
National Labor Productivity Management System in the Russian Federation 25

Bratchenko S.A.
Validity of Goals in State Governance, as well as Causes and Consequences of its Lack (on the Base of Social Programs) 49

Kislitsyna O.A.
Unmet Needs of Russians for Medical Care: Level and Factors 71

Gimbatov Sh.M., Medzhidov Z.U., Kobzarenko D.N., Gimbatova A.Sh.
Typology of Socio-Economic Behavior of the Republic of Dagestan Population 87

Yadrishchenskaya K.Yu.
The Role of Leisure in Assessing Individual Well-Being of Working-Age Individuals 109

WORLD ECONOMY AND INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

Sechin I.I.
The Global Oil Market and Russia's Energy Strategy under Sanctions 133

Chetverikova A.S.
The EU Foreign Trade: Transformation of Export Flows 156

Lesnoy D.S.
Structural Divergence and Sectoral Specialization of EU Arctic 173

FINANCE

Bobrovnik F.E., Vinogradova O.S., Mirzoyan A.G.
The Association between Publications of Investment Telegram Channels and Stock Returns of Public Russian Companies 191

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Д.С. УШАКОВ
доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры мировой экономики и международных отношений
ФГБОУ ВО Ростовский государственный экономический университет

Т.В. ПОДОЛЬСКАЯ
кандидат экономических наук, доцент,
зав. кафедрой международных экономических отношений
Южно-Российского института управления –
филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

ЭКОНОМИКА ПОТОКА ПРОТИВ ЭКОНОМИКИ ТЕРРИТОРИИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ СОВРЕМЕННОГО КОНФЛИКТА ГОСУДАРСТВ И ПЛАТФОРМ

В статье представлен анализ Пунических войн как прототипического конфликта двух фундаментальных экономических парадигм – сетевой («экономика потока») Карфагена и территориально-административной («экономика территории») Рима. Показано, что данное противостояние имеет не исторически локальный, а архетипический характер, определяя долгосрочную динамику мировой экономики. Особое внимание уделено теоретическому обоснованию этой дихотомии как универсальной аналитической рамки. Определены основные исторические реинкарнации парадигм – от средневековых торговых республик до современных цифровых платформ. Обоснована перманентность этого конфликта, проявляющегося в современных противоречиях между глобальными сетевыми акторами и национальными государствами.

Ключевые слова: *экономическая парадигма, Пунические войны, Карфаген, Рим, сетевая экономика, территориальная империя, экономический конфликт.*

УДК: 330.3

EDN: EZFKEZ

DOI: 10.52180/2073-6487_2026_1_7_24

Введение

Пунические войны (264–146 гг. до н. э.) общепризнанно занимают центральное место в истории античного Средиземноморья, ознаменовав установление римской гегемонии. Авторитетные труды, от монументальных работ Т. Моммзена до современных академических исследований [7], последовательно акцентируют военно-стратегическое, политическое и культурное значение этого продолжительного конфликта, представляя Пунические войны как противостояние двух мощных держав, оспаривающих контроль над ресурсами, территориями и политическим влиянием. Т. Моммзен отмечал, что «вопрос шел о том, кому быть властелином берегов Средиземного моря и, следовательно, кому владеть миром... Ни Рим, ни Карфаген не могли делить власть над западными морями, и потому побежденный должен был сойти со сцены» [7, с. 498]. Подобный взгляд упускает из виду глубинное экономическое содержание конфликта, которое не только определяло его тотальный характер, но и проецирует свою логику на последующие эпохи, вплоть до современности. Как проницательно заметил Ф. Бродель, «капитализм вовсе не является творением недавней промышленной революции… его истоки уходят в глубь веков» [1, с. 512]. Пунические войны, в этом контексте, предстают как один из ключевых моментов кристаллизации глубинных форм экономического устройства.

С точки зрения экономической науки значение Пунических войн выходит за привычные рамки военно-политической истории. Они знаменуют собой первый в западной истории зафиксированный документально тотальный конфликт между двумя принципиально разными экономическими системами, каждая из которых основывалась на собственной логике воспроизводства, накопления и пространственной организации.

Карфаген и Рим предложили миру альтернативные ответы на фундаментальные экономические вопросы: что является источником богатства? Как оно аккумулируется? И в какой форме существует? Их противостояние было не просто борьбой двух городов-государств, а схваткой двух универсальных экономических парадигм, которые в данной статье концептуализируются как «экономика потока/сети» (Карфаген) и «экономика территории» (Рим). Опираясь на традицию анализа «пространства потоков» и сетевых структур (М. Кастельс [14]) в противовес «пространству мест» и логике территориального суверенитета (*Д.* Харви [16], теория империи), а также на идею Ф. Броделя [1] о длительном противостоянии «миров-экономик» и территориальных империй, мы рассматриваем данные парадигмы не как исторические стадии, а как перманентные, идеально-типические (в веберовском смысле) формы организации крупных социально-экономических систем. Их сущность раскрывается в следующих архетипических моделях:

1) парадигма «экономики потока»: торгово-финансовая, сетевая модель, где богатство генерируется посредством обращения, арбитража и контроля над торговыми путями и финансовыми потоками. Эта модель опиралась на развитую систему морской торговли, на банковское дело и кредитные операции;

2) парадигма «экономики территории»: аграрно-административная, территориальная модель, где богатство извлекается из контроля над земельными ресурсами и эксплуатацией зависимого населения, выплачивающего ренту. Эта модель базировалась на крупном землевладении, использовании рабского труда и централизованном управлении захваченными территориями.

Именно этот конфликт систем, а не только армий, объясняет беспрецедентную ожесточенность и итоговую формулу «Carthago delenda est» («Карфаген должен быть разрушен»). Победа требовала не просто политического подчинения, но и тотального устранения альтернативного принципа экономической организации, который угрожал самим основам римского господства.

Основная гипотеза данного исследования заключается в том, что карфагенская и римская экономические модели представляют собой не просто исторические феномены, но воплощение двух универсальных, архетипических и исчерпывающих парадигм организации крупных социально-экономических систем – «сетевой» (экономика потока) и «территориальной» (экономика территории). Вклад авторов заключается в системном сопряжении этих концепций в аналитическую рамку для ретроспективного исторического анализа и в обосновании их перманентного противостояния как ключевого двигателя макроисторической динамики.

Цель исследования – на основе сравнительного анализа экономических структур, пространственной организации и социокультурных надстроек Карфагена и Рима эпохи Пунических войн доказать системный характер их противостояния как конфликта двух экономических парадигм, а также проследить исторические трансформации и современные воплощения этой дихотомии.

Данная цель реализуется через решение следующих задач:

1) реконструкция карфагенской модели как экономики потока, сети и финансового арбитража;

2) анализ римской модели как экономики территории, ренты и административной интеграции;

3) теоретическое обоснование предложенной дихотомии с опорой на современные социально-экономические концепции как аналитического инструмента, преодолевающего ограничения линейных моделей развития;

4) демонстрация исторической преемственности и актуальности выявленных парадигм на материале последующих эпох и современных глобальных процессов.

Для адекватной оценки значения Пунических войн необходимо преодолеть узкие рамки формационного подхода и рассмотреть конфликт через призму конкуренции экономических парадигм. Это позволит не только глубже понять античную историю, но и выявить устойчивые, архетипические модели экономического устройства, чье противостояние, меняя исторические декорации, продолжается в новых формах вплоть до настоящего времени.

Следовательно, Пунические войны заслуживают переосмысления в качестве прототипического экономического конфликта. Их истинное значение заключается не столько в военной победе Рима, сколько в обнажении и драматическом столкновении двух фундаментальных способов организации хозяйственной жизни человеческих сообществ.

Карфаген: экономика потока, сети и финансового арбитража

Для того чтобы реконструировать экономическую систему Карфагена, необходимо отвлечься от конкретно-исторической формы рабовладения и сосредоточиться на системообразующих принципах. Анализ экономической структуры Карфагена обнаруживает, что фундаментом его могущества служила не территория как таковая, но контроль над ключевыми узлами и магистралями распределения материальных и финансовых потоков.

В отличие от империй, стремящихся к непрерывному территориальному господству, экономическая модель Карфагена строилась на точечной, рассредоточенной сети анклавов. Ключевыми элементами были не провинции, а стратегически расположенные порты, фактории и колонии (Гадес, Лилибей, Мотия). Вернер Хусс отмечал, что «мощь Карфагена основывалась не на господстве над сплошной территорией, а на контроле над сетью опорных пунктов и торговых путей. Это была талассократическая, основанная на морской торговле гегемония, которая простиралась, подобно архипелагу, над западным Средиземноморьем» [18, p. 127].

Пространство между этими точками – открытое море и земли, населенные иноземными племенами, – рассматривали не как объект для абсолютного покорения, но как среду для коммуникации и источник арбитражной прибыли. Эффективность экономической системы определялась не размером контролируемой территории, а плотностью, надежностью и пропускной способностью связей между составляющими ее элементами.

Не земельная рента, а прибавочная стоимость, получаемая из процесса обращения, являлась главным источником богатства Карфагена. Этот факт порождает ключевой теоретический вопрос. Согласно канонической марксистской традиции, капитал, как самовозрастающая стоимость, основанная на эксплуатации наемного труда и производстве прибавочной стоимости, является продуктом индустриальной эпохи [6], а следовательно, экономика Карфагена – лишь развитое «предкапиталистическое» торгово-ростовщическое хозяйство.

Тем не менее такой подход критикуют за технологический и формальный редукционизм. Некоторые исследователи [1] утверждают, что сущность капитала заключается не в конкретной форме труда (рабский или наемный), а в систематической, целерациональной ориентации на получение прибыли и последующее ее реинвестирование. Так, М. Вебер писал: «"Дух" капитализма ... систематическое и рациональное стремление к законной прибыли в рамках своей профессии [3, с. 86]». Карфаген служит ярким примером этого:

1) существование развитой системы морских займов (foenus nauticum) и практика, аналогичная вексельному обращению. И. Шифман отмечал, что «карфагенские банкиры (менялы) учитывали векселя, выдавали ссуды под залог товаров или недвижимости, принимали деньги на хранение. Таким образом, в Карфагене функционировали учреждения, по своему характеру близкие к банкирским домам более позднего времени [10, с. 265]». Это свидетельствует об оперировании абстрактной стоимостью, оторванной от конкретных товаров;

2) использование рабского труда носило в значительной степени товарно-денежный, а не потребительский характер [9, с. 54–57];

3) богатство карфагенской олигархии не оседало в сокровищах, но постоянно реинвестировалось в новые экспедиции, флот и инфраструктуру, подчиняясь императиву постоянного роста.

Таким образом, в экономике Карфагена проявляется не «ранний капитализм», но фундаментальная логика капитала – движение стоимости ради самовозрастания (М-С-М'), реализуемая в доступных исторических формах (рабство, личная зависимость). Это была экономика, в которой капитал впервые стал не побочным продуктом, а самодовлеющей целью.

Религиозная надстройка Карфагена не противоречила, но активно легитимизировала его экономический базис. В отличие от римской религии, с ее культом места и договором с богами (pax deorum), карфагенская религия служила инструментом управления коммерческим риском и обеспечения процветания предприятия.

Верховные божества – Ваал Хаммон, Танит – были покровителями мореплавания, сделок и накопления. Самый известный и противоречивый элемент культа – жертвоприношения, в том числе младенцев (молх), с точки зрения холодного, прагматичного расчета можно рассматривать как максимальную, необратимую инвестицию в метафизическое «страхование» коммерческих рисков. И. Шифман отмечает: «карфагенская религия была глубоко прагматичной. Верховные божества Ваал Хаммон и Танит считались покровителями города, его мореплавания, коммерческих успехов и накопления богатства. Религиозные обряды, включая самые суровые, воспринимались как необходимая плата (do ut des – «я даю, чтобы ты дал») за безопасность флота, удачу в торговых предприятиях и общее процветание общины [10, с. 215–216]».

Культурный код Карфагена был кодом прагматичного космополитизма. Карфагеняне не стремились к культурной унификации, охотно перенимая технологии, художественные стили и элементы культов (греческие, египетские). Язык и обычаи ценились не как признаки идентичности, а как инструменты снижения транзакционных издержек для заключения выгодных сделок с любым контрагентом.

Экономическому базису соответствовала специфическая политическая система. Карфаген представлял собой, по сути, олигархическую республику акционеров. «Совет ста четырех служил постоянным трибуналом, контролирующим поведение магистратов и военачальников, обеспечивая, чтобы они действовали в соответствии с интересами государства, – которые, по сути, были коммерческими интересами [13, p. 201]». Таким образом, Совет ста четырех и суффеты действовали как совет директоров и правление, где власть являлась производной от экономического успеха, а не от сакрального авторитета или военных заслуг.

В качестве метода интеграции использовался не унифицирующий закон, а индивидуальный договор (foedus), создававший гибкую периферию, что помогало минимизировать издержки прямого администрирования, перенося акцент с управления территориями на регулирование экономических отношений.

Таким образом, Карфаген предстает как первое в истории масштабное воплощение сетевой, торгово-финансовой экономической парадигмы. Ее ядром являлась логика капитала как самовозрастающей стоимости, реализуемая через контроль над ключевыми потоками, финансовый арбитраж и прагматичную надстройку, превращавшую религию в инструмент управления рисками. Уничтожение Карфагена в 146 г. до н. э. ликвидировало конкретного носителя этой модели, но не саму парадигму, жизнеспособность которой подтверждается ее многовековыми реинкарнациями.

Рим: экономика территории, ренты и административной интеграции

Если Карфаген представлял собой сложную сеть торговых связей, то Рим воплощал собой строгую иерархию власти; если богатство Карфагена рождалось в динамичном движении капиталов и товаров, то богатство Рима извлекалось из жесткого контроля над обширным статичным пространством. Римская экономическая система может быть с наибольшей точностью определена как территориально-административная империя, чья колоссальная мощь зиждилась на систематической эксплуатации интегрированных периферий посредством унифицированных правовых и фискальных механизмов, разработанных с имперской тщательностью.

Фундаментальной единицей римского могущества являлась провинция (provincia) с четко очерченными границами, структурированная на муниципии и центурии. Римская стратегия заключалась не в создании разрозненного архипелага влияния, а в формировании непрерывного, административно унифицированного пространства. Как отмечает В.И. Кузищин, система центуриации создавала «единообразную аграрно-административную сеть», превращавшую провинции в часть единого организма [5, с. 45–46]. Символом и важнейшим инструментом этого процесса являлась разветвленная сеть дорог. В отличие от морских путей Карфагена римские дороги служили в первую очередь для оперативного перемещения легионов, государственных чиновников и сбора налогов, обеспечивая тем самым военно-политический контроль и административную связность огромной территории. Дорога была не просто каналом экономического обмена, а актом включения и подчинения территории, демонстрацией имперской власти.

Экономическая жизнь в Римской империи была жестко привязана к земельному участку и городу, функционировавшему как центр территориальной администрации. Пространство между городами представляло собой не «среду для арбитража», как в Карфагене, а являлось объектом тщательного межевания, строгого налогообложения и интенсивного сельскохозяйственного освоения.

В отличие от Карфагена основными источниками богатства Рима и его правящей элиты были различные формы ренты и прямого изъятия продукта с контролируемой территории:

1) крупное рабовладельческое хозяйство – латифундия – было ориентировано на производство товарной продукции (зерно, оливки, вино), однако главной целью являлось извлечение ренты с земли, а не спекулятивная прибыль от арбитражных операций. Богатство сена-

торского сословия измерялось в обширных земельных владениях, а не в ликвидном капитале;

2) завоеванные территории облагались прямым налогом, размер которого определялся римской администрацией, а «союзники» – данью или поставками ресурсов. Эта система представляла собой хорошо отлаженный механизм административного изъятия прибавочного продукта для содержания государства, армии и столичного плебса. Налоговый откуп являлся еще одним прибыльным механизмом монетизации территориального контроля;

3) прямой грабеж и перераспределение собственности побежденных были легитимным и значимым источником первоначального накопления для римской аристократии и пополнения государственной казны.

Надстройка Рима служила стратегической задаче консолидации и гомогенизации пространства. В ее основе лежала тщательно разработанная сакрализация центра:

– римская религия была религией pax deorum – договора с богами, заключенного в строго определенном сакральном топосе (Рим, Капитолий). Боги покровительствовали не торговым сделкам, а Городу и его границам. Жертвоприношение являлось не инвестицией в рискованное предприятие, а неотъемлемой частью публичного ритуала по поддержанию мирового порядка, центром которого был Рим;
– в отличие от карфагенского космополитизма Рим проводил активную политику целенаправленной романизации – распространения латинского языка, римского права, строгих градостроительных канонов и единого образа жизни. Это была инструментальная гомогенизация, призванная стереть культурные различия и превратить разнородные народы империи в лояльных подданных, интегрированных в единую административную и ценностную иерархию. Как пишет Е.М. Штаерман, унификация культуры «служила задаче укрепления административного единства» и была направлена на создание «единого господствующего класса империи», лояльного римскому государству [11, с. 102, 115].

Политическая система Рима, от Республики до Принципата, была воплощением вертикальной, суверенной власти. Легитимность проистекала из неразрывной связи с сакральным центром (Сенат и народ Рима) и персонифицировалась в фигуре магистрата, а затем и императора. Интеграция завоеванных территорий была процессом правового и административного поглощения: завоеванная территория становилась провинцией под управлением римского магистрата; ее элиты либо уничтожались, либо инкорпорировались через дарование гражданства.

Универсальный инструмент управления – римское право – был призван упорядочить все многообразие жизненных отношений на подконтрольной территории, создавая единое правовое поле. Власть была не договорной и диффузной (как в Карфагене), а суверенной, вертикальной и сакральной.

Устойчивость Карфагена была функциональной и зависела от бесперебойной работы торговых связей и сохранности ключевого хаба, римская же носила структурный и ресурсный характер. Потеря одной провинции не означала краха империи, ибо ее мощь, в отличие от Карфагена, опиралась на обширную внутреннюю территорию с резервной аграрной базой, значительными человеческими ресурсами и развитыми внутренними коммуникациями. Империя могла проигрывать отдельные битвы, но быстро восстанавливаться за счет мобилизации ресурсов с других, незатронутых участков своей территории. Эта «территориальная избыточность» стала одним из решающих преимуществ в затяжном конфликте с Карфагеном.

Теоретическое значение дихотомии: две парадигмы как двигатель экономической истории

Проведенный сравнительный анализ карфагенской и римской моделей позволяет выдвинуть фундаментальный тезис, имеющий значение для экономической теории и исторического анализа: развитие глобальной экономики определяется не линейной сменой формаций, а перманентным противостоянием и взаимодействием двух архетипических парадигм – «сетевой» (карфагенской) и «территориальной» (римской).

Господствующие политэкономические доктрины, от марксизма до неоинституционализма, часто исходят из линейной или стадиальной модели развития (первобытность – рабовладение – феодализм – капитализм). Однако эта модель, как отмечал Ф. Бродель, плохо объясняет феномены, «словно выпадающие из ... жесткой периодизации» [1, с. 513], – сложные финансовые операции, долговые инструменты и глобальные торговые сети, существовавшие до промышленной революции.

Данная дихотомия предлагает иную, циклически бинарную оптику. Карфагенская и римская модели представляют собой не хронологические стадии, а две фундаментальные, вечно доступные стратегии организации крупных социально-экономических систем. Одна парадигма базируется на изъятии стоимости из внешних потоков, другая – на ее извлечении из внутреннего освоенного пространства. Их противоречие не снимается в синтезе, а воспроизводится – каждая эпоха лишь выбирает доминирующую конфигурацию и конкретную форму их воплощения.

Критический вопрос заключается в том, являются ли эти две модели исчерпывающими. Анализ позволяет утвердительно ответить на него исходя из базовых экономических категорий пространства и стоимости.

Любая сложная экономическая система должна решать два ключевых вопроса: 1) Откуда извлекать ресурсы/стоимость? и 2) Как организовать контролируемое пространство для этого извлечения? Существует лишь два принципиальных ответа:

– экстернальный (внешний): извлечение из потоков, циркулирующих между точками. Это требует контроля над узлами и каналами (порты, биржи, платформы) и порождает сетевую, договорную, финансово-арбитражную модель (Карфаген);
– интернальный (внутренний): извлечение из территории и привязанных к ней ресурсов. Это требует контроля над сплошным пространством, его административного деления и порождает территориальную, иерархическую, рентоориентированную модель (Рим).

Все исторически известные империи, корпорации и гегемоны укладываются в эту схему, представляя собой гибриды с доминированием одной из логик. Попытки создать «третий путь» (например, автаркичные утопии) либо исторически неустойчивы, либо являются крайней формой «римской» логики, доведенной до полного отрицания внешних потоков.

Таким образом, движущей силой макроэкономической и геополитической динамики выступает перманентный конфликт между этими двумя парадигмами. Важно подчеркнуть, что «сетевая» (карфагенская) парадигма отнюдь не является синонимом мирной или либеральной модели в современном понимании. Ее эффективность и устойчивость напрямую зависели от способности жестко контролировать ключевые узлы и защищать коммуникации. Флот Карфагена, а позднее вооруженные эскадры Венеции и Ост-Индских компаний были не менее важны для их экономики, чем торговые суда и векселя.

Таким образом, *конфликт между «сетевой» и «территориальной» моделями – это противостояние не между миром и войной, а между двумя разными логиками применения силы: точечной, проекционной силой для контроля над потоками и сплошной, оккупационной силой для контроля над территорией. Их несовместимость носит системный характер:* экспансия «Рима» (расширение территории) физически перекрывает каналы «Карфагена» (торговые пути, потоки капитала); успех «Карфагена» (финансовая детерриториализация, рост могущества транснациональных акторов) подрывает фискальные и идеологические основы «римского» суверенитета.

Это противостояние не является войной за ресурсы в узком смысле, а представляет собой борьбу за способ экономического бытия, за опре-

деление базовых правил мироустройства. Победа одной модели (как победа Рима над Карфагеном) никогда не бывает окончательной. Подавленная парадигма не исчезает, а уходит в «подполье» истории – в практики маргинализованных сообществ, в институциональные ниши, в культурную память, чтобы возродиться в новой форме, когда изменяющиеся технологические и социальные условия ослабят доминирующую модель.

Предлагаемая дихотомия не отменяет, но поглощает и переосмысливает ключевые оппозиции классической экономической мысли:

– промышленный vs финансовый капитал (К. Маркс) – это исторически конкретное проявление конфликта «римской» логики производства на территории и «карфагенской» логики извлечения из потоков обращения внутри эпохи модерна;
– саморегулирующийся рынок vs социальная защита (К. Поланьи [8]) – это конфликт между «карфагенским» проектом тотальной коммодификации (превращения всего в поток) и «римской» реакцией территориально укорененного социума, стремящегося сохранить целостность;
– ядро vs периферия (И. Валлерстайн [2]) – описывает структурное неравенство, присущее «карфагенской» логике изъятия, но не объясняет альтернативную «римскую» стратегию прямой административной интеграции периферии.

Следовательно, дихотомия «Карфаген–Рим» предоставляет универсальную аналитическую матрицу, позволяющую связать в единое смысловое поле «античные войны, становление капитализма, кризисы модерна и вызовы цифровой эпохи».

Значение Пунических войн выходит за рамки античной истории – они были первым глобальным (в масштабах известной ойкумены) проявлением извечного конфликта двух экономических парадигм. Признание бинарности этой системы и ее перманентного характера позволяет отказаться от прогрессистских иллюзий и увидеть в калейдоскопе исторических событий – от крестовых походов и деятельности Ост-Индских компаний до современных торговых войн и противостояния Биг Дата с национальными государствами – единый, вечно обновляющийся сюжет: новую Пуническую войну.

«Вечные Пунические войны»: современные воплощения двух экономических парадигм

Проведенный анализ позволяет утверждать: уничтожение Карфагена в 146 г. до н.э. не положило конец противостоянию двух экономических моделей, но лишь трансформировало его, отодвинув сетевую парадигму на периферию истории. История мировой экономики после падения антично-

сти предстает перед нами как череда стратегических «раундов», где извечные архетипы соперничества воплощаются в новых обличьях.

После кажущегося триумфа римского принципа территориальной организации сетевая модель возрождается в виде анклавов, процветающих внутри и на границах формирующихся империй.

1. Средневековые торговые республики (Венеция, Генуя, города Ганзейского союза) являли собой «Карфаген в миниатюре». Их могущество основывалось не столько на обширных владениях (хотя они и имели место), сколько на доминировании в ключевых точках пересечения торговых путей (Венеция – контроль над путем в Левант, Ганза – господство на Балтике). Их политическая структура – олигархия, формируемая купеческими кланами; их богатство – прибыль от посреднической торговли, финансовых операций и обеспечения безопасности морских коммуникаций. Военные конфликты этих республик с континентальными империями, такие как войны Венеции с Византией и Османской империей, являлись классическим противостоянием сетевого влияния и территориальной мощи.

2. Ост-Индские компании (голландская, британская), частные акционерные общества, наделенные государствами-патронами квазигосударственными полномочиями, стали крупнейшими сетевыми корпорациями докапиталистической эпохи. В отличие от стратегии колониального заселения их целью было создание разветвленной сети факторий и опорных пунктов для монопольного контроля над потоками специй, тканей, чая и серебра. Противостояние Ост-Индских компаний с территориальными империями Востока (Империя Великих Моголов, Китайская империя) представляло собой прямое продолжение Пунических войн: логика свободного перемещения капиталов и договорных отношений сталкивалась с логикой сухопутного суверенитета и незыблемости сакрализованного центра.

Индустриальная революция, казалось бы, ознаменовала окончательное торжество «римской» логики в ее новой форме: национальное государство как суверенная территория, фабрика как упорядоченное производственное пространство, колониальные империи как неисчерпаемый источник сырья и рынок сбыта для готовой продукции. Однако, как показал Дж. Арриги, подъем британского промышленного лидерства был «предварен и подготовлен финансовой экспансией голландцев» в предшествующем столетии [12, p. 214] – и этот процесс соответствовал логике накопления в сетевых, а не в территориальных структурах.

Более того, сам индустриальный капитализм породил внутренний конфликт между «римством» (промышленное производство, требующее стабильной территории, развитой инфраструктуры и четкого рабочего законодательства) и «карфагенством» (финансовый капитал,

стремящийся к свободному трансграничному движению). Этот глубинный конфликт, обстоятельно описанный Р. Гильфердингом [4], а позднее К. Поланьи, достиг своего апогея в XX в. в форме противостояния кейнсианской модели капитализма, «встроенного» в национальное государство, и неолиберального проекта, направленного на полную детерриториализацию капитала.

В конце XX – начале XXI вв. мы наблюдаем небывалый ренессанс сетевой парадигмы, освободившейся от остатков территориальных ограничений благодаря стремительному развитию цифровых технологий. Компании-платформы, такие как Google, Meta (признана в Российской Федерации экстремистской организацией и ее деятельность запрещена), Amazon, являются прямыми наследниками карфагенской логики. Их активы преимущественно виртуальны (данные, алгоритмы, сетевые эффекты), а их богатство формируется за счет контроля над потоками информации, пользовательского внимания и транзакций[1]. Они создают собственную экстерриториальную юрисдикцию посредством пользовательских соглашений, а их власть проистекает из контроля над ключевыми узлами (серверы, магазины приложений) и каналами (поисковые системы, ленты новостей). Их бизнес-модель основана на арбитраже и взимании комиссии с любого взаимодействия в рамках их цифровой сети.

В ответ на экспансию цифровых платформ государства прибегают к классической «римской» стратегии. Они утверждают цифровой суверенитет, провозглашая данные своих граждан неотъемлемой частью национальной территории (GDPR в ЕС – самый жесткий в мире закон в области конфиденциальности и безопасности данных, законы о локализации данных[2]); стремятся обложить цифровые потоки «данью» (цифровые налоги), регулировать деятельность платформ и возводить «цифровые барьеры» (Великий китайский файрвол, проект «суверенного Рунета»). В качестве инструментов используются антимонопольное законодательство, экономические санкции, требования к передаче технологий, что представляет собой попытку административного подчинения сетевой силы территориальному закону.

Конфликт между сетевой и территориальной логикой вышел на уровень глобальных коалиций, которые можно рассматривать как коллективные воплощения соответствующих архетипов:

---

[1] The Rise of Google, Meta (признана в Российской Федерации экстремистской организацией и ее деятельность запрещена), Amazon, and YouTube in Advertising. Quartr Insights, 26 Apr. 2024. https://quartr.com/insights/company-research/the-rise-of-google-meta-amazon-and-youtube-in-advertising

[2] European Commission. Data protection under GDPR. https://commission.europa.eu/law/law-topic/data-protection/legal-framework-eu-data-protection_en

Атлантический альянс (во главе с США) все более явно действует как «глобальный Карфаген»: его сила – в контроле над мировыми финансовыми потоками (доллар, система SWIFT), глобальными информационными сетями и международными нормативными стандартами. Боевые действия часто ведутся посредством методов сетевого давления, таких как экономические санкции, «цветные революции», и массированные информационные кампании.

Евразийские державы (Китай, Россия) последовательно отстаивают логику «нового Рима»: приоритет государственного суверенитета и контроля над территорией, включая киберпространство, формирование региональных экономических зон с четко очерченными границами (Экономический пояс Шелкового пути, Евразийский экономический союз), защита от внешнего сетевого вмешательства. Их идеология многополярного мира является проекцией «римского» принципа четкого разграничения сфер влияния на глобальный уровень.

Гипотеза о «вечных Пунических войнах» находит весомое подтверждение в современных реалиях: от средневековых торговых республик до современной конфронтации между транснациональными платформами и национальными государствами мы наблюдаем одно и то же фундаментальное противостояние. Конкретные действующие лица, технологические инструменты и идеологии подвержены изменениям, однако логика конфликта между экономикой потока и сети и экономикой территории и закона остается неизменной. Этот подход позволяет не только по-новому структурировать понимание исторического процесса, но и с повышенной точностью диагностировать суть современных экономических и геополитических конфликтов, распознавая в них не хаотичную борьбу за ресурсы и влияние, а проявление глубинных системных закономерностей.

Заключение

Проведенное исследование позволило осуществить переосмысление исторического значения Пунических войн и предложить новую теоретическую рамку для анализа долгосрочных тенденций в мировой экономике.

Пунические войны были не просто военно-политическим конфликтом, а первым в истории тотальным столкновением двух принципиально разных экономических систем (парадигм): сетевой, торгово-финансовой модели Карфагена, основанной на извлечении прибыли из обращения и контроля над потоками, и территориально-административной модели Рима, основанной на извлечении ренты и прямом администрировании освоенного пространства. Эти две модели носят архетипический, бинарный и исчерпывающий характер. Они представляют собой две фундаментальные стратегии организации круп-

ных социально-экономических систем, отвечая на ключевые вопросы об источнике богатства (поток vs территория) и форме его извлечения (арбитраж/посредничество vs рента/администрация). Все сложные экономические образования являются гибридами с доминированием одной из этих логик. Конфликт между сетевым и территориальным принципами является перманентным двигателем экономической и геополитической истории. Линейная модель прогресса уступает место циклически пульсирующей динамике, в которой временная победа одной парадигмы (как победа Рима) сменяется ее кризисом и реваншем подавленной альтернативы в новой форме.

Современные глобальные противоречия – от регулирования Big Tech и цифрового суверенитета до торговых войн и формирования геополитических блоков – являются прямой проекцией этого извечного конфликта. Цифровые платформы выступают как «неокарфагенские» сетевые империи, а национальные и наднациональные государства – как «неоримские» защитники территориального суверенитета и административного контроля.

Предложенный подход имеет ряд важных следствий:

– дихотомия «Карфаген–Рим» предоставляет мета-рамку, позволяющую интегрировать и переосмыслить ключевые оппозиции классической политэкономии (промышленный/финансовый капитал, рынок/государство, ядро/периферия) как исторически конкретные проявления более глубокого онтологического противоречия;
– он позволяет увидеть структурное единство в кажущемся разнообразии исторических эпох, выстраивая единую линию от античных войн через деятельность Ост-Индских компаний и кризисы индустриального капитализма к вызовам цифровой эпохи;
– понимание логики конфликта позволяет не только диагностировать суть текущих процессов (например, видеть в антимонопольных процессах против Google не просто правовой спор, а битву за суверенитет), но и прогнозировать вероятные сценарии их развития.

1. «Триумф нового Рима»: жесткая регуляция и фрагментация глобального цифрового пространства по национальным юрисдикциям, подчинение платформ государственным интересам.

2. «Триумф нового Карфагена»: ослабление национальных государств, переход ключевых функций (финансы, коммуникации, правосудие) к частным корпоративно-сетевым структурам, формирование постнационального мира, управляемого технократическими платформами.

3. «Перманентный гибридный конфликт»: отсутствие окончательной победы, постоянное напряжение и взаимная адаптация: государ-

ства учатся использовать сетевые инструменты, а корпорации – строить квазигосударственные институты, что ведет к формированию неустойчивой, но динамичной системы.

Обращение к экономическому измерению Пунических войн открывает не только новые горизонты понимания античности, но и дает в руки исследователей мощный аналитический инструмент. Карфаген и Рим не умерли. Они превратились в универсальные экономические парадигмы, вечная борьба между которыми продолжает творить историю, определяя сегодняшние битвы за данные, за технологии и будущее мироустройство. Осознание этого факта – ключ к пониманию того, что мы живем не в конце истории, а в одном из ее вечных, фундаментальных и потому предельно актуальных сюжетов.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 2: Игры обмена. М.: Весь мир, 2007. [*Braudel F.* Civilization and Capitalism, 15th–18th Century. Vol. 2: The Wheels of Commerce. Moscow: Ves Mir, 2007. (In Russ.).]
2. *Валлерстайн И.* Миросистемный анализ: Введение. М.: ИД «Территория будущего», 2006. [*Wallerstein I.* World-Systems Analysis: An Introduction. Moscow: Publishing house "Territory of the Future", 2006. (In Russ.).]
3. *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 44–271. [*Weber M.* The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. In Selected Works. Moscow: Progress, 1990. Pp. 44–271. (In Russ.).]
4. *Гильфердинг Р.* Финансовый капитал. Новейшая фаза в развитии капитализма. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1959. [*Hilferding, R.* Finance Capital: A Study of the Latest Phase of Capitalist Development. Moscow: State Publishing House of Political Literature, 1959. (In Russ.).]
5. *Кузищин В.И.* Римское рабовладельческое поместье II в. до н. э. – I в. н. э. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. [*Kuzishchin V.I.* The Roman Slave-Owning Estate from the 2nd Century BCE to the 1st Century CE. Moscow: Moscow University Press, 1973. (In Russ.).]
6. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. Т. 23. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1983. [*Marx K.* Capital: A Critique of Political Economy, Vol. 1. In K. Marx & F. Engels, Collected Works. 2nd ed., Vol. 23. Moscow: State Publishing House of Political Literature, 1983. (In Russ.).]
7. *Моммзен Т.* История Рима. Т. 1. М.: Фолио, 1995. [*Mommsen T.* The History of Rome, Vol. 1. Moscow: Folio, 1995. (In Russ.).]
8. *Поланьи К.* Великая трансформация: Политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002. [*Polanyi K.* The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time. St. Petersburg: Aleteiya, 2002. (In Russ.).]
9. *Циркин Ю.Б.* Карфаген и его культура. М.: Наука, 1986. [*Tsirkin Yu.B.* Carthage and Its Culture. Moscow: Nauka, 1986. (In Russ.).]
10. *Шифман И. Ш.* Карфаген. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006. [*Shifman I.Sh.* Carthage. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2006. (In Russ.).]
11. *Штаерман Е. М.* Кризис античной культуры. М.: Наука, 1978. [*Shtaerman E. M.* The Crisis of Ancient Culture. Moscow: Nauka, 1978. (In Russ.).]

12. *Arrighi G.* The Long Twentieth Century: Money, Power, and the Origins of Our Times. London: Verso, 1994.
13. *Aubet M. E.* The Phoenicians and the West: Politics, Colonies and Trade. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
14. *Castells M.* The Rise of the Network Society. The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. I. Oxford: Blackwell, 1996.
15. *Gereffi G., Korzeniewicz M.* (Eds.) Commodity Chains and Global Capitalism. Westport: Praeger, 1994.
16. *Harvey D.* The New Imperialism. Oxford: Oxford University Press, 2003.
17. *Hoyos D.* Mastering the West: Rome and Carthage at War. Oxford: Oxford University Press, 2015.
18. *Huss W.* Geschichte der Karthager. München: C.H. Beck, 1985.

Дата поступления рукописи: *05.12.2025 г.*
Дата принятия к публикации: *24.02.2026 г.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ушаков Денис Сергеевич – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры мировой экономики и международных отношений ФГБОУ ВО Ростовский государственный экономический университет, Ростов-на-Дону, Россия
ORCID: 0000-0001-6413-6116
fintaliano@yandex.ru

Подольская Татьяна Валентиновна – кандидат экономических наук, доцент, зав. кафедрой международных экономических отношений Южно-Российского института управления – филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Ростов-на-Дону, Россия
ORCID: 0000-0003-0337-051X
Podolskaya-tv@ranepa.ru

ABOUT THE AUTHORS

Denis S. Ushakov – Dr. Sci. (Econ.), Professor, Professor of World Economy and International Relations Department, Rostov State Economic University, Rostov-on-Don, Russia
ORCID: 0000-0001-6413-6116
fintaliano@yandex.ru

Tatiana V. Podolskaya – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Head of International Economic Relations Department, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia
ORCID: 0000-0003-0337-051X
Podolskaya-tv@ranepa.ru

FLOW ECONOMY VS TERRITORY ECONOMY: HISTORICAL ROOTS OF THE CONTEMPORARY CONFLICT BETWEEN STATES AND PLATFORMS

The article analyzes the Punic Wars as a prototypical conflict between two fundamental economic paradigms: the network-based ("flow economy") model of Carthage and the territorial-administrative ("land economy") model of Rome. It is demonstrated that this confrontation is not merely a historically localized event, but an archetypal one, shaping the long-term dynamics of the global economy. Particular attention is paid to the theoretical substantiation of this dichotomy as a universal analytical framework. The primary historical reincarnations of these paradigms are identified–from medieval merchant republics to modern digital platforms. The permanence of this conflict is justified, as it manifests in contemporary contradictions between global network actors and nation-states.

Keywords*: economic paradigm, Punic Wars, Carthage, Rome, network economy, territorial empire, economic conflict.*

JEL: N73, B52, F50.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Р.А. ДОЛЖЕНКО
доктор экономических наук, доцент,
профессор кафедры экономики труда и управления персоналом
Уральского государственного экономического университета

С.Б. ДОЛЖЕНКО
кандидат экономических наук, доцент,
заведующий кафедрой экономики труда и управления персоналом
Уральского государственного экономического университета

А.В. НАЗАРОВ
старший преподаватель кафедры экономики труда и управления
персоналом Уральского государственного экономического университета

НАЦИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬЮ ТРУДА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ[1]

Производительность труда является одним из ключевых показателей социально-экономического развития страны, а ее повышение выступает в качестве важного ориентира государственной экономической политики. В условиях реализации нового федерального проекта «Производительность труда» и необходимости достижения заданных целевых показателей особую актуальность приобретает применение системного подхода к управлению производительностью труда в масштабах всей экономики. Целью исследования является формирование системного представления о целях и механизмах управления производительностью труда в Российской Федерации на макро-, отраслевом, региональном уровнях и на организационном уровне предприятия, а также обоснование направлений их развития в современных условиях. В данной работе на базе системного подхода авторами были проанализированы нормативные и программные документы, проведен сравнительный анализ статистических показателей производительности труда и занятости по отраслям экономики. В результате исследования обоснована необходимость перехода от преимущественно адресных мер повышения производительности труда к многоуровневой системе

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-20469 (https://rscf.ru/project/24-28-20469/) и Правительства Свердловской области.

управления, включающей федеральный, отраслевой, региональный и организационный уровни. Предложена концептуальная модель управления производительностью труда, ориентированная на институциональную синхронизацию национальных проектов, отраслевых программ и инструментов повышения производительности труда, а также на формирование культуры труда как условия устойчивости достигнутых результатов.

Ключевые слова: *производительность труда, система управления производительностью труда, социальная сфера, федеральный проект.*

УДК: 331.101.6, 331.101.3

EDN: RQAAJK

DOI: 10.52180/2073-6487_2026_1_25_48

Введение

В условиях глобальных вызовов производительность труда становится одним из основных инструментов развития экономики нашей страны. В течение последних пяти лет темпы прироста производительности труда в России в среднем ежегодно увеличивались на 1,5%[2]. Это выше, чем во многих крупнейших развитых экономиках (включая Германию, Южную Корею и Японию). В последние два года производительность труда ускорилась до опережающих 2,7[3]. Ориентиры, которые определены государством в этом направлении, предполагают сохранение достигнутых высоких темпов прироста производительности на текущем уровне, для того чтобы выйти на плановые значения 2030 г.

С 2019 г. ведется работа по повышению производительности труда в российской экономике, в том числе в рамках нацпроекта «Производительность труда»: создана разветвленная инфраструктура на федеральном и региональном уровнях для адресной работы с организациями, охвачено более 6,5 тыс. предприятий.

По поручению Президента Российской Федерации с 1 января 2025 г. работа масштабируется в рамках нового федерального проекта «Производительность труда», который является частью национального проекта «Эффективная и конкурентная экономика»[4]. При этом акцент смещается от управления повышением производительности труда на предприятиях к управлению ее ростом в отраслях и в эко-

[2] Решетников: производительность труда в РФ пять лет росла выше, чем в Германии. ТАСС, 14.10.2025. https://tass.ru/ekonomika/25339457

[3] Там же.

[4] Этот проект является правопреемником и логическим продолжением мероприятий национального проекта «Производительность труда», реализуемого в период 2019–2024 гг. С 2025 г. предприятия – участники национального проекта «Производительность труда» приобретают статус участников федерального проекта «Производительность труда» и имеют право пользоваться мерами поддержки, предусмотренными паспортом для предприятий федерального проекта «Производительность труда».

номике в целом. В целях достижения показателя по приросту производительности труда на 20,7% к 2030 г. (по отношению к 2023 г.)[5] требуется выстроить работу по повышению производительности труда в новом направлении – сверху вниз – и системно.

Чтобы выполнить задачи, поставленные Президентом Российской Федерации, потребуется сохранить темпы последних двух лет, или 20,7% накопленного прироста, к 2030 г., как одного из факторов обеспечения необходимой динамики роста экономики. Однако до сих пор на отраслевом и региональном уровнях отсутствует единый подход к определению необходимых инструментов достижения этой цели. Кроме того, с учетом неопределенности результата и его зависимости от внешних дестабилизирующих экономику факторов, многие эксперты ставят под сомнение саму возможность подобного увеличения производительности труда. Также есть вероятность появления еще одной проблемы, связанной с высокими рисками дестабилизации социально-экономических отношений при излишнем административном воздействии на субъекты. В данных случаях необходимо содействие в повышении готовности работников и работодателей к росту производительности собственного труда.

Цель настоящего исследования – сформировать системное представление о целях и механизмах управления производительностью труда в Российской Федерации на макро-, отраслевом, региональном и организационном уровнях и обосновать направления их развития в условиях реализации нового федерального проекта «Производительность труда».

Обзор литературы на тему производительности труда в новейшей истории России

Тема производительности труда в сложившихся геополитических и экономических условиях важна как никогда. Еще пять лет назад подобное утверждение было актуально из-за реализации профильного национального проекта, но сегодня значение производительности труда стало намного больше. Причин тому несколько: сам запрос на увеличение производительности труда со стороны экономики в условиях санкционного давления, отсутствие возможностей компенсировать снижение количества трудоспособного населения кроме как через рост производительности труда, целевые установки нового федерального проекта «Производительность труда» с крайне амбициозными показателями.

[5] Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года. http://static.government.ru/media/files/ZsnFICpxWknEXeTfQdmcFHNei2FhcR0A.pdf

Исследования ученых и их выводы лишь подчеркивают значимость темы. Так, в статье коллектива авторов О.А. Колесниковой, Е.В. Масловой и И.В. Околелых подчеркивается, что «в качестве основного источника интенсивного развития российской экономики выступает рост производительности труда, резервы которой не ограничены, но, к сожалению, недостаточно реализуются» [11, с. 130].

За последнее десятилетие ученые изучали разные аспекты темы, конкретные факторы и резервы роста производительности труда. Какое-то время основным инструментом повышения производительности считалось создание высокопроизводительных рабочих мест, затем – внедрение бережливого производства на крупных предприятиях, последние годы – цифровизация экономики и активное внедрение искусственного интеллекта в бизнес-модели. Отдельное направление исследований – это изучение региональных и отраслевых особенностей производительности труда в отечественной экономике. Результаты научных работ подтверждают, что и первое, и второе активно влияют на производительность, причем отраслевая специфика производственного процесса вносит свои особенности и дифференцирует возможности повышения производительности труда значительно больше, чем региональные особенности, что будет показано далее.

Можно выделить несколько научных работ, в которых представлены особенности производительности труда в разных отраслях. В предшествующей авторской статье [22] представлены базовые инструменты повышения организационной эффективности в горнодобывающей промышленности, к которым авторы относят: централизацию, оптимизацию процессов, аутсорсинг и аутплейсмент, совмещение функций и др. Еще в одной прикладной работе С.А. Белановского, осмысливающей опыт повышения производительности труда в конкретной организации, показано, что значительный резерв роста показателя находится в использовании инструментов оптимизации структуры, процессов, численности сотрудников [21].

Что касается региональной дифференциации производительности труда, то она существует, но уникальные особенности выделить в этом направлении сложно. По оценкам ученых, в региональном разрезе наиболее производительные – Москва и Санкт-Петербург, разрыв между регионами значительный, еще больше отраслевые различия. В исследовании О.В. Губиной и А.А. Проворовой проанализированы данные о производительности труда в Арктике [5] и показано, что высокие значения данного показателя определяются отраслевой специализацией на добычу полезных ископаемых, их финансирования, деятельностью бизнес-структур, строительством и торговлей, даже вне учета внутриотраслевых процессов, отмечаемых в ряде исследований. Н.В. Громова и А.Г. Дмитриев формализовали «дорожную карту» раз-

работки и внедрения программ повышения производительности на уровне предприятия с акцентом на технологичности и управляемости процессом, а не только на инструментах, отметив при этом необходимость связки производственных улучшений с управленческой и кадровой трансформацией [4]. В.В. Голикова и соавторы дифференцировали характеристики малоэффективных предприятий и ограничения роста эффективных, обозначая необходимость акцентирования политики с простого наращивания подготовки кадров к селективной поддержке фирм-лидеров [7]. И.А. Минаков и соавторы в результате комплексной оценки факторов роста производительности в аграрном секторе акцентировали внимание на значении технологических и структурных параметров, а не только на ценовой конъюнктуре [15]. И.Г. Решетникова и Д.С. Баянов обосновали необходимость сочетания технологических изменений с институциональными и организационными преобразованиями при сохранении роли государственной поддержки и механизмов аграрной политики [17]. При этом ряд исследователей указывают на конвергенцию регионов по уровню их производительности труда. Например, в статье Л.В. Мельниковой [14] показано, что наблюдаемое сближение территорий в большей степени происходит за счет эффективного использования специализации регионов, особенно в азиатской части РФ.

В статье В.Л. Бабурина показано, что в стране существует макротренд повышения производительности труда с юго-запада на северо-восток, с аномалиями, связанными с агломерационным эффектом (Московский и Санкт-Петербургский столичные регионы, Татарстан, Новосибирская область). Урал, по мнению ученого, является наиболее целостным территориальным образованием, демонстрирующим средние по России значения производительности труда при минимальной внутренней неоднородности [1]. Исследование, проведенное Е.А. Единак, позволило сделать выводы о сильном влиянии избыточной дифференциации доходов (в первую очередь трудовых) и потребления населения, что в итоге влияет не только на спрос, но и на развитие отраслей, а также на их эффективность [8]. Это в очередной раз подчеркивает, что проблему низкой производительности труда невозможно устранить разовыми решениями – необходим учет множества системных факторов. В работе А.А. Лапидуса представлен механизм оценки производительности труда в строительной отрасли, а также факторов, которые на нее влияют [12]. По мнению ученого, учет значений их параметров в разрабатываемых методиках позволяет корректировать предлагаемые меры по повышению эффективности всей отрасли. К сожалению, описание апробации этого подхода и результаты расчетов не приведены, что не позволяет оценить эффективность методики и возможности ее использования в других отраслях.

Промышленность – это важнейшая отрасль для страны, поэтому тема производительности труда в промышленности раскрывается в большом количестве научных работ. Считаем необходимым выделить статью Д.М. Журавлева, В.К. Чаадаева, Е.Б. Михеева, в которой анализируются показатели по отрасли, выделяются проблемы, предлагаются меры по повышению эффективности труда, а в качестве одного из решений авторы видят использование цифровых платформ в отрасли [9]. У большинства исследователей в этой области ключевое решение по повышению производительности труда и снижению отраслевых различий кроется в избирательном подходе к определению приоритетов государственной поддержки территорий. И.П. Глазырина и соавторы провели сравнительный анализ динамики и пространственной дифференциации производительности труда в регионах России и сопредельных регионах Китая на основе статистических данных и выявили, что в обеих странах производительность в промышленном секторе традиционно выше средней по экономике. При этом следует обратить внимание на позитивную динамику и опыт дальневосточных территорий [2]. В то же время С.В. Макар и А.В. Ярашева, также занимающиеся исследованиями экономики Дальнего Востока страны [13], высказали предположение, что в росте производительности труда важное значение имеет системное управление экономикой региона. И.В. Гришина и соавторы выявили отсутствие универсального эффекта диверсификации на производительность труда, однако возможность видят в предложении по политической селективности на основе региональной типологии [3]. Е.В. Потапцева и О.А. Пономарева обратили внимание на роль цифровой трансформации предприятий конкретного региона в контексте национальных программ и определили узкие места в реализации потенциала цифровых инструментов для повышения производительности. В числе важных факторов, определяющих перспективы совершенствования этого процесса, – цифровая зрелость предприятий, компетенции менеджмента, снижение инфраструктурных барьеров. [16].

Чем больше продуманных решений, которые в дальнейшем могут использоваться в комплексе, будет сформулировано и предложено, тем больших эффектов могут получить регионы и отрасли, и в результате – вся экономика страны.

Завершая обзор научных трудов на тему отраслевых особенностей производительности труда, следует выделить статью коллектива авторов под руководством Е.И. Кадочниковой [10], в которой сделан вывод о необходимости разработки отраслевых дорожных карт развития каждой отрасли. Это предложение нашло отражение в формулируемых в настоящее время отраслевых программах повышения производительности труда.

Отметим, что в зарубежных научных изданиях тема системного управления производительностью труда в стране представлена более широко и подробно по сравнению с публикациями в российских научных журналах. В частности, можно выделить статью коллектива авторов под руководством Т. Корнеевой, в которой представлено описание системы управления производительностью труда, принципы, программы повышения на уровне отдельных предприятий, которые синхронизированы через общие методические подходы к управлению [23].

Многие исследователи видят связь между производительностью труда и рынком труда (занятостью) [19; 20], но, к сожалению, она в большинстве случаев сводится к тезису ученых о том, что нужно стимулировать мотивацию людей (через повышение уровня оплаты труда) и использовать «окна возможностей», что приведет к росту эффективности их работы [6]. Более глубоких попыток осмыслить взаимосвязь показателей рынка труда и производительностью труда не так много. При этом одна из причин роста актуальности темы заключается в том, что проблема сокращения численности населения и дефицита трудоспособного населения в текущий период истории страны может быть решена через повышение производительности труда.

Отдельно отметим локальные попытки обосновать возрастающее значение роли системы образования в решении проблем в области производительности труда. Так, например, Ж.Т. Тощенко предлагает: профориентацию, производственную практику, профессиональную адаптацию, которые в совокупности позволять повысить эффективность не только обучения в вузе, но и последующей работы на предприятиях [18].

Таким образом, несмотря на большое количество разнообразных по направлениям и качеству научных работ в отечественных изданиях, представлений о том, как выглядит (или может выглядеть) система управления производительностью труда в нашей стране, нет – сама система не сформирована, не описана и недостаточно изучена. Большая часть научных публикаций носит фрагментарный характер, обращается к отдельным вариантам методических внедрений на уровне предприятия, к структурным ограничениям на уровне предприятий (и реже – отраслей), к технологическим факторам, что не позволяет оценить влияние предлагаемых решений на всю систему в долгосрочной перспективе.

Предпосылки актуализации темы производительности труда в РФ

С 2019 по 2024 г. в России действовал национальный проект «Производительность труда и поддержка занятости». Акцент был сделан на адресной работе с опорными предприятиями реального сектора, составляющими основу несырьевого ВВП.

Его реализация была осуществлена с помощью развития системы консалтинга, представленной Федеральным и 60 региональными центрами компетенций. Предприятия могли воспользоваться их услугами по анализу и оптимизации процессов с помощью технологий бережливого производства. Проекты по повышению производительности труда смогли заказывать не только крупные корпорации, но и компании среднего сегмента. Тысяча экспертов помогали бизнесу быть эффективнее за счет внедрения практик бережливого производства, чтобы правильно задействовать внутренние ресурсы, устранять простои и потери, оптимизировать логистику. За это время у большинства представителей бизнеса, участвующих в проектах повышения производительности труда, сформировался запрос на культуру непрерывных улучшений. Многие из них стали заниматься производительностью труда собственными силами, в том числе за счет обучения менеджмента, сотрудников, технологических решений, используя системные меры господдержки.

В рамках национального проекта до 2024 г. были определены следующие цели по повышению производительности труда: рост производительности труда на вовлеченных организациях – 5% в год не менее чем у 50% участников проекта. Согласно отчетным документам[6], у 69% из них было зафиксировано достижение целевого показателя. Количество охваченных предприятий – 6 тыс. субъектов из 6 718. На этом этапе национальный проект был сосредоточен только на предприятиях базовых несырьевых отраслей (далее – БНО).

Ключевым звеном системы поддержки предприятий, планирующих повысить производительность труда, стал Федеральный центр компетенций в сфере производительности труда (далее – ФЦК), который объединил более одной тысячи экспертов по бережливому производству, в том числе из таких компаний, как РЖД, Ростех, Росатом. Были созданы 60 региональных центров компетенций (далее – РЦК) и три корпоративных центра компетенций (далее – КЦК). ФЦК удалось достичь частичную окупаемость, выйдя на показатель в 17,5% финансирования за счет внебюджетных источников. По оценкам платформы, на предприятиях – участниках проектов удалось сократить кадровую потребность более чем на 130 тыс. человек. Производительность труда у них оказалась в среднем на 5% выше по сравнению с организациями, которые не вошли в контур проекта, во многом за счет увеличения выработки продукции на 61%. Была организована и просветительская и образовательная деятельность: более 100 тыс. сотрудников предприятий и региональных команд было обучено инструментам бережливого производства.

[6] Нацпроект «Производительность труда»: итоги работы в цифрах // НО «Национальные приоритеты». https://национальныепроекты.рф/news/natsproekt-proizvoditelnost-truda-itogi-raboty-v-tsifrakh/ (дата обращения: 23.09.2025).

Специально для модерирования работы ФЦК и участников проекта была создана платформа «Производительность.рф» – точка сборки цифровых сервисов для всех участников федерального проекта. На макроуровне она включала в себя систему дашбордов мониторинга производительности труда и достижения национальных целей для высших должностных лиц субъектов РФ, на отраслевом и региональном уровнях – сервисы для отбора и работы с организациями, на уровне предприятия – сервисы для внедрения решений по повышению производительности труда и онлайн-площадка для обучения и информирования участников. Данная платформа охватила более 30 тыс. зарегистрированных организаций, было создано более 274 тыс. личных кабинетов активных пользователей.

После завершения национального проекта в 2024 г. была осуществлена его пересборка с учетом новых национальных целей и подходов к их достижению. Новый – уже федеральный – проект «Производительность труда», запущенный в рамках национального проекта «Эффективная и конкурентная экономика», предполагает обновленные ориентиры. Прежде чем оценить возможность их достижения в действующей системе управления производительностью труда, проанализируем текущее состояние показателя «производительность труда» в масштабе страны.

Анализ показателей производительности труда в РФ

За последние несколько десятилетий вопрос сопоставления уровней производительности труда в разных странах поднимался в первую очередь для того, чтобы подчеркнуть значительное отставание России от других развитых стран – с 5 раз в 2009 г. до 2–2,5 раз в 2023 г. В среднем за последние пять лет темп прироста показателя составил 1,5%, причем за последние два года рост составил 2,7% (см. табл. 1).

Двукратное отставание от стран-лидеров обусловлено рядом причин: историческими предпосылками, технологическим развитием, специализацией стран на высокотехнологичных отраслях. Прирост производительности труда в нашей стране был высоким, но его оказалось недостаточно для того, чтобы догнать страны-лидеры.

Данные о производительности труда по разным отраслям показывают, что за последнее десятилетие сформировались отрасли-лидеры, которые смогли достичь значительного опережения в показателях производительности по сравнению со средними значениями по экономике, и наоборот, ряд отраслей демонстрируют низкие показатели производительности труда, в первую очередь в социальной сфере, строительстве, гостиничном бизнесе и общепите (см. табл. 2).

Таблица 1

Показатели производительности труда по разным странам по итогам 2023 г., тыс. долл. США (ППС) на одного занятого

Страна	Производительность труда, тыс. долл. (ППС) на одного занятого	Средний темп прироста производительности за пять лет (2018–2023 гг.), %
Ирландия	252,8	2,0
Норвегия	200,4	0,5
США	172,1	1,9
Германия	138,6	0,1
Южная Корея	98,3	0,8
Япония	92,5	0,5
Россия	88,4	1,5
Казахстан	86,3	2,0
Болгария	72	3,0
Китай	46,6	5,0
Индия	24,5	1,8

Источник: составлено авторами по данным: МВФ. https://www.imf.org/en/Publications/Publications-By-Subject?subject=Labor%20productivity; МОТ. https://ilostat.ilo.org/topics/labour-productivity/; ОЭСР. https://www.oecd.org/en/data/indicators/labour-productivity-and-utilisation.html; Росстат. http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Rus_strani_mira_2023.pdf (дата обращения: 02.09.2025).

Медианное значение производительности труда по совокупности отраслей составляет около 2,2 млн руб. на занятого, что соответствует сектору государственного управления, военного и социального обеспечения, однако с учетом структуры занятости медианная производительность экономики, т. е. взвешенная по занятости, ниже – порядка 1,9 млн руб., что отражает концентрацию занятости в низко- и среднепродуктивных секторах и зону структурного давления. Разрыв между лидирующими отраслями и медианным уровнем достигает 8–10 раз, что отражает высокую межотраслевую дифференциацию и обосновывает необходимость отраслевой дифференцированной политики повышения производительности труда.

Как видно из табл. 2, самая низкая производительность труда характерна для самозанятых, в пересчете по столбцу с данными о производительности труда по ВДС выработка на одного самозанятого составляет около 100 тыс. руб., что, например, в 198 раз ниже по сравнению с производительностью труда на одного человека в отрасли добычи полезных ископаемых. Факторы лидерства добывающей промышленности являются отдельной темой для исследования. Тем не менее расчет корреляции между двумя рядами данных – производительностью труда и уровнем занятости в отрасли от общей численности занятых –

Таблица 2

Лидеры и аутсайдеры среди отраслей в РФ по производительности труда к 2024 г.

Отрасль	Производительность труда, млн руб. / человек по валовой добавленной стоимости (ВДС)	Занятость в отрасли, млн человек	Доля занятых в отрасли от общей численности занятых, %
Лидеры			
Добыча полезных ископаемых	19,8	1,6	2,2
Операции с недвижимым имуществом	15,3	1,2	1,7
Информация и связь	5,2	1,4	1,9
Финансы и страхование	4,4	1,6	2,2
Научная, административная деятельность, сопутствующие дополнительные услуги	3,0	4,7	6,4
Обрабатывающие производства	3,0	10,2	14,0
Обеспечение электроэнергией и газом	2,7	1,7	2,4
Торговля	2,3	11,2	15,3
Аутсайдеры			
Государственное управление, военное и социальное обеспечение	2,2	5,1	7,0
Транспорт	2,1	6,5	8,9
Малое и среднее предпринимательство	1,9	29,0	37,7
Культура и спорт	1,2	1,5	2,1
Сельское хозяйство	1,1	4	5,5
Водоснабжение и водоотведение	1,0	0,5	0,7
Строительство	0,9	4,9	6,7
Образование	0,8	7,1	9,7
Гостиницы и общепит	0,5	2,0	2,7
Здравоохранение и социальные услуги	0,5	5,8	7,9
Самозанятые	0,1	10,0	13,6

Источник: составлено авторами по данным Росстата. http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Rab_sila_2024.pdf (дата обращения: 23.09.2025).

показал наличие значимой отрицательной связи (–0,63) между ними, т. е. высокопроизводительные отрасли характеризуются меньшей численностью работников относительно общего числа занятых. Однако это не означает, что высокопроизводительные отрасли не испытывают необходимость в наращивании кадров в попытках повысить эффективность в ней: приток новых работников всегда необходим в любую отрасль, поскольку меняются технологии и подходы к управлению и всегда есть отраслевые особенности, которые необходимо учитывать. Современные организации испытывают потребность в новых механизмах, связанных с работой с персоналом и его развитием, обучением высокопроизводительному труду и культуре такого труда, а также высвобождением времени для освоения соответствующих техник, приемов и знаний.

Таблица 3

Показатели плана по достижению общенациональных целей для обеспечения накопленного прироста производительности труда к 2030 г.*

Отрасль	Валовая добавленная стоимость на одного занятого в 2023 г., млн руб.	Прирост с 2012 по 2023 г., %	Прирост с 2024 по 2030 г., %
Сельское хозяйство	1,1	54,1	16,0
Обрабатывающее производство	3,0	38,1	25,0
Информация и связь	5,1	23,5	32,0
Операции с недвижимостью	15,3	17,6	33
Обеспечение электроэнергией, газом	2,7	13,2	19,0
Водоснабжение, водоотведение	1,0	8,1	16,0
Строительство	0,9	1,4	23,0
Гостиницы и общепит	0,5	1,7	29,0
Добыча полезных ископаемых	19,8	–1,0	9,0
Транспортировка и хранение	2,1	–1,7	15,0
Торговля оптовая и розничная	2,3	–6,5	27,0

* Производительность труда в рамках федерального проекта «Производительность труда» по социальной сфере считается по методикам в натуральном выражении по каждой отрасли социальной сферы отдельно (высшее образование, просвещение, спорт, медицина, культура, труд и социальная защита).

Источник: составлено авторами по данным: Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года. http://static.government.ru/media/files/ZsnFICpxWknEXeTfQdmcFHNei2FhcR0A.pdf; данные Росстата http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/VDS_god_OKVED2_s_2011-2024.xlsx.

Для выполнения ключевых показателей эффективности (далее – КПЭ) Единого плана по достижению национальных целей в большинстве отраслей экономики требуется ускорить рост производительности труда. Как минимум необходимо сохранить темп прироста показателя, который удалось достичь в последние два года. Сделать это нужно за счет работы с низкопроизводительными отраслями экономики, для которых характерны показатели производительности труда ниже медианных значений национальной экономики. Опережающих темпов по отношению к отраслям – лидерам по производительности труда необходимо добиться в организациях социальной сферы, отличающихся устойчиво низкой производительностью, а также в отраслях с низкой динамикой производительности (строительство, туризм) и с отрицательной динамикой (логистика, торговля). Оптимальные варианты прироста показателя по отраслям до 2030 г. приведены в табл. 3.

Для того чтобы отрасли вышли на целевые показатели, требуется корректировка архитектуры федерального проекта «Производительность труда», включая целеполагание, распределение ответственности между уровнями управления и набор применяемых инструментов: необходимо перейти от преимущественно проектно-универсальной модели реализации федерального проекта «Производительность труда» к системе многоуровневого управления при сохранении ключевых методических и организационных наработок предшествующего национального проекта.

Состояние системы управления производительностью труда в РФ и предложения по ее развитию

Ключевой метрикой для анализа состояния отраслей является соотношение производительности и занятости. Обрабатывающая отрасль демонстрирует хорошие результаты – высокую производительность при высокой занятости. Есть отрасли, где производительность выше средней по России, но занятость невысокая: добыча, операции с недвижимостью, финансы и страхование. В этих отраслях потенциал роста небольшой ввиду большой капиталовооруженности труда работников.

Ключевой фокус исследования – отрасли с наибольшей занятостью, но с невысокой производительностью: торговля, строительство, обрабатывающее производство, сельское хозяйство, туризм – сектора, важные для экономики предложения. Отдельный вызов – социальная сфера, где производительность значительно ниже, чем в среднем по отраслям, а также требуются дополнительные метрики для анализа производительности труда через выработку на одного сотрудника, как правило, в натуральном выражении. Работа с малыми и средними предприятиями будет вестись в рамках отдельного федерального проекта.

Рост производительности должен стимулировать рост экономики, чтобы обеспечить целевой рост ВВП в 23,6% к 2030 г.[7] Это потребует как минимум сохранить темпы последних двух лет (не менее 2,5% в год).

Стимулирование инвестиций, реализуемые структурные изменения, развитие технологий, управленческие решения Правительства Российской Федерации (регулирование платформенной экономики, банкротства и пр.) дадут «естественный (минимальный) уровень» прироста производительности. Однако в условиях дефицита рабочей силы этого будет недостаточно.

Рост производительности труда должен рассматриваться как системный ответ на ключевые стратегические вызовы для социально-экономического развития нашей страны, включая:

– нарастающие кадровые ограничения, преодоление которых частично возможно за счет повышения производительности труда;
– необходимость ускорения структурных изменений в экономике, прежде всего в отраслях с низкой или стагнирующей производительностью при высокой занятости;
– трансформацию социальной сферы в условиях старения населения и необходимости решения намеченных задач по повышению качества жизни, в которой рост производительности труда существенно отстает от среднего уровня по экономике.

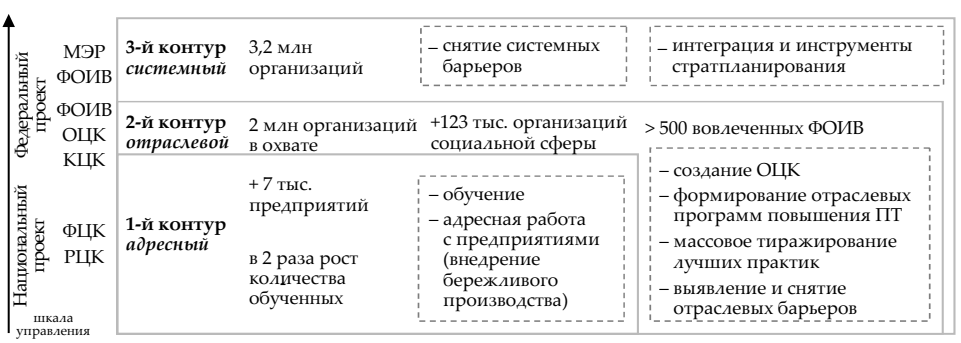
С учетом этих вызовов работа по повышению производительности труда масштабируется. Президент Российской Федерации В.В. Путин поручил охватить инструментами по стимулированию роста производительности труда 40% базовых несырьевых отраслей и все 100% организаций социальной сферы.

Предстоит выстроить систему, полагающуюся не на адресную работу с предприятиями, а на управление отраслями и экономикой в целом. Ключевая цель по росту производительности труда в экономике составляет 20,7% накопленного прироста производительности труда к 2030 г. Таким образом, задача конкретизируется в охват мероприятиями по повышению производительности труда не менее 40% предприятий страны, при этом по отношению к сегментам социальной сферы с низкой производительностью труда – стремиться к 100%-му охвату федеральных, региональных и муниципальных социальных организаций. Это сложная и масштабная задача. Так, исходя из открытых статистических данных, предстоит охватить более 120 тыс. органи-

[7] Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года. http://static.government.ru/media/files/ZsnFICpxWknEXeTfQdmcFHNei2FhcR0A.pdf

заций социальной сферы, в которых трудится 11 млн человек, т. е. 15% всех занятых в стране[8].

С учетом вышеобозначенного необходимо организовать работу по повышению производительности труда в стране на трех уровнях. *Системный уровень.* Производительность должна стать приоритетом на всех уровнях управления. Задача ведомств и федеральных органов исполнительной власти – синхронизировать мероприятия профильных нацпроектов с ростом производительности труда. *На отраслевом уровне* необходимо перейти от управления предприятием к управлению отраслью. Для этого создаются отраслевые центры компетенций (далее – ОЦК) в сфере производительности труда. Задача – выработка системных решений по повышению производительности и снятию отраслевых барьеров. Отраслевая программа должна стать ключевым рабочим документом. Она определяет зоны низкой производительности по сегментам крупных, средних и малых предприятий, а также инструменты работы в каждой из них: адресная работа экспертов центров компетенций различных уровней, тиражирование так называемых коробочных решений (продукты и обеспечительные решения со стандартизированным набором функций) и лучших практик, системные меры, в том числе изменение регулирования, новые технологии. *Адресный уровень* предполагает поддержку экспертов центров компетенций, которым необходимо будет сконцентрироваться на крупных и средних предприятиях с высокой занятостью (обрабатывающая промышленность, агропромышленный комплекс) и в отраслях с низкой производительностью труда. Масштабы работы на всех этих уровнях представлены на рис. 1.

Примечание. МЭР – Министерство экономического развития РФ; ФОИФ – федеральные органы исполнительной власти; ФЦК, ОЦК, РЦК, КЦК – федеральные, отраслевые, региональные, корпоративные центры компетенций; ПТ – производительность труда.
Источник: составлено авторами.
Рис. 1. Масштабы работы на всех уровнях системы управления производительностью труда до 2030 г.

[8] Труд и занятость в России. 2023: Стат.сб. / Росстат. Т. 78. М., 2023. https://www.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Trud_2023.pdf

Рост производительности труда даст положительные результаты всем участникам социально-экономической системы:

– для бизнеса он влечет за собой рост операционной эффективности;
– для государства и регионов решаются ключевые проблемы: высвобождаются неэффективные затраты на проекты развития, минимизируется негативное влияние кадрового дефицита на всю экономику страны;
– для населения – повышается качество социальных услуг, резервы эффективности перераспределяются на рост оплаты труда.

В рамках реализации проекта в предыдущие шесть лет применялись подходы в работе с производительностью «снизу вверх». Важно было достичь результатов на микроуровне, на конкретных предприятиях. В настоящее время стоит задача работать в новом направлении: «сверху вниз». То есть выстроить работу, начиная с государственного уровня до конкретного субъекта – предприятия и организации – путем развертывания программ повышения производительности труда по отраслям. В настоящее время на уровне государства ведется разработка и утверждение отраслевых программ повышения производительности труда. Важно, чтобы у всех участников были одинаковый план действий, целеполагание и понимание, как использовать имеющийся инструментарий и какие системные задачи нужно решить.

Еще одним вызовом является устойчивость внедренных изменений: необходимо выстроить работу над «самовоспроизведением» системы, когда высокая эффективность работы государства и его институтов, предприятия и отдельно взятого человека становится общей ценностью и нормой поведения.

Исходя из изложенного выше, перед Минэкономразвития России и отраслевыми федеральными органами исполнительной власти для эффективной реализации федерального проекта «Производительность труда» могут быть поставлены следующие задачи.

Задача № 1: обеспечить взаимосвязь целей и инструментов их достижения на трех уровнях: «предприятие–отрасль–регион». Для ее решения необходимо детализировать цели повышения производительности труда в Едином плане по достижению национальных целей до подотраслей, закрепить ответственных ФОИВ за достижение показателя по каждой подотрасли; договориться о методике расчета производительности на всех уровнях: экономика в целом, отрасль, регион, предприятие; обеспечить всех участников детализированной, достоверной и оперативной информацией для анализа результатов процесса управления; закрепить понятие «отраслевая программа повышения производительности труда» в документах стратегического планирования; включить мероприятия отраслевых программ повышения производительности труда в отраслевые нацпроекты / госпрограммы.

Задача № 2: сформировать культуру в сфере повышения производительности для обеспечения преемственности и необратимости изменений, инициированных федеральным проектом.

Для этого необходимо:

– обеспечить информированность руководства и сотрудников предприятий и организаций социальной сферы как основных представителей низкопроизводительных отраслей о целях повышения производительности, имеющихся инструментах, реализуемых программах и выгодах, которые получает каждый участник;
– включить тематику производительности труда в повестку молодежных движений (в том числе через проекты АНО «Россия – страна возможностей»);
– включить в образовательные программы школ, колледжей, университетов модуль по основам бережливого производства, доступный для обучающихся и педагогов;
– через платформу «Производительность.рф» обеспечить онлайн обучение инструментам повышения производительности труда с возможностью сертификации и повышения экспертного уровня;
– включить показатели производительности труда в рейтинги, связанные с оценкой деятельности органов власти (включая рейтинги АСИ: рейтинг качества жизни, рейтинг инвестиционной привлекательности, ЭКГ-рейтинг).

Важно, чтобы активности в этой сфере носили системный характер, предполагающий взаимосвязь активностей на разных уровнях: национальном, отраслевом, региональном, организационном. В целях обеспечения системного характера управления производительностью труда предлагаемые меры целесообразно рассматривать в логике разграничения целей и механизмов на национальном, отраслевом и региональном уровнях, каждый из которых решает собственные задачи и дополняет другие уровни управления (см. табл. 4).

Заключение

В результате проведенного исследования получены следующие результаты.

Установлено, что достижение целевых показателей роста производительности труда в экономике РФ требует вовлечения в мероприятия по повышению производительности низкопроизводительных отраслей с высокой занятостью, доля которых определяет общий уровень показателя. Подтверждено, что отрасли с высокой производительностью труда и низкой занятостью обладают ограниченным потенциалом влияния на совокупную динамику производительности в масштабах всей экономики. Выявлена статистически значимая обратная

Таблица 4

Многоуровневая система управления производительностью труда: цели, механизмы и ожидаемые результаты

Цель	Ключевые механизмы	Ожидаемые результаты
Национальный уровень (уровень создания системной рамки)		
Формирование институциональных, регуляторных и информационных условий устойчивого роста производительности труда в масштабах экономики	– стратегическое целеполагание и декомпозиция национальных целей; – синхронизация национальных проектов и госпрограмм; – унификация методологии измерения производительности труда; – устранение системных регуляторных барьеров; – развитие цифровой инфраструктуры мониторинга	– единые правила и ориентиры роста производительности труда; – сопоставимость данных на всех уровнях; – снижение макроэкономических и социально-экономических рисков
Отраслевой уровень (главный уровень масштабирования)		
Обеспечение опережающего роста производительности труда в отраслях с учетом их структурных, технологических и организационных особенностей	– отраслевые программы повышения производительности труда; – деятельность отраслевых центров компетенций; – типизация и тиражирование лучших практик; – снятие отраслевых нормативных и технологических барьеров; – дифференцированный подход к сегментам предприятий	– рост производительности в массовых и социально значимых секторах; – снижение межотраслевой дифференциации; – масштабируемость решений
Региональный уровень (уровень адаптации и интеграции)		
Адаптация национальных и отраслевых механизмов повышения производительности труда к территориальным условиям и структуре региональной экономики	– региональные программы и проектные офисы; – работа региональных центров компетенций; – интеграция с системой образования и рынком труда; – адресная поддержка предприятий; – мониторинг устойчивости результатов	– повышение вовлеченности организаций; – учет региональной специфики; – устойчивость внедряемых изменений

Окончание табл. 4

Цель	Ключевые механизмы	Ожидаемые результаты
Организационный уровень (уровень создания производительности, практической проверки)		
Обеспечение устойчивого роста производительности труда при одновременном повышении эффективности труда	– оптимизация и стандартизация бизнес-процессов; – внедрение бережливого производства; – развитие управленческих и профессиональных компетенций; – технологическое и цифровое обновление; – согласование мотивации и условий труда	– рост выработки и добавленной стоимости; – повышение эффективности и воспроизводимости результатов; – снижение социальной напряженности и рисков интенсификации труда

Источник: составлено авторами.

зависимость между уровнем производительности труда и численностью занятых по отраслям, что указывает на структурный характер проблемы роста производительности труда. Обосновано, что сохранение темпов прироста производительности труда последних лет возможно при переходе от фрагментарных мер к системному управлению производительностью труда на отраслевом и макроэкономическом уровнях. Разработана концептуальная модель трехуровневой системы управления производительностью труда, обеспечивающая масштабирование инструментов повышения производительности и снижение социально-экономических рисков. Обоснован переход от преимущественно микроуровневых инструментов повышения производительности труда к многоуровневой системе управления, включающей системный, отраслевой и адресный уровни.

Как показал проведенный анализ, показатель производительности труда в стране продолжает расти, несмотря на сложные экономические условия и воздействие негативных факторов. Россия уже не в аутсайдерах среди других развитых стран. Но для сохранения темпов роста необходимо продолжить системную работу по созданию условий для увеличения производительности труда во всех организациях и отраслях. За последние два года темп прироста производительности труда составлял 2,7%. Однако для реализации национальных целей и следования ориентирам, определенным государством, необходимо, чтобы прирост сохранился на данном уровне вплоть до 2030 г.

Можно ли удержать подобный темп в целом по экономике? С одной стороны, да, можно, так как резервы роста производительности труда еще есть, с другой – точно не за счет экстенсивных методов и повышения

интенсивности труда и нагрузки на субъектов. Потери, которые мешают росту, должны устранятся на всех уровнях: федеральном – за счет экономической политики государства, отраслевом – за счет программ консолидации лучшего отраслевого опыта и его трансляции в организации, региональном – за счет правильной организации работы в регионе и учета особенностей территорий, организационном – с помощью использования эффективных методологий повышения производительности труда и организационной эффективности, личностном – за счет правильной мотивации и осмысления роли человека на рабочем месте.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Бабурин В.Л.* Анализ производительности реального сектора экономики регионов России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. 2024. Т. 69. № 4. С. 608–626. [*Baburin V.L.* Analysis of real sector productivity in regions of Russia // Vestnik of Saint-Petersburg University. Earth sciences. 2024. Vol. 69. No. 4. Pp. 608–626. (In Russ.).] DOI: 10.21638/spbu07.2024.401. EDN: HUZQVW.
2. *Глазырина И.П., Забелина И.А., Фалейчик Л.М*. Производительность труда в регионах Востока России и Северо-Востока КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2024. № 5. С. 109–126. [*Glazyrina I.P., Zabelina I.A., Faleychik L.M.* Labor productivity in eastern regions of Russia and northeast China // Problems of Far East. 2024. No. 5. Pp. 109–126. (In Russ.).] DOI: 10.31857/S0131281224050086. EDN: KAZTHG.
3. *Гришина И.В. Полынев А.О., Угрюмова А.А.* Влияние диверсификации экономики на производительность труда в российских регионах // Регионология. 2024. Т. 32. № 4 (129). С. 691–711. [*Grishina I.V., Polynyev A.O., Ugryumova A.A.* Impact of economic diversification on labor productivity in Russian regions // Regional studies. 2024. Vol. 32. No. 4 (129). Pp. 691–711. (In Russ.).] DOI: 10.15507/2413-1407.129.032.202404.691-711. EDN: KXZLHN.
4. *Громова Н.В., Дмитриев А.Г.* Технология разработки и практической реализации программ в области управления производительностью труда // Кузнечно-штамповочное производство. Обработка материалов давлением. 2024. № 2. С. 179–184. [*Gromova N.V., Dmitriev A.G.* Technology for designing and practical implementation of programs in the field of labor productivity management // Forging and stamping production. Processing materials by pressure. 2024. No. 2. Pp. 179–184. (In Russ.).] EDN: DAQFZM.
5. *Губина О.В., Проворова А.А.* Производительность труда в Российской Арктике: структурная динамика и регионально-отраслевые тенденции // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2024. Т. 27. № 3 (85). С. 27–43. [*Gubina O.V., Provorova A.A.* Labor productivity in the Russian Arctic: structural dynamics and regional-sectoral tendencies // North and market: formation of economic order. 2024. Vol. 27. No. 3 (85). Pp. 27-43. (In Russ.).] DOI: 10.37614/2220-802X.3.2024.85.002. EDN: EKDHIY.
6. *Денисова И.А., Карцева М.А.* Кадровый вопрос: кризис или окно возможностей? // Журнал Новой экономической ассоциации. 2024. № 4 (65). С. 259–266. [*Denisova I.A., Kartseva M.A.* Personnel issue: crisis or window of opportunity? // Journal of the New Economic Association. 2024. No. 4 (65). Pp. 259–266. (In Russ.).] DOI: 10.31737/2221-2264_2024_4_259-266. EDN: GUZMJZ.

7. *Голикова В.В., Муковкин С.К., Казун А.П., Ершова Н.В.* Дефицит квалифицированных рабочих в обрабатывающей промышленности: следствие неэффективности фирм или препятствие для роста эффективных? // Вопросы экономики. 2025. № 2. С. 39–65. [*Golikova V.V., Mukovnin S.K., Kazun A.P., Ershova N.V.* Shortage of skilled workers in manufacturing: inefficient firms or barrier to efficient growth? // Voprosy ekonomiki. 2025. No. 2. Pp. 39–65. (In Russ.).] DOI: 10.32609/0042-8736-2025-2-39-65. EDN: GYDBJA.
8. *Единак Е.А.* Влияние отраслевой структуры производства на формирование и распределение рабочих мест // Проблемы прогнозирования. 2024. № 1 (202). С. 6–22. [*Edinak E.A.* Impact of production structure on job creation and distribution // Studies on Russian Economic Development. 2024. No. 1 (202). Pp. 6–22. (In Russ.).] DOI: 10.47711/0868-6351-202-6-22. EDN: NXJNRF.
9. *Журавлёв Д.М., Чаадаев В.К. Михеев Е.Б.* Факторы роста производительности труда промышленного сектора в условиях структурной перестройки экономики // Экономика промышленности. 2025. Т. 18. № 1. С. 49–62. [*Zhuravlyov D.M., Chaadaev V.K., Mikheyev E.B.* Factors influencing labor productivity growth in the industrial sector amid economic restructuring // Russian Journal of Industrial Economics. 2025. Vol. 18. No. 1. Pp. 49–62. (In Russ.).] DOI: 10.17073/2072-1633-2025-1-1425. EDN: QVAPOE.
10. *Кадочникова Е.И., Багаутдинова Н.Г., Хординов С.О.* Отраслевые тенденции совокупной факторной производительности: где потенциал роста? // Russian Journal of Economics and Law. 2024. Т. 18. № 4. С. 876–897. [*Kadochnikova E.I., Bagautdinova N.G., Homidov S.O.* Sectoral trends in total factor productivity: where is the potential for growth? // Russian Journal of Economics and Law. 2024. Vol. 18. No. 4. Pp. 876–897. (In Russ.).] DOI: 10.21202/2782-2923.2024.4.876-897. EDN: TTOULE.
11. *Колесникова О.А., Маслова Е.В., Околелых И.В.* Производительность труда в современной России: проблемы теории и практики учета и обеспечения роста // Социально-трудовые исследования. 2025. № 1 (58). С. 129–140. [*Kolesnikova O.A., Maslova E.V., Okolelykh I.V.* Labor productivity in contemporary Russia: problems of theory and practice of accounting and ensuring growth // Social-Labor research. 2025. No. 1 (58). Pp. 129–140. (In Russ.).] DOI: 10.34022/2658-3712-2025-58-1-129-140. EDN: FDGPDV.
12. *Лапидус А.А.* Метод повышения производительности труда в строительстве // Вестник МГСУ. 2024. Т. 19. № 8. С. 1365–1372. [*Lapidus A.A.* Method for increasing labor productivity in construction // Vestnik MGSU. 2024. Vol. 19. No. 8. Pp. 1365–1372. (In Russ.).] DOI: 10.22227/1997-0935.2024.8.1365-1372. EDN: FAHXKA.
13. *Макар С.В., Ярашева А.В.* Производительность труда: особенности дифференциации социально-экономического пространства Дальнего Востока России // Народонаселение. 2024. Т. 27. № 3. С. 193–205. [*Makar S.V., Yarasheva A.V.* Labor productivity: peculiarities of socio-economic differentiation of the Far East of Russia // Population. 2024. Vol. 27. No. 3. Pp. 193–205. (In Russ.).] DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-193-205. EDN: ETWVMS.
14. *Мельникова Л.В.* Анализ структурных оснований межрегиональной дифференциации производительности труда // Регион: экономика и социология. 2024. № 1(121). С. 177–200. [*Melnikova L.V.* Structural bases of interregional differences in labor productivity // Region: Economy and Sociology. 2024. No. 1(121). Pp. 177–200. (In Russ.).] DOI: 10.15372/REG20240105. EDN: EDVXRP.

15. *Минаков И.А., Иванова Е.В., Дубовицкий А.А., Климентова Э.А.* Производительность труда в сельском хозяйстве и факторы ее повышения // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2025. № 2. С. 11–16. [*Minakov I.A., Ivanova E.V., Dubovitskiy A.A., Klimentova E.A.* Labor productivity in agriculture and factors contributing to its increase // Economy of Agricultural and Processing Enterprises. 2025. No. 2. Pp. 11–16. (In Russ.).] DOI: 10.31442/0235-2494-2025-0-2-11-16. EDN: KRBGBG.
16. *Потапцева Е.В., Пономарева А.О.* Цифровая трансформация предприятий Свердловской области в рамках нацпроекта «Производительность труда»: проблемы и перспективы реализации // Регион: экономика и социология. 2025. № 1 (125). С. 277–305. [*Potaptsova E.V., Ponomaryova A.O.* Digital transformation of enterprises in Sverdlovsk region within the national project "Labor productivity": problems and prospects of implementation // Region: Economy and Sociology. 2025. No. 1 (125). Pp. 277–305. (In Russ.).] DOI: 10.15372/REG20250111. EDN: UUBQKC.
17. *Решетникова И.Г., Баянов Д.С.* Анализ организационно-экономических механизмов повышения производительности труда в сельскохозяйственном производстве // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2025. № 6. С. 63–71. [*Reshetnikova I.G., Bayanov D.S.* Analysis of organizational and economic mechanisms for increasing labor productivity in agricultural production // Economy of Agricultural and Processing Enterprises. 2025. No. 6. Pp. 63–71. (In Russ.).] DOI: 10.31442/0235-2494-2025-0-6-63-71. EDN: YBPCWA.
18. *Тощенко Ж.Т.* Формы участия высшего образования в решении проблем производительности труда // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2024. Т. 24. № 1. С. 28–42. [*Toshchenko Zh.T.* Forms of higher education participation in solving labor productivity issues // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology. 2024. Vol. 24. No. 1. Pp. 28–42. (In Russ.).] DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-1-28-42. EDN: TCBRDD.
19. *Узякова Е.С., Широв А.А.* Занятость и производительность труда в России: анализ и прогноз // Проблемы прогнозирования. 2024. № 4 (205). С. 6–20. [*Uzyakova E.S., Shirov A.A.* Employment and labor productivity in Russia: analysis and forecast // Studies on Russian Economic Development. 2024. No. 4 (205). Pp. 6–20. (In Russ.).] DOI: 10.47711/0868-6351-205-6-20. EDN: HTEUJT.
20. *Широв А.А.* Качество жизни населения как фактор развития Российской экономики // Вестник Российской академии наук. 2024. Т. 94. № 2. С. 89–96. [*Shirov A.A.* Quality of life as a factor in the development of the Russian economy // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2024. Vol. 94. No. 2. Pp. 89–96. (In Russ.).] DOI: 10.31857/S0869587324020016. EDN: GIIJNM.
21. *Belanovsky S.A.* On the Organizational Potential for Increasing Labor Productivity (According to the Findings of a Participant Observation) // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2024. Vol. 17. No. 4. Pp. 161–176. DOI: 10.15838/esc.2024.4.94.9. EDN: DHTEFH.
22. *Dolzhenko R.A., Dolzahenko S.B.* Practices for improving labour productivity in the extractive industry // The Manager. 2025. Vol. 16 No. 2. Pp. 47–63. DOI: 10.29141/2218-5003-2025-16-2-4. EDN: PECUEK.
23. *Kornieieva T., Varela M., Luis A.L., Teixeira N.* Developing Theoretical and Methodological Provisions for Improving the Mechanism of Labour Efficiency // Administrative Sciences. 2024. Vol. 14. No. 2. P. 24. DOI: 10.3390/admsci14020024. EDN: PWJDFN.

Дата поступления рукописи: *08.12.2025 г.*
Дата принятия к публикации: *24.02.2026 г.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Долженко Руслан Алексеевич – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики труда и управления персоналом Уральского государственного экономического университета, Екатеринбург, Россия
ORCID: 0000-0003-3524-3005
snurk17@gmail.com

Долженко Светлана Борисовна – кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономики труда и управления персоналом Уральского государственного экономического университета, Екатеринбург, Россия
ORCID: 0000-0002-2575-9588
ginsb@usue.ru

Назаров Александр Вячеславович – старший преподаватель кафедры экономики труда и управления персоналом Уральского государственного экономического университета, Екатеринбург, Россия
ORCID: 0000-0003-2587-6618
nazarov_av@usue.ru

ABOUT THE AUTHORS

Ruslan A. Dolzhenko – Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Professor of the Labor Economics and Personnel Management Department, Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia
ORCID: 0000-0003-3524-3005
snurk17@gmail.com

Svetlana B. Dolzhenko – Cand. Sci. (Econ.), Head of the Labor Economics and Personnel Management Department, Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia
ORCID: 0000-0002-2575-9588
ginsb@usue.ru

Aleksandr V. Nazarov – Senior Lecturer of the Department of Labor Economics and Personnel Management, Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia
ORCID: 0000-0003-2587-6618
nazarov_av@usue.ru

NATIONAL LABOR PRODUCTIVITY MANAGEMENT SYSTEM IN THE RUSSIAN FEDERATION[9]

Labor productivity is a key indicator of socioeconomic development and an important benchmark for state economic policy. In the context of the implementation of the new

[9] This research was funded by the Russian Science Foundation Project No. 24-28-20469 (https://rscf.ru/project/24-28-20469/) and the Government of the Sverdlovsk region.

federal project "Labor Productivity" and the need to achieve national targets, developing a systems-based approach to managing labor productivity across the entire economy is particularly relevant. The aim of this study is to develop a system-based understanding of the goals and mechanisms of labor productivity management in the Russian Federation at the macro, sectoral, and organizational levels and to substantiate development directions for these systems in the current conditions. The research methods included the analysis of regulatory and policy documents, statistical and comparative analysis of labor productivity and employment indicators by economic sector, and a systems-based approach. The analysis substantiates the need to shift from primarily targeted measures to improve labor productivity to a multi-level management system encompassing the system, sectoral, and organizational levels. A conceptual model of labor productivity management is proposed, focused on the institutional synchronization of national projects, industry programs, and productivity-improvement tools, as well as the development of a productivity culture as a prerequisite for the sustainability of achieved results.

Keywords: *labor productivity, labor productivity management system, social sphere, federal project.*
JEL: J24, J08.

Вестник Института экономики Российской академии наук
1/2026

С.А. БРАТЧЕНКО
кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН

ОБОСНОВАННОСТЬ ЦЕЛЕЙ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ, А ТАКЖЕ ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ ЕЕ ОТСУТСТВИЯ (НА ПРИМЕРЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОГРАММ)

Предметом настоящего исследования выступают феномены обоснованности и, соответственно, необоснованности целей в отечественном государственном управлении. Эта тема является логическим продолжением изучения проблемы достижимости целей, тесно связанной с качеством государственного управления. Изучение научной литературы по данной теме показало актуальность проблемы во многих областях государственного управления. Анализ проявления этого феномена в практике государственного управления позволил выделить девять разных типов необоснованности заданных целей, которые имеют место в отношении как их качества, так и их количественных показателей. Рассмотрены основные причины, по которым необоснованность целеполагания имеет место в отечественном государственном управлении. Описаны наиболее значимые следствия существующей на сегодняшний день практики необоснованного целеполагания как для государственного управления, так и для российской экономики. Теоретическое осмысление категории «обоснованность» позволило выделить условия, или составляющие, обоснованности целеполагания, а именно: релевантность, достижимость и оптимальность, причем последняя, как частный случай, включает в себя эффективность. В результате проведенного исследования сформулированы рекомендации для уменьшения остроты проблемы необоснованности целей в российском государственном управлении. В частности, отмечено, что принятие к исполнению необоснованных целей часто приводит не только к недостижению этих целей, но и, как следствие этого, к тому, что огромные суммы федерального и других бюджетов тратятся без должного результата. Поэтому повышение обоснованности целеполагания и, соответственно, ревизия вновь предлагаемых и уже утвержденных целей государственного управления на предмет их обоснованности позволит: 1) повысить достижимость целей государственного управления; 2) высвободить значительные суммы федерального бюджета и снизить остроту проблемы дефицита федерального, региональных и местных бюджетов.

Ключевые слова: *качество государственного управления, критерии качества целеполагания, обоснованность целей, достижимость целей, релевантность целей, согласованность целей, оптимальность целей, количественные и качественные цели, стратегические и операционные цели.*

УДК: 338.24

EDN: ARALQI

DOI: 10.52180/2073-6487_2026_1_49_70

Введение

Одним из важнейших условий, обеспечивающих качество управления, выступает качество целеполагания, важной характеристикой которого является степень обоснованности целей. Сам термин «обоснованность» применительно к принятию решений чаще используется в более широком контексте, а обоснованность намечаемых целей, в свою очередь, выступает одним из случаев в процессе принятия управленческих решений. Соответственно, необоснованность поставленных целей обычно является важным фактором снижения качества управления в целом, поскольку часто приводит к их недостижению. Вышесказанное носит общий характер и относится к управлению в любой области, а не только в экономике или государственном управлении.

Объектом данного исследования выступает более узкая область – наше отечественное государственное управление (далее – ГУ). Изучение научной литературы подтвердило актуальность проблемы (подробнее см. п. Актуальность проблемы: обзор литературы). *Эта тема является логическим продолжением изучения проблемы достижимости целей* (подробнее см. [1]). В данной статье мы намерены:

- выделить наиболее типичные проявления необоснованности целей в российском ГУ;
- обозначить основные причины необоснованности целей в российском ГУ;
- изложить наиболее важные следствия принятия к исполнению необоснованных целей;
- на основании изучения феномена необоснованности попытаться сформулировать, что же такое обоснованность и в чем она заключается;
- сформулировать рекомендации для повышения обоснованности целей в отечественном государственном управлении.

Результаты исследования могут иметь не только некоторую теоретическую значимость, но также могут быть полезными для повышения качества отечественного государственного управления на практике.

Актуальность проблемы: обзор литературы

В научной литературе отмечается важность обоснованности целей, однако автору не удалось обнаружить исследования феномена обоснованности целей как такового. Ученые в основном делают акцент на необоснованности: «Расстройство на уровне постановки целей (необоснованность целей, неадекватность целей, противоречивость текущих решений и стратегических целей и т. д.) провоцирует углубление всех дальнейших отклонений в функциональной цепочке управления» [2, с. 104].

Проблема необоснованности целей актуальна не только в экономике, но и во всех областях человеческой деятельности, в которых можно говорить об управлении. В экономике об обоснованности целей особенно настоятельно говорят в менеджменте, применительно к бизнесу [3, с. 15; 4, с. 58]. Анализ научных источников демонстрирует актуальность проблемы в различных областях государственного управления: при управлении экономическим ростом [5, с. 21–23], при выработке промышленной [6] или региональной [7, с. 37] политики, при формировании принципов управления земельными ресурсами [8]. Подобные проблемы возникают не только на макроуровне, но на всех уровнях государственного управления, например, в муниципальном управлении [9, с. 76].

Однако значимость проблемы не сводится к степени ее распространенности. Вопрос также в характере и масштабе последствий принятых управленческих решений. Так, Е.М. Бухвальд на примере федеративной реформы констатирует, что российские институциональные реформы «видятся недостаточно мотивированными, лишенными четкого целеполагания и развернутой оценки фактически достигаемых результатов», не обладают признаками «социально-политической и экономической обоснованности, четкости целеполагания, объективного мониторинга и оценки итоговых результатов». В результате, «как показывает опыт последних десятилетий, их воздействие может иметь как позитивный, так и негативный характер» [10, с. 34]. То есть недостаточно качественное целеполагание, необоснованность целей – это не только уменьшение полезного ожидаемого эффекта или отсутствие результата. Бывает и негативный результат.

Методология исследования

Поскольку феномен обоснованности целей практически не отражен в научной литературе, было принято решение начать изучение с необоснованности целей и затем, когда уже в общих чертах сформировано понимание, в чем может заключаться необоснованность целей, попытаться сформулировать критерии обоснованности целей.

Проявления необоснованности целей в российском государственном управлении

Необоснованность целеполагания может проявляться по-разному.

1. Первый, самый простой и лежащий «на поверхности» случай относится к *количественным показателям* и выражается в *установлении нереалистичных завышенных целей.*

Возьмем для примера государственную программу (далее – ГП) «Развитие образования»[1]. В табл. 1 приведены данные для двух показателей. Ряд других показателей характеризуется подобной динамикой.

Таблица 1

Помесячный план достижения некоторых показателей ГП «Развитие образования» в 2025 г.

Наименование показателя	январь	февраль	март	апрель	май	июнь
Доля детей в возрасте от 5 до 18 лет, охваченных дополнительным образованием, %	55,78	57,63	58,36	59,49	61,43	63,05
Доля молодых людей, вовлеченных в добровольческую и общественную деятельность, %	0,0	2,88	5,76	8,65	11,53	14,41
Наименование показателя	**июль**	**август**	**сентябрь**	**октябрь**	**ноябрь**	**конец 2025 г.**
Доля детей в возрасте от 5 до 18 лет, охваченных дополнительным образованием, %	64,76	67,06	73,45	79,86	79,96	80,3
Доля молодых людей, вовлеченных в добровольческую и общественную деятельность, %	17,29	20,17	23,05	25,94	28,82	31,7

Источник: Паспорт ГП «Развитие образования». С. 13. https://programs.economy.gov.ru/gp/-/subject/-/direction/1/gp/34/gpVersion/16687 (дата обращения: 20.09.2025).

Даже не вдаваясь в то, за счет чего предполагается достичь целевые значения показателей, очевидно, что эти цифры, как выражались в советское время, – директивные. Возникает вопрос, за счет каких факторов возможно за год повысить долю детей, посещающих различные секции и кружки, на 24%, или увеличить долю волонтеров за год с нуля почти до трети от общей численности молодежи?

Одной из причин здесь может выступать «низкое качество прогнозирования и планирования, (которое) отражается на результатах реализации государственных программ, когда плановые значения текущего года без всяких оснований превышают фактические прошлого года на 50% или в разы и не могут быть достигнуты» [11, с. 92].

[1] Паспорт ГП «Развитие образования» на 2025–2027 гг. https://programs.economy.gov.ru/gp/-/subject/-/direction/1/gp/34/gpVersion/16687 (дата обращения: 20.09.2025).

В данном конкретном случае нам видятся и другие причины, прежде всего цифры Указа Президента Российской Федерации № 309[2], предусматривающего увеличение доли молодых людей, вовлеченных в добровольческую и общественную деятельность, не менее чем до 45% к 2030 г. Представляется, что именно этим обусловлены галопирующие темпы роста значений данного показателя, предусмотренные в ГП.

2. Бывает, что необоснованные цели выглядят реалистичными, то есть достижимыми (и по факту таковыми и являются). Например, если конечные цели четко не заданы (как в предыдущем случае – Указом Президента Российской Федерации), то составители госпрограмм могут избирать иную стратегию целеполагания – показывать минимально возможный рост. (см. табл. 2).

Таблица 2

Динамика показателя «Доля выпускников образовательных организаций, реализующих программы среднего профессионального образования, занятых по виду деятельности и полученным компетенциям», %

Наименование показателя	2022	2023	2024	2025	2026	2027	2028	2029	2030
РФ в целом	62,5	62,6	62,7	62,8	62,9	63,0	63,1	63,2	63,3

Источник: Паспорт ГП «Развитие образования». С. 9. https://programs.economy.gov.ru/gp/-/subject/-/direction/1/gp/34/gpVersion/16687 (дата обращения: 20.09.2025).

В отличие от предыдущего случая эти цели – достижимые, даже заведомо достижимые. Что не делает их обоснованными. Потому что *обоснованные цели – это не только достижимые, но обеспечивающие оптимальное (быстрое, эффективное) достижение поставленных стратегических целей, решение государственных проблем и задач.* И если в образовании и впоследствии на рынке труда существует дефицит специалистов со средним образованием, то задача состоит в максимально быстром и эффективном устранении этой диспропорции, в обеспечении отечественной промышленности квалифицированными кадрами. А исполнителями ГП выбрана стратегия гарантированного результата при минимизации собственных усилий.

Эта стратегия отражает достаточно распространенную ситуацию, когда составителем ГП выступает ее потенциальный исполнитель, у которого «возникает ... мотивация к отказу от напряженности в пла-

[2] Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475991 (дата обращения: 20.09.2025).

нах и переходу к инерционному планированию» [12, с. 20–21]. Г.А. Борщевский говорит об этом как о системной проблеме, которая «состоит в том, что целевые показатели программ разрабатываются исполнителями исходя из легкости их достижения» [13, с. 110].

Из этого следует, что *категория необоснованности тесно связана с недостижимостью, но шире ее.* То есть *бывает необоснованность, из которой вытекает недостижимость* (например, как в примере из пункта выше). А бывает *необоснованность, означающая выбор неоптимальной стратегии для достижения стратегической цели* (как в данном случае), или даже некорректной стратегии для достижения стратегической цели.

3. Однако чаще необоснованность носит *качественный, а не количественный* характер. Так, одной из «причин критики государственных программ являются *несоответствие содержания* государственных программ их *целям*» [14, с. 162].

Например, цель ГП «Развитие образования» сформулирована как «Все школьники Российской Федерации обеспечены равным доступом к качественному общему образованию». Это действительно весьма важная задача – повысить общее качество образования, в том числе за счет снижения разницы в качестве образования между разными школами, сделать доступным качественное образование, как в городских, так и в провинциальных школах.

По замыслу авторов ГП это предполагается достичь посредством обеспечения школ высокоскоростным интернетом, что даст возможность транслировать уроки (по сути, лекции) лучших учителей. Одновременно такое решение позволит «оптимизировать» штаты учителей, поскольку формальная нагрузка на учителя в таких условиях должна снизиться. Что, в свою очередь, может снизить дефицит учителей. На первый взгляд, весьма перспективное решение. За исключением одного нюанса: обучение – это не трансляция знаний ученикам, это усвоение знаний учениками, что невозможно без активной обратной связи между каждым учеником и учителем. Качественное образование предполагает в качестве необходимого условия, что учитель лично проверяет знания каждого ученика и заново объясняет ему все моменты, которые тот не смог усвоить или усвоил некорректно.

Это означает, что качество среднего образования не может быть повышено за счет высокоскоростного интернета в условиях существующего дефицита учителей и будет ухудшено пропорционально степени оптимизации штатов учителей. В данном случае работает известный логистический принцип: «скорость эскадры определяется скоростью самого медленного корабля». Решение сложной проблемы следует начинать с самого критического аспекта, которым в случае отечественного среднего образования выступает дефицит педагогических кадров.

Таким образом, попытка достижения вышеуказанной цели не повысит качество образования, а в случае попытки оптимизации – сокращения штата учителей – усугубит проблему. То есть цель ГП «Развитие образования» при ближайшем рассмотрении оказывается необоснованной, а точнее, – нерелевантной.

Это пример *качественной необоснованной цели*. При этом проблема разного уровня образования в зависимости от школы, региона и размера населенного пункта действительно существует и ее надо решать.

4. Частым признаком необоснованного целеполагания является *необоснованность выбора целевых индикаторов*, когда достижение целевых значений показателей *не обеспечивает достижение качественных стратегических целей (или подцелей в дереве целей)*. Целый ряд исследователей подтверждают наличие данной проблемы [15, с. 55; 16, с. 10; 17, с. 17; 18, с. 405, и др.].

Например, «в некоторых госпрограммах ... широкомасштабные цели политики подменяются более локальными задачами либо пустыми по сути фразами или абстрактными декларациями» [12, с. 10]. Зачастую «решением становится упрощение целей и задач, их локализация до уровня, который можно описать в терминах бюджетных расходов» [12, с. 16].

Применительно к анализируемой нами ГП «Развитие образования» мы можем сказать, что ни «Доля молодых людей, вовлеченных в добровольческую и общественную деятельность», ни «Доля выпускников образовательных организаций, реализующих программы среднего профессионального образования, занятых по виду деятельности и полученным компетенциям» не отражают качества образования и поэтому могут быть признаны нерелевантными для данной государственной программы. Достижение таких показателей не будет содействовать решению исходной стратегической цели (задачи или проблемы) – повышению качества среднего образования.

5. *Необоснованность выбора стратегии или средств достижения целей* (мероприятий госпрограмм, инструментов политики) имеет место, например, когда реализация предусмотренных госпрограммой мероприятий не содействует достижению стратегических целей или показателей программы. «В результате на практике возникают ситуации, когда средства тратятся эффективно, однако они не направлены на достижение целей, установленных в программе» [12, с. 16]. В.Л. Тамбовцев отмечает прецеденты, когда «политика включает инструменты, препятствующие достижению декларируемых в ней целей» [19, с. 5]. О.С. Сухарев справедливо полагает, что «согласование целей политики и инструментов воздействия представляется центральной задачей планирования макроэкономической политики» [2, с. 111].

Таким образом, в результате выбора необоснованной стратегии или необоснованных средств достижения целей не достигаются не только стратегические цели, но зачастую и целевые значения показателей.

6. Еще одним случаем необоснованности выступает *несогласованность поставленной цели с внешними условиями*, например, *необеспеченность различного рода ресурсами* (материальными, финансовыми, персоналом (в том числе персоналом требуемой квалификации) и др.). Отметим, что обоснованность в данном случае является многомерной и должна быть обеспечена по каждому виду ресурсов. Необоснованность хотя бы по одному виду необходимых ресурсов приведет к недостижению поставленных целей.

Однако есть важный нюанс: поскольку для разных стратегий требуются разные ресурсы (и разное их количество), то последовательность шагов при целеполагании должна быть следующая:

– предлагаются варианты стратегий;
– каждая стратегия просчитывается на предмет достижимости, в том числе относительно наличия ресурсов;
– затем из достижимых выбирается лучшая на данный момент стратегия, исходя из текущих приоритетов, где сравниваются три параметра: степень решения проблемы (достижения стратегической цели), скорость решения проблемы и необходимое количество ресурсов. Для данных случаев обязательно должна иметь место такая процедура многокритериальной оптимизации – обоснованности целеполагания;
– и только *после выбора стратегии становится понятным необходимое для достижения цели количество ресурсов.*

7. *Несогласованность целей во времени или,* например, *слишком частая смена целей*. В.И. Клисторин в качестве причины этой проблемы говорит о «коротком горизонте реального планирования» [20, с. 190]. С одной стороны, это общая тенденция, закономерная реакция на высокую неопределенность и турбулентность среды, но с другой, в нашем случае, за этими перманентными реагированиями во многом *снижается поступательность развития,* поскольку «система управления направлена на реагирование на некие вызовы, реальные и надуманные « [20, с. 190].

8. *Несогласованность с существующими институциональными условиями.* Так, в ГП «Развитие образования» предполагается, что в течение 2025 г. значение показателя «Доля детей в возрасте от 5 до 18 лет, охваченных дополнительным образованием», должно вырасти с 55,78% до 80,3% детей. За счет чего составители ГП предполагали такой значительный рост популярности дополнительного образования, если в реальности подавляющее большинство кружков, секций и дополнительных занятий в школах – платные, непонятно. Никаких денег, суб-

сидий или других средств для оплаты дополнительного образования в программе не предусмотрено. То есть составители программы в данном отношении совершенно не учли существующие институциональные реалии, поэтому поставленные цели являются необоснованными с точки зрения институциональных условий.

9. И наконец, *the last, but not the least* (последнее, но не менее важное). Необоснованность целеполагания может выражаться не только в цели как таковой, но и в *выборе лица* (юридического или физического), *ответственного* за ее достижение. Весьма важными представляются два аспекта: 1) позволяют ли полномочия ответственного лица успешно справиться с ее достижением, располагает ли он соответствующими компетенциями; 2) насколько он, в силу своего служебного положения и действующей системы мотивации, заинтересован в ее достижении. Это не означает, что нужно за исполнение каждой строчки должностной инструкции выплачивать премию, отнюдь нет. Напротив, во многих случаях вполне достаточным представляется действовать по Максу Веберу, с его идеальной бюрократической системой, – нам кажется, что у нас недостаточно реализуется потенциал его идей. Здесь важно другое: чтобы целеполагание работало на согласование, а не на рассогласование интересов государства и исполнителя.

Причины необоснованности целей

В качестве основных можно выделить несколько причин необоснованности целей.

1. *Методология целеполагания* в российском государственном управлении. Принципы целеполагания, используемые в современном российском государственном управлении, во многом остались прежними и зачастую базируются на *телеологическом директивном подходе*, как в «старое» советское время. В чем это проявляется? Устанавливаются желательные значения целевых показателей без учета их реалистичности, по принципу «партия сказала – надо...». Например, одна из целей ГП «Развитие промышленности» сформулирована как «Повышение качества и конкурентоспособности промышленности редких и редкоземельных металлов, выражающееся в импортозамещении к 2030 г. на уровне 100% по редким и редкоземельным металлам», что совершенно нереалистично достичь по значительной части редкоземельных металлов [21, с. 561].

2. В практике российского государственного управления достаточно часто происходит *отождествление второй фазы процесса управления (реализации управленческого решения) с процессом управления в целом*, в то время как управление складывается из принятия решения (в нашем случае целеполагания) и его реализации. В результате эффектив-

ность/качество государственного управления оценивается как эффективность/качество реализации принятого управленческого решения. Содержание управленческого решения рассматривается в таком случае как безусловная цель, как данность, а само принятое решение на предмет его качества даже не рассматривается [22, с. 80]. Вследствие этого к процессу и результатам целеполагания в российском государственном управлении относятся некритично.

Между тем еще Джеймс Лоуренс Лафлин (1850–1933) в своей работе «Элементы политической экономии» (1887) подчеркивал, что «Если он (управляющий – *автор*) действует правильно, бизнес успешен и продолжается, если он действует неверно, бизнес терпит неудачи и прекращается ... Все зависит от корректности его решений» [цит. по: 23, с. 114]. То же самое можно отнести к любому управлению, в том числе к государственному, которое требует более критичного отношения к целеполаганию.

3. Изучение литературы подтвердило гипотезу о том, что одной из значимых причин низкого качества и необоснованности целеполагания в российском государственном управлении выступает недостаточная квалификация лиц, готовящих проекты документов [20, с. 191], в том числе связанных с целеполаганием, что сказывается на последующем качестве принимаемых рещений. Например, критерием отбора стратегических инфраструктурных проектов, имеющих государственную значимость как с точки зрения национальных интересов в целом, так и для обороноспособности страны, развития прилегающих регионов, повышения занятости и уровня жизни проживающего там населения, почему-то является показатель чистой приведенной стоимости (NPV), учитывающий коммерческую эффективность и игнорирующий стратегические национальные интересы.

Такая ситуация сложилась в том числе из-за практики отдавать подготовку документов на аутсорсинг, согласно законов № 44-ФЗ и №223-ФЗ. Подготовка документов, касающихся государственного управления, не должна подпадать под действие вышеуказанных законов. Критерием выбора исполнителей для подготовки таких документов должна быть отнюдь не минимизация издержек безотносительно качества готовящихся документов, а прежде всего квалификация исполнителей.

В этой связи представляется полезным необходимым повысить *роль экспертизы* – более широко привлекать специалистов и экспертов при выработке государственных решений, в том числе при обоснованности целеполагания.

4. Еще одной причиной выбора необоснованных целей является личная заинтересованность. Это происходит потому, что в текущей институциональной конструкции интересы людей, принимающих

решения относительно целей, исполнителей и вышестоящих лиц очень часто совпадают: все они заинтересованы в успешном выполнении программы, то есть в достижении запланированных значений показателей, а отнюдь не в достижении стратегических целей ГП. То есть в системе не предусмотрен специальный агент, который бы отстаивал государственные интересы при целеполагании. Разве что Счетная палата, но ее проверки носят спорадический характер, а результаты проверок – рекомендательный. Нужно выстроить систему интересов внутри контура государственного управления таким образом, чтобы агент, отвечающий за целеполагание (также как и вышестоящие органы), был независимым (и компетентным, см. выше) и отстаивал бы государственные интересы, был заинтересован в решении стратегических государственных задач или проблем.

5. Еще одна весьма важная причина – отсутствие контроля качества решений, принимаемых органами государственного управления. Без должного контроля и без введения ответственности результативность реализации изложенных выше рекомендаций останется пустым звуком: если можно принимать необоснованные решения, устанавливая директивно завышенные бравурные необоснованные цели или, напротив, легко достижимые неоптимальные цели, удобные для исполнителя и министерства, и за это «ничего не будет», то такая практика будет продолжаться. Должен быть квалифицированный механизм или институт контроля, независимый от органа, принимающего решения (определяющего цели), который бы не допускал подобные ситуации. И таким механизмом может быть только ответственность: за принятие необоснованных решений должны наступать не обязательно критичные, но какие-либо чувствительные для человека последствия, для того, чтобы он стал заинтересован в реализации государственных интересов.

Это же относится и к квалифицированной экспертизе, роль которой не должна сводиться к тому, чтобы выдать формально положительное заключение, – эксперт должен понимать, что если выявится нарушение, с него тоже спросят за подписанное положительное заключение.

Следствия необоснованности целей

Что происходит с объектом управления, то есть с экономикой при установлении необоснованных целей? Можно выделить несколько сценариев.

1. Самая комфортная для бюрократии ситуация – если выбраны заведомо *достижимые операционные цели (показатели) при неоптимальной для государства стратегии минимизации собственных усилий.* В итоге эти цели достигаются: в результате и исполнитель, и профиль-

ное министерство, и правительство удовлетворены; на официальном уровне считается, что все отработали «на отлично», но исходная стратегическая задача или проблема при этом остается нерешенной. Возникает критическая с точки зрения управления ситуация: поскольку в контуре госуправления прошла информация о достижении цели и все удовлетворены, то там не возникает импульса к продолжению попыток решить стратегическую задачу или проблему, по крайней мере до того, как эта стратегическая проблема или задача не манифестирует и не напомнит о себе вновь.

2. Если же используется *директивный метод целеполагания* (как это иногда бывает при определении национальных целей) и выбраны необоснованные сложно достижимые или недостижимые операционные цели, то в итоге в этом случае не достигаются ни операционные, ни стратегические цели. С точки зрения перспектив решения стратегических задач и проблем этот случай несколько лучше, чем предыдущий, поскольку в системе государственного управления проходит информация о недостижении цели и остается вероятность, что проблему попытаются решить. Но здесь кроется опасность – попытаться решить не государственную, а бюрократическую проблему. И сделать это возможно как минимум двумя способами:

– в следующем управленческом цикле обосновать недостижимость цели и пересмотреть целевое значение, сделав его не просто обоснованным и достижимым, а легко достижимым, то есть перевести ситуацию в описанную выше категорию. Стратегическая проблема или задача останется при этом нерешенной;
– имитировать достижение операционной цели. Н.М. Ясный еще в начале XX века писал о недостоверной отчетности, проистекающей из необоснованности целей [24, с. 100]. Из необоснованных целей вытекает *недостоверная статистика,* и наоборот.

Анализ документов государственного управления подтверждает эту нашу гипотезу. Продолжая апеллировать к ГП «Развитие образования»: в материале ТАСС со ссылкой на Министерство образования сообщается, что на 1 января 2024 г. порядка 12,9 тыс. детей не были обеспечены местами в дошкольных образовательных организациях, из них 5,7 тыс. – в возрасте от двух месяцев до трех лет; обеспеченность дошкольным образованием составила для этой группы детей 99,5%[3]. А в паспорте ГП на с. 47 указано, что начиная с 2023 г. все дети Российской Федерации в возрасте от 1,5 до 3 лет полностью, на 100% обеспечены «дошкольным образованием», то есть яслями[4].

[3] https://tass.ru/obschestvo/22253627 (дата обращения: 03.12.2025).

[4] Паспорт ГП «Развитие образования». С. 13. https://programs.economy.gov.ru/gp/-/subject/-/direction/1/gp/34/gpVersion/16687 (дата обращения: 03.12.2025).

Что происходит в данном случае? Во-первых, поскольку операционные цели отражаются в документах как достигнутые, перспектива достижения стратегических целей резко уменьшается. Кроме того, что очень важно: происходит рассогласование всей системы государственного управления – невозможно принимать эффективные/качественные управленческие решения исходя из недостоверных данных.

3. *Если же утверждаются нерелевантные цели*, то при достижении операционных целей не только стратегические цели не будут достигнуты, но и могут иметь место *самые негативные последствия для всей социально-экономической системы.* На негативные результаты необоснованности указывают, например, Е.М. Бухвальд [10, с. 34] и О.С. Сухарев [5, с. 21].

В таком случае работа всей громадной машины государственного управления оказывается неэффективной. Так, «анализ связи между расходами и показателями государственных программ показал, что между расходами по государственной программе «Здравоохранение» и продолжительностью жизни населения корреляция обратная» [25, с. 226]. В силу необоснованности показателей «рост бюджетных расходов не всегда приводит к росту индикаторов государственных программ... Чем больше расходов на образование, тем меньше поступивших студентов на программы бакалавриата и специалитета» [14, с. 162].

То есть в результате необоснованного выбора показателей усилия всех задействованных людей оказываются неплодотворными, огромные суммы государственных средств тратятся нерезультативно (между тем практически весь федеральный бюджет в последние годы распределяется по каналам государственных программ: в 2024 г. эта доля федерального бюджета составила 99,88%[5]). Проблемы оказываются нерешенными, а упущенное для их решения время не вернешь.

Обоснованность целей и ее условия

На основании вышеизложенного попытаемся сформулировать, в чем же заключается *обоснованность целей*. В общем случае словари трактуют обоснованность как подтвержденность серьезными доводами[6]. В контексте экономического исследования, при анализе феномена обоснованности целеполагания, более уместно понимать обоснованность как «операциональное определение качества»[7] чего-либо (в источнике – социологического исследования). То есть обоснован-

[5] https://programs.economy.gov.ru/ (дата обращения: 30.11.2025).

[6] *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1992. https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/132806 (дата обращения: 18.11.2025).

[7] Социологический справочник / Под ред. В.И. Воловича. К.: Политиздат Украины, 1990. https://sociological_guide.academic.ru/87/86 (дата обращения: 18.11.2025).

ность выступает одним из критериев качества управления (в данном случае – целеполагания).

Каковы условия или составляющие обоснованности применительно к целеполаганию?

1. Обычно обоснованность ассоциируется с *достижимостью*. Достижимость – одно из важнейших требований к целеполаганию [26, с. 58]. Как соотносятся категории «достижимость» и «обоснованность»?

Достижимость – это результирующая одномерная категория – в конкретных условиях (включающих стратегию достижения цели и обеспеченность ресурсами) данная цель либо достижима, либо нет. А обоснованность – многомерная конструкция, она подразумевает комплекс обоснований, а именно:

– проверку того, что реализация выбранной стратегии способна решить поставленную задачу, в результате которой стратегическая цель будет достигнута;
– достижение цели обеспечено каждым из необходимых материальных ресурсов: и кадрами, и финансами, и с институциональной точки зрения и т. п., и не только...
– избранная стратегия будет устойчива к возникающим рискам и другим проявлениям турбулентной внешней среды.

И все эти обоснования связаны логическим оператором «И»: цель будет обоснованной, если будут обеспечены все вышеперечисленные условия: и сырье, и финансы, и кадры, и институты, и все остальное. И если хоть в одном отношении окажется, что цель не обоснована, это означает, что в итоге эта цель недостижима и не обоснована.

Для качественных стратегических целей достижимость должна быть принципиальной, без привязки ко времени, а для оперативных целей, обычно выражающихся количественными индикаторами, – обязательно в привязке к конкретному периоду.

То есть, достижимость является одной из составляющих обоснованности. При этом достижимость является необходимым, но не достаточным, и поэтому не единственным условием обоснованности. Это можно понять на примере показателя «Доля выпускников образовательных организаций, реализующих программы среднего профессионального образования, занятых по виду деятельности и полученным компетенциям», проанализированном во втором случае необоснованности. Бывают цели достижимые, но необоснованные.

2. Однако начинать обоснование надо не с достижимости, а с *релевантности*. Поскольку как стратегические, так и оперативные цели, в процессе управления формулируются отнюдь не произвольно, а для решения каких-либо задач или проблем, то бывает, что достижение оперативной цели не содействует решению поставленной проблемы или задачи, то есть достижению стратегической цели. Это означает,

что в данном случае поставленная оперативная цель оказывается нерелевантной. Таким образом, в процессе целеполагания требуется обосновать/доказать, что достижение (операционной) цели внесет значимый вклад в достижение стратегической цели, устранит причину существующей проблемы.

Кроме того, учитывая, что объект государственного управления весьма сложен, нужно постараться просчитывать побочные последствия (условно: чтоб не повторилась катастрофа Аральского моря).

3. Третьей составляющей обоснованности выступает оптимальность достижения цели: должна быть выбрана такая операционная цель (вкупе со стратегией, то есть с предполагаемыми средствами достижения цели), чтобы существующая проблема была решена в кратчайшее возможное время при минимальной затрате ресурсов. Оптимальность как частный случай включает в себя эффективность.

Примером достижимости и одновременно неоптимальности выступает рассмотренный выше пример 2 (с сознательным занижением целей) из раздела «Проявления необоснованности целей в российском государственном управлении». В.А. Базаров в свое время подчеркивал, что «100-е осуществление плановых перспектив не означает еще, что эти перспективы рассчитаны идеально правильно, что намеченный ими и пройденный жизнью путь является действительно оптимальным» [27, с. 426].

Поэтому обоснованность означает одновременное выполнение всех условий – И релевантности, И достижимости, И оптимальности. При этом мы не утверждаем, что это исчерпывающий перечень условий.

Что еще можно сказать про обоснованность? Всегда ли обоснованные цели достигаются на практике? Ответ на этот вопрос еще в начале прошлого века дал В.А. Базаров. Он писал: «При оценке перспективных планов обычно имеют в виду один критерий – соответствие с действительностью... И если экономическая политика была на деле направлена не по тем линиям, которые предположены в плане, то расхождение этого последнего с действительностью отнюдь не свидетельствует само по себе о методологических ошибках или фактических просчетах составителей плана, наоборот, совпадение с действительностью было бы в этом случае явным доказательством дефектности плана» [27, с. 426].

Это весьма важный момент. Составители плана (государственной программы, национального проекта и др.) при выборе цели предполагают некоторую стратегию (способ) достижения этой цели, которая, как они полагают, будет реализовываться исполнителями, в числе которых оказываются и вышестоящие органы. Например, в государственной программе, которая обычно утверждается постановлениями Правительства, может допускаться внесение неких кор-

ративов в законодательство. При составлении ГП составители, как ожидается, работают в тесном контакте с профильным министерством, которое само согласно с предлагаемой позицией, и может даже в предварительном порядке согласовать предлагаемые изменения в Правительстве. Но ведь законодательные акты принимаются не Правительством, а Президентом Российской Федерации или Государственной думой, которые не подотчетны Правительству. И в случае непринятия таких документов мы будем наблюдать недостижение обоснованных целей.

А вот если цель не достигается, потому что изменились значения экзогенных переменных (ключевой ставки, цены на нефть и др.), то, за исключением случаев заведомого форс-мажора (например, начала СВО) это свидетельствует о низком качестве разработки соответствующего документа. Для снижения рисков необоснованного целеполагания рекомендуется активней использовать инструментарий сценарного планирования, причем не в варианте «оптимистичный – реалистичный – пессимистичный», когда различия в сценариях сводятся к колебанию результирующих переменных ±10 или 20%, а в варианте «если – то»: как изменится значение целевого показателя при изменении цены на нефть с 60 до 40 долларов за баррель?

Заключение

В заключение напрашивается вопрос: как решить проблему необоснованности целеполагания в отечественном государственном управлении? Очевидно, что стандартный ответ «нужно повысить качество целеполагания» или «нужно повысить обоснованность целеполагания» не сработает, даже если такое положение будет закреплено на институциональном уровне, в каком-либо нормативном документе. Для того чтобы решить проблему, нужно выявить, а затем устранить причины проблемы (подробнее см. «Причины необоснованности целей»). В этой связи можно сформулировать следующие рекомендации.

1. Следует понять, что *целеполагание* – это ключевая фаза процесса управления, и она состоит *не в «назначении» целей, а в выявлении возможностей* как объекта управления (социально-экономической системы), так и субъекта управления (системы государственного управления). То есть целеполагание – это решение своего рода оптимизационной задачи: какие максимальные цели могут быть достигнуты при существующих возможностях и возможных вариантах стратегий?

2. Желательно более четко проработать методологические вопросы целеполагания. Предлагаемые *цели должны быть обоснованными*, то есть должны проверяться на *релевантность, достижимость и опти-*

мальность (подробнее см. выше), а также должны быть согласованы между собой. Практика директивного целеполагания «от желаемого» без учета реальных возможностей должна уйти в прошлое.

3. Очень важно *начинать процесс целеполагания именно с релевантности*. То есть с качественной стороны вопроса: Чего мы хотим достичь? Какую задачу или проблему решить? От этого зависят критерии целеполагания. Потому что, например, при выборе варианта строительства стратегического инфраструктурного проекта критерием должны выступать национальные интересы (обороноспособность, развитие прилегающих территорий, обеспеченность страны стратегическими ресурсами), а не показатель чистой приведенной стоимости (NPV), максимизирующий потенциальную прибыль оператора проекта и игнорирующий стратегические национальные интересы, как это нередко имеет место в настоящее время.

4. С организационной точки зрения: с учетом прецедентов разработки документов низкого качества, в том числе касающихся целеполагания, *недопустимо разработку таких документов отдавать на аутсорсинг, тем более нельзя определять исполнителя волюнтаристски или в соответствии со стандартной процедурой государственных закупок*[8]: государственные нормативные акты в целом и определение целей государственного управления – это не то же самое, что поставка самого дешевого цемента на стройку, – это уникальный продукт, подготовка которого требует глубоких специальных знаний. Для подготовки таких документов рекомендуется *привлекать только высококвалифицированных в данной области специалистов и экспертов*, создавать команду «теоретиков» и практиков – из академических институтов, министерств, профильных предприятий. И обязательно отдавать подготовленный проект на экспертизу, причем *неформальную независимую экспертизу*. Иначе слишком высокой оказывается цена ошибок в государственном масштабе.

5. Необходимо *увеличить ответственность за принятие необоснованных решений (необоснованных целей)*, в том числе: во-первых, должна быть персональная ответственность за установление необоснованных целей (чувствительные для человека последствия); во-вторых, должен быть действенный механизм и/или институт контроля, независимый от лиц, принимающих решения о целеполагании (и не только), в том числе при осуществлении эскпертизы.

[8] Согласно Федеральным законам «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ и «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» от 18.07.2011 г. № 223-ФЗ.

Реализация данных рекомендаций представляется весьма важной, поскольку позволит значительно повысить качество целеполагания и, таким образом, результативность и качество государственного управления.

Но ожидаются и другие важные следствия. Как было показано выше, в настоящее время обоснованность целей государственного управления оставляет желать лучшего – ряд целей ГУ недостаточно обоснован, что приводит к нерезультативным тратам огромных сумм федерального бюджета. Поэтому повышение обоснованности целеполагания и, соответственно, ревизия вновь предлагаемых и уже утвержденных целей государственного управления на предмет их обоснованности позволит не только повысить достижимость целей государственного управления, но и высвободить значительные суммы федерального бюджета, что представляется чрезвычайно актуальным в условиях текущего дефицита бюджетов всех уровней и активного поиска источников дохода.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Братченко С. А.* Целеполагание в государственном управлении: вопросы достижимости, релевантности и согласованности целей // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2025. № 1. С. 24–46. [*Bratchenko S.A.* Goal setting in public administration: issues of achievability, relevance and consistency of goals // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2025. No. 1. Pp. 24–46. (In Russ.).] DOI: 10.52180/2073-6487_2025_1_24_46.
2. *Сухарев О.С.* Теория дисфункций: проблема управления и уточнение целей макроэкономического развития // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. № 1. С. 95–112. [*Sukharev O.S.* Theory of dysfunctions: the problem of management and clarifying the goals of macroeconomic development // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2020. No. 1. Pp. 95–112. (In Russ.).] DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10005.
3. *Васильков Ю.В., Гущина Л.С., Иняц Н.* Особенности качественного управления организацией // Современные технологии управления. 2015. № 1. С. 15–20. [*Vasilkov Yu.V., Guschina L.S., Inyats N.* Features of high-quality organization management // Modern management technologies. 2015. No. 1. Pp. 15–20. (In Russ.).] EDN: TICJCT.
4. *Ленкова О.В.* Целеполагание в системе стратегирования нефтегазовой компании // Теория и практика общественного развития. 2015. № 6. С. 58–59. [*Lenkova O.V.* Goal setting in the strategy system of an oil and gas company // Theory and practice of social development. 2015. No. 6. Pp. 58–59. (In Russ.).] EDN: TTKTQV.
5. *Сухарев О.С.* Экономический рост: проблема управления // Экономист. 2016. №7. С. 21–31. [*Sukharev O.S.* Economic growth: a management problem // The Economist. 2016. No. 7. Pp. 21–31 (In Russ.).] EDN: YNRWPX.
6. *Капогузов Е.А., Чупин Р.И.* Возможности использования доказательного подхода для анализа промышленной политики // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: политические, социологические и экономические науки.

2022. Т. 7. № 3. С. 323–330. [*Kapoguzov E.A., Chupin R.I.* Possibilities of using an evidence-based approach for industrial policy analysis // Bulletin of Kemerovo State University. Series: political, sociological and economic sciences. 2022. Vol. 7. No. 3. Pp. 323–330. (In Russ.).] DOI: 10.21603/2500-3372-2022-7-3-323-330.

7. *Ахмедуев А.Ш.* Государственное регулирование как ключевой фактор сбалансированного и устойчивого социально-экономического развития регионов // Региональные проблемы преобразования экономики. 2022. № 6. С. 36–42. [*Akhmeduev A.S.* State regulation as a key factor of balanced and sustainable socio-economic development of regions // Regional problems of economic transformation. 2022. No. 6. Pp. 36–42. (In Russ.).] DOI: 10.26726/1812-7096-2022-6-36-42.
8. *Демидов П.В., Улезько А.В.* Стратегическое управление землями сельскохозяйственного назначения: сущность, принципы и оценка эффективности // Экономические науки. 2018. № 2. С. 237–247. [*Demidov P.V., Ulezko A.V.* Strategic management of agricultural lands: essence, principles and effectiveness assessment // Economic sciences. 2018. No. 2. Pp. 237–247. (In Russ.).] DOI: 10.17238/issn2071-2243.2018.2.237.
9. *Коваленко Е.Г.* Концептуальная модель муниципальной стратегии с акцентом на пространственное развитие // Вестник НГИЭИ. 2020. № 6. С. 75–87. [*Kovalenko E.G.* A conceptual model of municipal strategy with an emphasis on spatial development. Vestnik NGIEI. 2020. No. 6. Pp. 75–87. (In Russ.).] EDN: ZVIEEI.
10. *Бухвальд Е.М.* Федеративная реформа: возможен ли новый этап? // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2023. № 2. С. 34–49. [*Buchwald E.M.* Federal reform: is a new stage possible? // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2023. No. 2. Pp. 34–49. (In Russ.).] DOI: 10.52180/2073-6487_2023_2_34_49.
11. *Палаш С.В.* Системный подход к оценке эффективности государственных программ развития промышленности // Экономика и управление: проблемы, решения. 2018. № 5. С. 90–95. [*Palash S.V.* A systematic approach to evaluating the effectiveness of government industrial development programs // Economics and management: problems, solutions. 2018. No. 5. Pp. 90–95. (In Russ.).] EDN: UUOXKJ.
12. *Хотулёв Е.Л., Наумов С.Н., Блохин А.А.* Новые вызовы программно-целевого управления: поиск ответов и решений: научный доклад. Всероссийская академия внешней торговли Минэкономразвития России. М.: ВАВТ, 2019. [*Khotulev E.L., Naumov S.N., Blokhin A.A.* New challenges of program-oriented management: search for answers and solutions: scientific report. All-Russian Academy of Foreign Trade of the Ministry of Economic Development of Russia. Moscow: VAVT, 2019. (In Russ.).] EDN: FVMORJ.
13. *Борщевский Г.А.* Совершенствование подходов к оценке государственных программ Российской Федерации // Экономический журнал ВШЭ. 2018. Т. 22. No 1. С. 110–134. [*Borshchevsky G.A.* Improving approaches to the assessment of state programs of the Russian Federation // Economic Journal of the Higher School of Economics. 2018. Vol. 22. No. 1. Pp. 110–134. (In Russ.).] DOI: 10.17323/1813-8691-2018-22-1-110-134.
14. *Клисторин В.И., Седипкова С.В.* Анализ методик оценки государственных программ субъектов РФ // Мир экономики и управления. 2021. Т. 21. № 4. С. 159–174. [*Klistorin V.I., Sedipkova S.V*. Analysis of methods for evaluating state programs of the

subjects of the Russian Federation // The World of Economics and Management. 2021. Vol. 21. No. 4. Pp. 159–174. (In Russ.).] DOI: 10.25205/2542-0429-2021- 21-4-159-174.
15. *Марголин А.М.* Пути совершенствования методов оценки эффективности государственных программ // Экономическая политика. 2018. № 6. С. 54–81. [*Margolin A.M.* Ways to improve methods for evaluating the effectiveness of government programs // Economic policy. 2018. No. 6. Pp. 54–81. (In Russ.).] DOI: 10.18288/1994-5124-2018-6-54-81.
16. *Овсянникова Т.Ю., Рабцевич О.В., Югова И.В.* Государственная жилищная политика в России: цели и реалии // Недвижимость: экономика, управление. 2018. № 4. С. 6–12. [*Ovsyannikova T.Yu., Rabtsevich O.V., Yugova I.V.* State housing policy in Russia: goals and realities // Real estate: economics, management. 2018. No. 4. Pp. 6–12. (In Russ.).] EDN: WKVYMO.
17. *Лебедева М.А.* Проблемы реализации национального проекта «Экология» в Российской Федерации // Журнал экономических исследований. 2022. № 6. С. 17–24. [*Lebedeva M.A.* Problems of the implementation of the national project "Ecology" in the Russian Federation // Journal of Economic Research. 2022. No. 6. Pp. 17–24. (In Russ.).] EDN: BKSIJH.
18. *Федорова Т.А., Ломовцев Д.А., Потворов А.И.* Анализ эффективности реализации национального проекта «Производительность труда и поддержка занятости» // Экономический анализ: теория и практика. 2021. Т. 20. № 3. С. 396–415. [*Fedorova T.A., Lomovtsev D.A., Potvorov A.I.* Analysis of the effectiveness of the national project "Labor productivity and employment support" // Economic analysis: theory and practice. 2021. Vol. 20. No. 3. Pp. 396–415. (In Russ.).] DOI: 10.24891/ea.20.3.396.
19. *Тамбовцев В.Л.* О научной обоснованности научной политики в РФ // Вопросы экономики. 2018. № 2. С. 5–32. [*Tambovtsev V.L.* On the scientific validity of scientific policy in the Russian Federation. Economic issues. 2018. No. 2. Pp. 5–32. (In Russ.).] DOI: 10.32609/0042-8736-2018-2-5-32.
20. *Клисторин В.И.* О программах вообще и освоения и развития Сибири – в частности / Континент Сибирь / под ред. В.А. Крюкова; Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук, Всероссийский экономический журнал «ЭКО». Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2020. С. 186–192. [*Klistorin V.I.* On programs in general and the exploration and development of Siberia, in particular / Continent Siberia / edited by V.A. Kryukov; Institute of Economics and Industrial Production Organization of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, All–Russian Economic Journal ECO. Novosibirsk: Publishing House of IEOPP SB RAS, 2020. Pp. 186–192. (In Russ.).] EDN: YSWUVU.
21. *Братченко С.А.* Использование стратегий при разработке государственных программ: обзор практики и анализ ситуаций // AlterEconomics. 2024. № 3. С. 553–570. [*Bratchenko S.A.* The use of strategies in the development of government programs: a review of practice and analysis of situations // AlterEconomics. 2024. No. 3. Pp. 553–570. (In Russ.).] DOI: 10.31063/AlterEconomics/2024.21-3.7.
22. *Братченко С.А.* Роль качества управленческих решений в обеспечении качества государственного управления // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2022. № 4. С. 77–103. [*Bratchenko S.A.* The role of the quality of management decisions in ensuring the quality of public administration // Bulletin of

the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2022. No. 4. Pp. 77–103. (In Russ.).] DOI: 10.52180/2073-6487_2022_4_77_103.

23. *Братченко С.А.* Формирование фундаментальных управленческих идей в период становления капитализма (краткий обзор научных работ) // Управленческие науки. 2018. №. 1. С. 110–118. [*Bratchenko S.A.* The formation of fundamental managerial ideas in the period of the formation of capitalism (a brief review of scientific papers) // Managerial Sciences. 2018. No. 1. Pp. 110–118. (In Russ.).] DOI: 10.26794/2304-022X-2018-8-1-110-118.
24. *Ясный Н.М.* Советские экономисты 1920-х годов. Долг памяти. М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2012. [*Yasny N.M.* Soviet economists of the 1920s. Debt of memory. M.: Publishing house «Delo» RANHiGS. 2012. (In Russ.).] EDN: QVFIXB.
25. *Коокуева В.В.* Оценка финансирования и роли государственных программ по направлению «Новое качество жизни» в развитии экономики России // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2020. № 4. С. 220–228. [*Kookuyeva V.V.* Assessment of financing and the role of state programs in the direction of "New quality of life" in the development of the Russian economy // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2020. No. 4. Pp. 220–228. (In Russ.).] DOI: 10.17513/vaael.1076.
26. *Козлова С.В.* Трансформация институтов управления государственным имуществом: итоги 2022–2024 гг. (ч. II) // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2024. №. 6. С. 56–69. [*Kozlova S.V.* Transformation of State property management Institutions Results of 2022–2024 (PART II) // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2024. No. 6. Pp. 56– 69. (In Russ.).] DOI: 10.52180/2073-6487_2024_6_56_69. EDN: WCOFUS.
27. *Базаров В.А.* О методологии построения перспективных планов // Базаров В.А. Избранные произведения. Т. 1. М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2024. С. 423–443. [*Bazarov V.A.* On the methodology of building long-term plans // Bazarov V.A. Selected works. Vol. 1. M.: Publishing house «Delo» RANHiGS, 2014. Pp. 423–443. (In Russ.).]

Дата поступления рукописи: *08.12.2025 г.*
Дата принятия к публикации: *24.02.2026 г.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Братченко Светлана Анатольевна – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-5066-0678
svetlana.bratchenko@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Svetlana A. Bratchenko – Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher at the Institute of Economics of the RAS, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-5066-0678
svetlana.bratchenko@gmail.com

VALIDITY OF GOALS IN STATE GOVERNANCE, AS WELL AS CAUSES AND CONSEQUENCES OF ITS LACK (ON THE BASE OF SOCIAL PROGRAMS)

The subject of this study is the phenomenon of the validity (reasonableness) and, consequently, the unreasonableness of goals in domestic state governance. This theme is a logical continuation of the study of the problem of achievability of goals, which is closely related to the quality of state governance. A study of the scientific literature on this topic has shown the urgent problem in many areas of state governance. An analysis of the phenomenon's manifestation in practice has allowed us to identify nine different types of unreasonableness that occur in relation to both qualitative and quantitative goals. The main reasons why the unreasonableness of goal setting takes place in the domestic state governance are highlighted. The most significant consequences of the practice of unreasonable goal setting for both state governance and the Russian economy are described. A theoretical comprehension of goal reasonableness phenomenon facilitates to describe the conditions or components of the validity of goal-setting, that are relevance, achievability and optimality, and the latter as a special case includes effectiveness. In conclusion, recommendations to reduce the severity of the problem of unjustified goals in Russian state governance are formulated. In particular, it is important to understand that the adoption of unreasonable goals often leads to the failure to achieve these goals, so huge amounts of federal and other budgets are spent without proper results. Therefore, increasing the validity (reasonableness) of the goal setting and, accordingly, revising the newly proposed and already approved goals of state governance for their validity (reasonableness) 1) would increase the achievability of state governance goals; 2) would free up significant amounts of the federal budget, significantly reduce the problem of the federal budget deficit.

Keywords: *quality of public administration, criteria for the quality of goal setting, validity of goals, achievability of goals, relevance of goals, consistency of goals, optimality of goals, quantitative and qualitative goals, strategic and operational goals.*

JEL: E61, H83.

О.А. КИСЛИЦЫНА
доктор экономических наук, главный научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН

НЕУДОВЛЕТВОРЕННЫЕ ПОТРЕБНОСТИ РОССИЯН В МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ: УРОВЕНЬ И ФАКТОРЫ

Цель исследования, результаты которого положены в основу статьи, – оценить уровень неудовлетворенности медицинской помощью в России и факторы, с этим связанные. Анализ основан на данных Международной программы социальных исследований (ISSP) за 2021 г., последних доступных репрезентативных по данной тематике. Неудовлетворенная потребность оценивается с помощью вопроса о том, случалось ли в течение последних 12 месяцев, что опрошенные не получили необходимое медицинское обслуживание по причинам доступности (стоимость), достижимости (очередь) и приемлемости (время). Чаще всего причиной оказывается очередь. Имеющие проблемы со здоровьем, а также молодежь чаще испытывают неудовлетворенные потребности по всем причинам. Женщины, одинокие люди, жители малых городов, а также население с низким социальным статусом, без страховки чаще сталкиваются с финансовыми барьерами; занятые, проживающие в большом городе, использующие альтернативную помощь – с нехваткой времени; люди с высоким и средним образованием, низким социальным статусом, горожане и пользователи традиционной/альтернативной медицины – с очередями. Выявленные закономерности позволяют разработать меры, направленные на повышение равного доступа к медицинской помощи и эффективности системы здравоохранения.

Ключевые слова: *неудовлетворенные потребности в медицинской помощи, факторы неудовлетворенных потребностей в медицинских услугах, Международная программа социальных исследований (ISSP), Россия.*

УДК: 614.2, 364.4, 330.59

EDN: YMWLHQ

DOI: 10.52180/2073-6487_2026_1_71_86

Введение

Здоровье населения является ключевым элементом человеческого капитала и важным фактором долгосрочного экономического развития. Доступ к медицинской помощи определяет не только индивидуальное благополучие, но и производительность труда, продолжительность экономически активной жизни и устойчивость занятости.

Поэтому *ограничения в получении медицинских услуг следует рассматривать как экономическую проблему, связанную с потерями общественного благосостояния и неэффективным распределением ресурсов здравоохранения*.

Часто оценка доступа к медицинской помощи опирается на показатель использования («частота посещений» [6, с. 465] медицинских учреждений в целях профилактики и лечения), который, однако, не отражает трудностей с получением помощи [28, с. 89], т.к. статистика визитов к врачу не показывает людей, которым помощь нужна, но они ее не получили (тех, которые не обратились за необходимой помощью из-за высокой стоимости лечения, нехватки времени, длинной очереди ожидания и т.п.; тех, кто формально «обратился», но не получил адекватного лечения). Поэтому альтернативным показателем является самооценка неудовлетворенных потребностей в сфере здравоохранения, определяемых как «различия, если таковые имеются, между услугами, которые считаются необходимыми для надлежащего решения определенных проблем со здоровьем, и услугами, которые фактически предоставляются» [10, с. 418]. Таким образом, неудовлетворенная потребность является субъективным восприятием отсутствия соответствующей медицинской помощи. Исследователи считают, что оценки неудовлетворенных потребностей дополняют традиционные методы измерения неравенства и помогают в формировании политических решений [6].

С экономической точки зрения неудовлетворенные потребности являются механизмом воспроизводства социально-экономического неравенства. Ограничения в доступе к лечению усиливают различия в состоянии здоровья между социальными группами и формируют кумулятивный эффект: низкий социальный статус связан с плохим здоровьем и более высокой вероятностью отказа от медицинской помощи, что, в свою очередь, ведет к дальнейшему ухудшению состояния здоровья и закреплению социальных различий. Недостаточная доступность медицинской помощи приводит к ухудшению человеческого капитала. Отсрочка диагностики и лечения способствует росту хронической заболеваемости и снижению функциональных возможностей населения, что особенно значимо для групп трудоспособного возраста. Кроме того, неудовлетворенные потребности оказывают влияние на функционирование рынка труда. Они связаны с ростом временной нетрудоспособности, снижением производительности и повышением риска досрочного выхода из занятости по состоянию здоровья.

Исследования неудовлетворенных потребностей в медицинской помощи в основном проводились в США [15; 22; 27], Канаде [5; 28] и Западной Европе [16]. Уровень неудовлетворенных потребностей варьирует между странами, что обусловлено разными системами финансирования и организации здравоохранения [12]. В странах с воз-

можностью свободного выбора врача и посещения специалистов без направления (например, в Бельгии, Германии, Исландии, Люксембурге, Португалии) неудовлетворенные потребности ниже. Исследования показали, что неудовлетворенные потребности чаще наблюдаются среди женщин [5; 8; 16; 29], молодежи, имеющих плохое здоровье [5; 8; 13; 16], низкие доходы [8; 16; 24], не имеющих страховки [27]. Несколько неоднозначные результаты получены относительно связи неудовлетворенных потребностей в медицинской помощи с уровнем образования, занятостью и типом поселения.

В России проблема неудовлетворенных потребностей в медицинской помощи остается сравнительно мало изученной. Имеющиеся исследования фиксируют более высокий риск неудовлетворенных потребностей среди женщин, молодежи [1; 2; 4], образованных [1], имеющих хронические заболевания или плохое здоровье [1; 2; 4], обладателей полиса ДМС [2]. В исследованиях не учитывался контакт с системой здравоохранения, поэтому не совсем понятно, означает ли неудовлетворенная потребность невозможность доступа к системе здравоохранения или связана с ее неспособностью предоставить необходимый тип медицинской помощи [20].

Цель исследования заключается в том, чтобы расширить знания в этой недостаточно изученной сфере: оценить уровень неудовлетворенных потребностей в здравоохранении в России; выявить факторы, связанные с риском неудовлетворенных потребностей в медицинской помощи, что позволит выявить группы населения, наиболее уязвимые к барьерам в доступе, и разработать меры, направленные на повышение равенства и эффективности системы здравоохранения.

Данные и методы

Информационная основа проведенного анализа – данные Международной программы социальных исследований (ISSP), модуля «Здоровье и здравоохранение», собранные в 2021 г. [19], в рамках которого были опрошены 1597 россиян в возрасте 18 лет и старше. Данные 2021 г. являются последними доступными репрезентативными по данной тематике, что обусловливает их актуальность и исследовательскую востребованность на текущий момент.

Субъективное восприятие неудовлетворенных потребностей оценивалось по трем показателям, как, например, в [13; 24].

Достижимость (Availability) представляет неудовлетворенные потребности, связанные с долгой очередью на получение нужной помощи. Доступность (Accessibility) относится к неудовлетворенным потребностям, связанным со стоимостью. Приемлемость (Acceptability) означает отсутствие свободного времени. Участников обследования

просили ответить, соответственно, на три вопроса о том, случалось ли в течение последних 12 месяцев, что они не получили необходимое медицинское обслуживание, поскольку: 1) очередь на получение нужной помощи была слишком длинной; 2) они не могли за нее заплатить; 3) у них не было свободного времени, или были какие-то неотложные дела. Во всех этих вопросах медицинская помощь представляет собой все ее виды, включая стоматологическую, психиатрическую и т.п. В результате были созданы три двоичные переменные для измерения барьеров доступа, закодированные как 1, если респонденты ответили «да»; 0, если «нет»; и как пропущенная переменная, если респонденты сообщили, что «нет необходимости в медицинской помощи».

Независимые переменные были выбраны на основе результатов предыдущих исследований [5; 28]. В соответствии с поведенческой моделью Андерсена [7], факторы, определяющие использование медицинских услуг, представляют три группы:

1) предрасполагающие, создающие условия для обращения за медицинской помощью, факторы: пол (мужчина/женщина); возраст (18–29, 30–39, 40–49, 50–59, 60+ лет); семейное положение (состоящий в браке (зарегистрированном/незарегистрированном)/одинокий (никогда не состоявший в браке/вдовый/разведенный));

2) способствующие или препятствующие использованию медицинских услуг факторы: образование (низкое (среднее общее или ниже)/среднее (начальное или среднее профессиональное)/высокое (высшее)); занятость (работает/не работает); тип поселения (большой город и его пригороды/ небольшой город и поселки городского типа/ село, деревня, хутор); самооценка социального статуса по десятибалльной шкале (10 – низкий, 1 – высокий); наличие медицинской страховки (нет/обязательное медицинское страхование (ОМС)/добровольное медицинское страхование (ДМС)); использование медицинских услуг, измеряемое двумя бинарными переменными, основанными на информации о том: а) были ли респонденты на приеме у врача; б) пользовались альтернативной медицинской помощью в прошлые 12 месяцев;

3) факторы потребности, отражающие необходимость в медицинской помощи, включающие здоровье и факторы риска для здоровья. Использованы два показателя здоровья: самооценка состояния здоровья по пятибалльной шкале (1– очень плохое, 5 – очень хорошее), преобразованная в двоичную переменную (неплохое (оценки 5,4,3) и плохое (оценки 1,2) здоровье); наличие хронических заболеваний (да/нет). Факторы риска для здоровья включали курение (никогда не курившие/курившие, но бросившие/курящие), потребление алкоголя (нет (никогда не употребляющие 4 или более порций алкогольных напитков в день или употребляющие один раз в месяц или реже)/да (все остальные)), физическую активность (нет (никогда не занимаются

физической активностью по крайней мере 20 минут или занимающиеся один раз в месяц или реже)/да (все остальные)), индекс массы тела (ИМТ)[1] .

Статистический анализ влияния различных факторов на каждый аспект воспринимаемых неудовлетворенных потребностей в медицинской помощи проведен автором с помощью бинарной модели логистической регрессии пакета SPSS. Выбор данного метода обусловлен дихотомической природой зависимой переменной (наличие или отсутствие неудовлетворенной потребности). Результаты моделирования представлены в виде отношений шансов (ОШ), которые позволяют оценить изменение вероятности возникновения анализируемого события при изменении независимых переменных. Статистическая значимость полученных оценок подтверждалась расчетом 95%-го доверительного интервала (ДИ). Результаты признавались значимыми при $p<0,05$ (что соответствует случаям, когда доверительный интервал не включает единицу).

Результаты

Уровень неудовлетворенных потребностей в медицинской помощи

Ограничения в доступе к услугам здравоохранения в России среди самых высоких в мире [3]. Наиболее распространенной причиной являются длительные очереди: о них сообщили 17% всех опрошенных и 29,6% респондентов, нуждавшихся в медицинской помощи (оценочная выборка) (см. табл. 1). Далее следуют нехватка времени (15,7 и 26,3% соответственно) и финансовые ограничения (10,7 и 18,9%).

По сравнению с большинством европейских стран Россия характеризуется более высокими показателями неудовлетворенных потребностей по всем трем причинам (см. табл. 2). В целом ситуация в нашей стране ближе к развивающимся странам (Индия, ЮАР, Мексика), чем к развитым европейским государствам.

Факторы, связанные с воспринимаемыми неудовлетворенными потребностями в медицинской помощи

Одним из интересных результатов исследования является то, что существует связь между неудовлетворенной потребностью в медицинской помощи и проблемами со здоровьем: наличие хронических заболеваний связано с доступностью (ОШ = 1,80**) и приемлемостью (ОШ = 1,53**), а плохое здоровье – с достижимостью (ОШ = 1,45*) (см.

[1] Рассчитывается как $I = m/h^2$, где m – масса тела в килограммах, h – рост в метрах; ИМТ до 25 – нормальный вес, 25 и выше – избыточный вес или ожирение; равный 1, если респондент имеет избыточный вес или ожирение, 0 – в противном случае.

Таблица 1

Уровень неудовлетворенных потребностей в медицинской помощи, % (ответ на вопрос о том, случалось ли в течение последних 12 месяцев, что респонденты не получили необходимое медицинское обслуживание)

	Доступность (стоимость)	Приемлемость (время)	Достижимость (очередь)
Среди всего опрошенного населения			
да	10,7	15,6	17,1
нет	46,0	43,7	40,2
не нуждались / пропущенные	43,3	40,7	42,7
итого	100,0 (*N* = 1579)	100,0 (*N* = 1579)	100,0 (*N* = 1579)
Среди тех, кто нуждался*			
да	18,9	26,3	29,6
нет	81,1	73,7	70,4
итого	100,0 (*N* = 907)	100,0 (*N* = 950)	100,0 (*N* = 919)

* оценочная выборка.
Источник: расчеты автора.

табл. 3). *То есть нуждающиеся в услугах здравоохранения слои населения являются наиболее уязвимой группой*. Подобные результаты получены и другими исследователями [1; 2; 4; 5; 8; 13; 16], и могут объясняться несколькими причинами: больные имеют повышенную потребность в медицинских услугах; некоторые виды хронических заболеваний требуют доступа к узким специалистам или учреждениям; хронические заболевания могут привести к значительным финансовым расходам, что затрудняет доступ к необходимой медицинской помощи; люди с хроническими заболеваниями могут сталкиваться с трудностями в доступе к медицинским учреждениям из-за расстояния, недостатка транспортных средств.

Еще один фактор, связанный со всеми типами неудовлетворенных потребностей в медицинской помощи, – возраст. Самая младшая возрастная группа 18–29 лет подвергается наибольшему риску неудовлетворенных потребностей в медицинской помощи по причине приемлемости (ОШ = 3,76***), достижимости (ОШ = 3,27***) и доступности (ОШ = 2,33**). Этот результат соответствует выводам большинства исследований [1; 2; 4; 8; 14; 17; 28] и может объясняться меньшим вниманием к своему состоянию здоровья, недостатком знаний о ресурсах здравоохранения, негативным восприятием преимуществ медицинского обслуживания или качества медицинской помощи, мень-

Таблица 2

Уровень неудовлетворенных потребностей в медицинской помощи в России и других странах, % (утвердительный ответ на вопрос о том, случалось ли в течение последних 12 месяцев, что респонденты не получили необходимое медицинское обслуживание)

	Доступность (стоимость)	Приемлемость (время)	Достижимость (очередь)
Австралия	16,8	14,4	21,1
Австрия	8,7	12,6	23,5
Китай	11,9	21,0	17,4
Тайвань	0,6	4,9	3,5
Хорватия	11,7	11,1	28,5
Чехия	5,4	8,9	17,9
Дания	13,7	10,7	17,8
Финляндия	8,7	5,6	19,6
Франция	8,1	12,5	20,8
Германия	5,9	9,5	22,1
Венгрия	3,1	2,2	13,0
Исландия	4,6	8,0	30,5
Индия	31,7	26,7	24,0
Израиль	15,2	26,9	59,5
Италия	7,3	4,7	35,1
Япония	2,6	15,4	7,6
Мексика	32,5	30,2	32,1
Нидерланды	3,8	3,0	9,5
Новая Зеландия	14,3	15,0	24,8
Норвегия	6,2	6,2	16,2
Филиппины	14,6	10,0	15,1
Польша	7,8	8,0	32,4
Россия	18,9	26,3	29,6
Словакия	17,4	15,5	37,3
Словения	4,6	10,6	28,4
Южная Африка	19,3	16,8	21,6
Швейцария	8,0	8,4	8,8
Таиланд	10,2	14,7	18,9
США	12,0	16,7	11,6

Источник: расчеты автора, ISSP 2021.

Таблица 3

Многомерные модели логистической регрессии для неудовлетворенных потребностей в медицинской помощи (отношения шансов (ОШ) с 95%-ми доверительными интервалами (ДИ))

	Доступность (стоимость)		Приемлемость (время)		Достижимость (очередь)	
	ОШ	ДИ	ОШ	ДИ	ОШ	ДИ
Пол (женщины)	1,63*	(1,03–2,57)	1,39	(0,95–2,03)	0,96	(0,66–1,40)
Возраст						
18–29	2,33**	(1,17–4,66)	3,76***	(1,94–7,27)	3,27***	(1,80–5,96)
30–39	1,02	(0,50–2,11)	2,46**	(1,29–4,69)	1,49	(0,83–2,71)
40–49	2,33**	(1,17–4,64)	2,92***	(1,52–5,61)	1,86*	(1,02–3,39)
50–59	1,74	(0,95–3,21)	2,74***	(1,50–5,01)	1,61	(0,94–2,74)
60 и старше	1		1		1	
Семейное положение (одинокие)	1,46*	(1,00–2,20)	0,88	(0,62–1,24)	1,02	(0,72–1,43)
Образование						
низкое	1		1		1	
среднее	0,86	(0,52–1,43)	0,92	(0,58–1,45)	2,50***	(1,51–4,13)
высокое	1,35	(0,75–2,42)	1,04	(0,63–1,74)	2,67***	(1,52–4,68)
Занятость (работает)	0,71	(0,46–1,10)	1,67**	(1,13–2,48)	0,75	(0,51–1,11)
Тип поселения						
большой город	1,40	(0,78–2,54)	1,62*	(1,00–2,66)	1,71*	(1,03–2,84)
маленький город	1,93*	(1,03–3,61)	1,01	(0,58–1,76)	1,79*	(1,04–3,09)
село	1		1		1	
Социальный статус (1– высокий, 10– низкий)	1,13*	(1,01–1,25)	1,00	(0,92–1,10)	1,12**	(1,03–1,23)
Страховое покрытие						
ОМС	1		1		1	
нет	5,23**	(1,74–5,67)	0,75	(0,22–2,53)	1,27	(0,38–4,26)
ДМС	0,47	(0,18–1,24)	0,82	(0,41–1,63)	0,70	(0,36–1,40)
Состояние здоровья (плохое)	1,45	(0,93–2,26)	1,12	(0,78–1,62)	1,45*	(1,00–2,10)
Хронические заболевания (есть)	1,80**	(1,16–2,78)	1,53**	(1,05–2,23)	1,35	(0,93–1,95)
Консультации с врачом (да)	0,91	(0,55–1,49)	0,99	(0,66–1,50)	1,79**	(1,15–2,79)
Использование альтернативной медицинской помощи (да)	1,21	(0,69–2,12)	2,23***	(1,40–3,54)	1,72*	(1,08–2,73)
ИМТ (Избыточный вес)	0,68	(0,44–1,04)	1,01	(0,71–1,44)	1,06	(0,75–1,52)

Окончание табл. 3

	Доступность (стоимость)		Приемлемость (время)		Достижимость (очередь)	
	ОШ	**ДИ**	**ОШ**	**ДИ**	**ОШ**	**ДИ**
Физическая активность (да)	0,74	(0,50–1,09)	1,05	(0,75–1,46)	0,79	(0,57–1,10)
Потребление алкоголя (нет)	0,99	(0,59–1,66)	1,13	(0,74–1,74)	0,79	(0,51–1,23)
Курение (нет)	1,39	(0,89–2,18)	0,88	(0,60–1,30)	0,94	(0,64–1,37)

Значимость: *$p < 0,05$; **$p < 0,01$; *** $p < 0,001$.
Источник: расчеты автора.

шей удовлетворенностью медицинской помощью [25]. Следующей уязвимой группой являются респонденты в возрасте 40–49 лет. Они чаще испытывают неудовлетворенные потребности в медицинской помощи по причине нехватки времени (ОШ = 2,92***), отсутствия денег (ОШ = 2,33**) и длинной очереди (ОШ = 1,86*).

Полученные автором результаты подтвердили выводы других исследователей [1; 2; 4; 8; 11; 14; 16; 19] о том, что женщины в большей степени, чем мужчины, подвержены риску неудовлетворенных потребностей в медицинских услугах, причем это связано с недостатком финансовых средств (ОШ = 1,63*) и, вероятно, обусловлено тем, что женщины в среднем зарабатывают меньше мужчин и являются более уязвимыми к финансовым ограничениям при получении медицинских услуг.

Эта же проблема связана с неудовлетворенными потребностями в медицинской помощи среди респондентов, не состоящих в браке (ОШ = 1,46*), что согласуется с результатами другого исследования [26]. В целом социальная поддержка и связи могут играть важную роль в доступе к медицинской помощи, и отсутствие такой поддержки у одиноких людей может усложнять получение необходимого лечения.

Уровень образования является фактором, определяющим вероятность неудовлетворенных потребностей в медицинской помощи в связи с проблемой достижимости: по сравнению с низко образованными, имеющие высокий (ОШ = 2,67***) и средний (ОШ = 2,50***) уровень образования чаще сообщают о неудовлетворенных потребностях по причине долгой очереди. Однако результаты других исследований крайне неоднозначны: некоторые показали связь неудовлетворенных потребностей с высоким образованием, например, [1; 28], другие с низким [25], третьи вообще не нашли связи [17].

Еще одной важной объясняющей неудовлетворенные потребности переменной является социальный статус: чем ниже самооценка социального статуса, тем выше вероятность неудовлетворенных потреб-

ностей в медицинской помощи в связи с проблемами доступности (ОШ = 1,13*) и достижимости (ОШ = 1,12**), что соответствует другим исследованиям [11, 14, 17, 26, 29]. Это связано с тем, что люди с более высокими социальным статусом или доходами, как правило, имеют лучший доступ к качественной медицинской помощи.

Исследование показывает, что люди, по какой-то причине не имеющие медицинской страховки, чаще сообщают о неудовлетворенных потребностях в медицинской помощи из-за проблемы доступности (ОШ = 5,23**), что подтверждает выводы других исследователей [22] и связано с тем, что без страховки люди часто не могут позволить себе оплатить медицинские услуги, что приводит к отсрочке лечения и увеличению риска осложнений. Исследования свидетельствуют о том, что застрахованные чаще пользуются услугами здравоохранения по сравнению с незастрахованными [18].

Согласно полученным результатам консультации с врачом за последние 12 месяцев увеличивают вероятность сообщения о неудовлетворенных потребностях по причине длинной очереди (ОШ = 1,79**), что согласуется с выводами других авторов [12; 21; 25]. Исследователи объясняют это тем, что при задержке в получении услуги человек продолжает ощущать неудовлетворенность, считая оказанную помощь недостаточной [6; 25]. Также, пользователи системы здравоохранения, как правило, лучше осведомлены о ее недостатках и, вероятно, имеют больше неудовлетворенных потребностей из-за недостаточной или неадекватной помощи, что вызывает их недовольство [13; 25].

Аналогично, обращение к альтернативной медицинской помощи связано с неудовлетворенными потребностями по причине нехватки времени (ОШ = 2,23***) и долгой очереди (ОШ = 1,72*), что, вероятно, объясняется тем, что нехватка специалистов и ресурсов в традиционной системе здравоохранения приводит к необходимости искать альтернативные методы лечения.

В соответствии с предыдущими исследованиями [21; 26] установлено, что вероятность возникновения неудовлетворенных потребностей в медицинской помощи по причине нехватки времени значительно выше для работающих респондентов (ОШ = 1,67**), что, вероятно, связано с тем, что они испытывают больше трудностей с возможностью взять отпуск для обращения за медицинской помощью. Некоторые исследования [16] показали, что безработные имеют более высокую вероятность заявить о неудовлетворенных потребностях из-за экономических издержек, а работающие имеют более высокую вероятность не посетить врача, когда это необходимо, из-за нехватки времени.

Предполагалось, что проживание в сельских поселениях способствует неудовлетворенным потребностям в получении медицинской помощи. Однако установлено, что по сравнению с сельскими жите-

лями, с большей вероятностью имеют неудовлетворенные потребности в здравоохранении проживающие в маленьких городах по причине доступности (ОШ = 1,93*) и достижимости (ОШ = 1,79*), а также жители мегаполисов по причине приемлемости (ОШ = 1,62*) и достижимости (ОШ = 1,71*), что подтверждает выводы, полученные ранее другими исследователями [28], и, возможно, свидетельствует о проблеме перенаселения в городах, которая создает нагрузку на медицинские учреждения и приводит к неудовлетворенным потребностям.

Факторы риска для здоровья, включая ИМТ, курение, потребление алкоголя, физическую неактивность, нечасто используются в исследованиях в качестве детерминант неудовлетворенных потребностей в медицинской помощи [9; 23]. Проведенное исследование не выявило связи между поведением, оказывающим влияние на здоровье, и неудовлетворенными потребностями.

Исследование не свободно от некоторых ограничений. Во-первых, перекрестный характер данных не позволяет выявить причинно-следственные связи. Во-вторых, результаты основаны на самооценке неудовлетворенных потребностей и не включают объективную оценку того, действительно ли пациент не получил лечение. Однако исследователи полагают, что самооценка превосходит клиническую оценку, поскольку люди имеют больше возможностей оценить состояние своего здоровья, опыт и потребности [26]. В-третьих, исследование включает все виды медицинской помощи, что приводит к завышению оценки распространенности неудовлетворенных потребностей, возможно, более высоких для некоторых видов медицинской помощи (например, стоматологическая). В-четвертых, на неудовлетворенные потребности может влиять широкий спектр факторов, которые не были включены в исследование по причине отсутствия в опросе.

Выводы

Проведенное исследование позволило оценить масштабы и детерминанты неудовлетворенных потребностей в медицинской помощи в России (по состоянию на 2021 г.), а также выявить различия факторов в зависимости от типа барьеров доступа – финансовых, организационных и временных.

1. Установлено, что уровень неудовлетворенных потребностей в 2021 г. оставался высоким по международным меркам, причем наибольший вклад вносят организационные ограничения – длительное ожидание получения медицинской помощи. Это свидетельствует о наличии структурных ограничений предложения медицинских услуг и диспропорций в распределении ресурсов здравоохранения.

2. Показано, что в зоне повышенного риска неудовлетворенных потребностей в медицинской помощи оказываются наиболее нуждающиеся группы населения (имеющие хронические заболевания и плохое состояние здоровья). Данный результат указывает на возможное несоответствие объема и структуры предложения медицинских услуг потребностям наиболее уязвимых групп населения.

3. Выявлена устойчивая связь неудовлетворенных потребностей с социально-демографическими характеристиками и социальным положением. Более низкий социальный статус и отсутствие страхового покрытия повышают вероятность неудовлетворенных потребностей из-за финансового барьера. Несмотря на формально универсальный характер системы ОМС, данные результаты указывают на социально-экономическую дифференциацию доступа к медицинской помощи, что потенциально может способствовать воспроизводству неравенства в сфере здоровья.

4. Обнаружена высокая вероятность неудовлетворенных потребностей среди молодежи и лиц трудоспособного возраста, а также связь временных барьеров с занятостью. Это отражает конфликт между режимом труда и организацией медицинской помощи и свидетельствует о недостаточной координации политики в сфере здравоохранения и рынка труда. С экономической точки зрения подобные ограничения потенциально могут приводить к снижению производительности труда и недоиспользованию человеческого капитала.

5. Установлено, что лица, обращавшиеся за медицинской помощью – как к врачам традиционной системы, так и к представителям альтернативной медицины – с большей вероятностью сообщают о неудовлетворенных потребностях из-за длительного ожидания. Это свидетельствует о том, что неудовлетворенные потребности в значительной степени отражают организационные ограничения и недостаточную способность системы своевременно удовлетворять существующий спрос.

Таким образом, полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что неудовлетворенные потребности в медицинской помощи в России имеют не только социальное, но и выраженное экономическое измерение. Они связаны с рисками усиления социального неравенства, замедления накопления человеческого капитала и снижения эффективности функционирования рынка труда. Минимизация данных барьеров требует разработки комплексных мер, направленных на обеспечение равного доступа к медицинской помощи для всех групп населения.

Можно выделить несколько направлений для улучшения ситуации, что весьма актуально и на настоящий момент.

Снижение организационных барьеров – оптимизация маршрутизации пациентов: создание централизованной информационной системы,

которая позволит отслеживать очереди, наличие свободных мест у специалистов и записываться онлайн; внедрение сортировки пациентов по степени необходимости, чтобы самые нуждающиеся могли получать помощь быстрее. *Согласование режимов занятости и оказания услуг* – расширение гибких форм предоставления медицинской помощи (включая дистанционные форматы); установление удобных графиков работы медицинских учреждений, включая вечерние и выходные часы, чтобы работающие люди, учащаяся молодежь могли получить помощь, не нарушая свои учебные и рабочие обязательства. *Смягчение финансовых барьеров* – увеличение перечня услуг в системе ОМС; развитие ДМС с социально ориентированными тарифами; введение программы частичной компенсации затрат на платные медицинские услуги для определенных категорий граждан (пенсионеров, малоимущих, людей с инвалидностью); регулирование цен на платные медицинские услуги (установление максимальных тарифов, чтобы предотвратить завышение цен со стороны медицинских учреждений; повышение конкуренции между медицинскими учреждениями и страховыми компаниями, например, с помощью создания программ сравнительного анализа стоимости медицинских услуг, которые помогут пациентам выбрать наиболее доступные и качественные услуги). *Развитие системы мониторинга* неудовлетворенных потребностей как инструмента оценки институциональной эффективности.

Реализация этих стратегий позволит повысить эффективность системы здравоохранения и обеспечить равный доступ к медицинской помощи для всех групп населения.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Давитадзе А.П., Родионова Т.И., Хабибуллина А.Р., Александрова Е.А.* Неудовлетворенные потребности в медицинской помощи у населения России: результаты Мониторинга общественного здоровья в 2022 г. // Демографическое обозрение. 2024. Т. 11. № 1. С. 20–36. [*Davitadze A.P., Rodionova T.I., Habibullina A.R., Aleksandrova E.A.* Unmet Healthcare Needs in the Russian Population: Results of Public Health Monitoring in 2022 // Demographic Review. 2024. Vol. 11. No. 1. Pp. 20–36. (In Russ.).] DOI: 10.17323/demreview.v11i1.20930. EDN: LOXGQG.
2. *Засимова Л.С.* Эволюция неравенства: социально-экономические факторы доступа к российскому здравоохранению // Вопросы экономики. 2025. № 11. С. 102–121. [*Zasimova L.S.* Evolution of inequality: socio-economic factors of access to Russian healthcare // Voprosy Ekonomiki. 2025. No. 11. Pp. 102–121. (In Russ.).] DOI: 10.32609/0042-8736-2025-11-102-121.
3. *Русинова Н.Л., Сафронов В.В.* Контекстные модерации возрастных и статусных неравенств в доступе к медицинской помощи // Социологический журнал. 2025. Т. 31. № 3. С. 120–138. [*Rusinova N.L., Safronov V.V.* Contextual moderation of age and status inequalities in access to health care // Sociological Journal. 2025. Vol. 31. No. 3. Pp. 120–138. (In Russ.).] DOI: 10.19181/socjour.2025.31.3.7. EDN: QERDKH.

4. *Самоделкина А.А.* Факторы, влияющие на неудовлетворенную потребность в медицинской помощи в России. Программа Бакалавр экономики. Совместная программа по экономике НИУ ВШЭ и РЭШ, 2021 [*Samodelkina A.A.* Factors Affecting Unmet Need for Health Care in Russia. Bachelor of Economics Program. Joint program in Economics of HSE and NES, 2021. (In Russ.).] https://www.hse.ru/edu/vkr/472742686
5. *Allan I., Ammi M.* Evolution of the determinants of unmet health care needs in a universal health care system: Canada, 2001-2014 // Health Economics, Policy and Law. 2021. Vol. 16. No. 4. Pp. 400–423. DOI: 10.1017/S1744133120000250. EDN: SIZHCO.
6. *Allin S., Grignon M., Le Grand J.* Subjective unmet need and utilization of health care services in Canada: what are the equity implications? // Social Science & Medicine. 2010. Vol. 70. No. 3. Pp. 465–472. DOI: 10.1016/j.socscimed.2009.10.027.
7. *Andersen R.M.* Revisiting the behavioral model and access to medical care: does it matter? // Journal of health and social behavior. 1995. Vol. 36. No. 1. Pp. 1–10. DOI: 10.2307/2137284. EDN: HIRSTP.
8. *Başar D., Dikmen F.H., Öztürk S.* The prevalence and determinants of unmet health care needs in Turkey // Health Policy. 2021. Vol. 125. No. 6. Pp. 786–792. DOI: 10.1016/j.healthpol.2021.04.006. EDN: KUDEJE.
9. *Bataineh H., Devlin R.A., Barham V.* Unmet health care and health care utilization // Health Economics. 2019. Vol. 28. No. 4. Pp. 529–542. DOI: 10.1002/hec.3862.
10. *Carr W., Wolfe S.* Unmet needs as sociomedical indicators // International Journal of Health Services. 1976. Vol. 6. No. 3. Pp. 417–430. DOI: 10.2190/MCG0-UH8D-0AG8-VFNU.
11. *Cavalieri M.* Geographical variation of unmet medical needs in Italy: a multivariate logistic regression analysis // International Journal of Health Geographics. 2013. No. 12. P. 27. DOI: 10.1186/1476-072X-12-27. EDN: QDMMCX.
12. *Chaupain-Guillot S., Guillot O.* Health system characteristics and unmet care needs in Europe: an analysis based on EU-SILC data // The European Journal of Health Economics. 2014. Vol. 16. No. 7. Pp. 781–796. DOI: 10.1007/s10198-014-0629-x. EDN: NFGYMO.
13. *Chen J., Hou F.* Unmet needs for health care // Health Reports. 2002. Vol. 13. No. 2. Pp. 23-34.
14. *Connolly S., Wren M-A.* Unmet healthcare needs in Ireland: analysis using the EU-SILC survey // Health Policy. 2017. Vol. 121. No. 4. Pp. 434–441. DOI: 10.1016/j.healthpol.2017.02.009.
15. *Diamant A.L., Hays R.D., Morales L.S., Ford W., Calmes D., Asch S., Duan N., Fielder E., Kim S., Fielding J., Sumner G., Shapiro M.F., Hayes-Bautista D., Gelberg L.* Delays and unmet need for health care among adult primary care patients in a restructured urban public health system // American Journal of Public Health. 2004. Vol. 94. No. 5. Pp. 783–789. DOI: 10.2105/ajph.94.5.783.
16. *Fiorillo D.* Reasons for unmet needs for health care: the role of social capital and social support in some western EU countries // International Journal of Health Economics and Management. 2020. Vol. 20. No. 1. Pp. 79–98. DOI: 10.1007/s10754-019-09271-0. EDN: NFFDYH.
17. *Fjær E.L., Stornes P., Borisova L.V., McNamara C.L., Eikemo T.A.* Subjective perceptions of unmet need for health care in Europe among social groups: Findings from the European social survey (2014) special module on the social determinants of health //

European Journal of Public Health. 2017. Vol. 27. No. 1. Pp. 82–89. DOI: 10.1093/eurpub/ckw219.
18. *Freeman J.D., Kadiyala S., Bell J.F., Martin D.P.* The causal effect of health insurance on utilization and outcomes in adults: a systematic review of US studies // Medical Care. 2008. Vol. 46. No. 10. Pp. 1023–1032. DOI: 10.1097/MLR.0b013e318185c913.
19. *Hwang J.* Understanding reasons for unmet health care needs in Korea: what are health policy implications? // BMC Health Services Research. 2018. No. 18. Pp. 557–560. DOI: 10.1186/s12913-018-3369-2. EDN: HFRBQM.
20. *Kasman N.M., Badley E.M.* Beyond access: Who reports that health care is not being received when needed in a publicly-funded health care system? // Can. Journal of Public Health. 2004. Vol. 95. No. 4. Pp. 304–308. DOI: 10.1007/BF03405137.
21. *Levesque J.F., Pineault R., Hamel M., Roberge D., Kapetanakis C., Simard B., Prud'homme A.* Emerging organizational models of primary health care and unmet needs for care: Insights from a population-based survey in Quebec province // BMC Family Practice. 2012. No. 13. P. 66. DOI: 10.1186/1471-2296-13-66.
22. *Mollborn S., Stepanikova I., Cook K.S.* Delayed care and unmet needs among health care system users: when does fiduciary trust in a physician matter? // Health Services Research. 2005. Vol. 40. No. 6. Pt 1. Pp. 1898–1917. DOI: 10.1111/j.1475-6773.2005.00457.x.
23. *Moran V., Suhrcke M., Ruiz-Castell M., Barré J., Huiart L.* Investigating unmet need for healthcare using the European Health Interview Survey: a cross-sectional survey study of Luxembourg // BMJ Open. 2021. No. 11. P. e048860. DOI:10.1136/bmjopen-2021-048860. EDN: FGIBPT.
24. *Ohonba A., Kirsten F., Mkhize B.* Perceived unmet needs in healthcare as inequality indicators: Evidence from South Africa. EDWRG Working Paper. No. 05-23, 2023. https://www.uj.ac.za/wp-content/uploads/2022/01/ohonba-kirsten-mkhize-perceived-unmet-needs-in-healthcare-as-inequality-indicators-evidence-from-south-africa.pdf (accessed: 12.09.2025).
25. *Pappa E., Kontodimopoulos N., Papadopoulos A., Tountas Y., Niakas D.* Investigating unmet health needs in primary health care services in a representative sample of the Greek population // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2013. Vol. 10. No. 5. Pp. 2017–2027. DOI: 10.3390/ijerph10052017.
26. *Popovic N., Terzic-Supic Z., Simic S., Mladenovic B.* Predictors of unmet health care needs in Serbia; analysis based on EU-SILC data // PLoS One. 2017. Vol. 12. No. 11. P. e0187866. DOI: 10.1371/journal.pone.0187866.
27. *Shi L., Stevens G.D.* Vulnerability and unmet health care needs. The influence of multiple risk factors // Journal of General Internal Medicine. 2005. Vol. 20. No. 2. Pp. 148–154. DOI: 10.1111/j.1525-1497.2005.40136.x. EDN: HIRLNM.
28. *Sibley L.M., Glazier R.H.* Reasons for self-reported unmet healthcare needs in Canada: a population-based provincial comparison // Health Policy. 2009. Vol. 5. No. 1. Pp. 87–101.
29. *Tadiri C.P., Gisinger T., Kautzky-Willer A., Kublickiene K., Herrero M.T., Norris C.M., Raparelli V., Pilote L., GOING-FWD Consortium.* Determinants of perceived health and unmet healthcare needs in universal healthcare systems with high gender equality // BMC Public Health. 2021. Vol. 21. No. 1. Pp. 1488. DOI: 10.1186/s12889-021-11531-z.

Дата поступления рукописи: *11.11.2025 г.*
Дата принятия к публикации: *24.02.2026 г.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Кислицына Ольга Анатольевна – доктор экономических наук,
главный научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-4144-237X
olga.kislitsyna@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Olga A. Kislitsyna – Dr. Sci. (Econ.), Chief Researcher, Institute of Economics of the RAS, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-4144-237X
olga.kislitsyna@gmail.com

UNMET NEEDS OF RUSSIANS FOR MEDICAL CARE: LEVEL AND FACTORS

The aim of this study, which forms the basis of the article, is to assess the level of unmet medical needs in Russia and the factors associated with them. The analysis is based on data from the 2021 International Social Survey Programme (ISSP), the most recent representative data available on this topic. Unmet need was measured by asking whether respondents had, in the past 12 months, been unable to receive necessary medical care due to issues of accessibility (cost), availability (waiting time), or acceptability (time constraints). Waiting time was the most frequently reported reason. Individuals with health problems, as well as young people, were more likely to experience unmet needs for all reasons. Women, single individuals, residents of small towns, and people with low socioeconomic status or without insurance more often faced financial barriers; employed residents of large cities using alternative medicine reported time-related barriers; and people with secondary or higher education, low socioeconomic status, urban residents, and users of traditional or alternative medicine experienced barriers due to waiting times. The identified patterns highlight the need for policies aimed at improving equal access to medical care and the efficiency of the healthcare system.

Keywords*: unmet health care needs, causes of unmet health care needs, International Social Survey Program (ISSP), Russia.*

JEL: I12, I14, I18.

Ш.М. ГИМБАТОВ
кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник
Института социально-экономических исследований ФГБУН Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН

З.У. МЕДЖИДОВ
кандидат экономических наук, научный сотрудник
Института социально-экономических исследований ФГБУН Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН

Д.Н. КОБЗАРЕНКО
доктор технических наук, ведущий научный сотрудник
Института социально-экономических исследований ФГБУН Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН

А.Ш. ГИМБАТОВА
студентка ФГБОУ ВО Дагестанский государственный медицинский университет Минздрава России

ТИПОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН[1]

Целью исследования является идентификация групп населения Республики Дагестан по особенностям социально-экономического поведения и стратегий жизнеобеспечения. Исследование проводилось с применением методов машинного обучения на основе алгоритмов многомерного анализа данных. Методом кластерного анализа на данных Обследования бюджетов домашних хозяйств Росстата за 2016–2023 гг. выделено пять типов населения республики с различными моделями поведения. Среди них выделяется доминирующая модель (42% населения), при которой экономическая устойчивость домохозяйств, расположенных преимущественно в сельской местности, достигается не через рынок труда и социальные трансферты, а через ресурсы расширенного домохозяйства и натуральное производство. Натуральный доход в этой группе превышает общероссийский уровень в 3,5 раза. Данный кластер органически дополняется несовершеннолетними членами домохозяйств вышеописанной группы, что в сумме составляет 62% выборки. Отдельную группу сельского населения составили проживающие на селе пенсионеры, чье благополучие опирается преимущественно на федеральную поддержку,

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 25-28-20473).

в отличие от пенсионеров, проживающих в городе, чьи доходы зависят главным образом от региональных источников. Эти две группы не очень многочисленны (3,8 и 4,5% выборки соответственно). Порядка 30% выборки составляет активное городское население. Результаты исследования указывают на низкую эффективность стандартных инструментов социальной политики (денежные пособия индивидам) для значительной части населения региона и необходимость перехода к развитию сельской инфраструктуры, а также разработки адресной социально-демографической политики с учетом выявленной региональной специфики.

Ключевые слова: *кластерный анализ, машинное обучение, типология социально-экономического поведения населения, Республика Дагестан, домохозяйства, натуральное хозяйство, социальная политика.*

УДК: 332, 330.59

EDN: TQEZOD

DOI: 10.52180/2073-6487_2026_1_87_108

Введение

В условиях значительной социально-экономической дифференциации российских регионов стандартные подходы к анализу благосостояния населения, основанные преимущественно на оценке денежных доходов, при изучении состояния дел в отдельных регионах, оказываются недостаточными. Особенно это актуально для регионов с нетипичной структурой экономики, таких как Республика Дагестан (далее – РД), где сохраняется высокая доля сельского населения, значима роль неформальной занятости и натурального хозяйства. В этих условиях на первый план выходят комплексные стратегии жизнеобеспечения домохозяйств, которые можно рассматривать как расширенную трактовку самосохранительного поведения, направленного не только на сохранение здоровья индивида, но и на обеспечение экономического выживания и устойчивости семьи как единого целого.

По данным за 2024 г. общий коэффициент рождаемости в РД вырос на 13,4% и остается одним из самых высоких в стране, превышая среднероссийский показатель на 59,9%[2]. Однако суммарный коэффициент рождаемости (СКР) – показатель, отражающий среднее число детей на одну женщину, – находится ниже уровня простого воспроизводства населения[3]. После подъема в 2010–2014 гг. с 1,92 до 2,08 этот показатель снизился до 1,75 в 2023 г., что свидетельствует о завершающей стадии демографического перехода от традиционного типа воспроизвод-

[2] Минздрав РД. Статистические данные о рождаемости в Республике Дагестан. Махачкала: Министерство здравоохранения Республики Дагестан. https://minzdrav.e-dag.ru/activities/statistika (дата обращения: 02.11.2025).

[3] Уровень СКР, необходимый для обеспечения простого воспроизводства населения, составляет – 2,1.

ства населения к современному[4]. Одновременно в РД, где более 50% жителей проживают в сельской местности, сохраняется высокая роль традиционных форм ведения хозяйства и натурального дохода. Такие особенности формируют специфические модели социально-экономического поведения населения, которые могут кардинально отличаться от общероссийских. Однако они слабо фиксируются стандартными статистическими методами, что создает «слепые зоны» для социальной политики. Выявление и описание этих моделей с помощью современных методов исследования позволит разработать более адресную, следовательно, и более эффективную социально-экономическую и демографическую политику.

Обзор литературы

Исследования социально-экономических и демографических процессов в РД и на Северном Кавказе развиваются в нескольких направлениях. Значительный пласт работ посвящен анализу уникальной демографической ситуации в регионе. Демографические и социально-экономические аспекты формирования трудового потенциала Северного Кавказа изучаются в контексте нескольких взаимосвязанных проблем. Демографические характеристики населения Северного Кавказа рассматриваются исследователями как важный фактор, определяющий модель социально-экономического поведения в регионе. В научной литературе анализируются взаимосвязи между демографическими процессами, структурой трудового потенциала и особенностями экономического поведения домохозяйств в условиях региональной специфики. Особое внимание уделяется изучению динамики численности населения, возрастно-половой структуры и показателей естественного прироста в постсоветский период, а также влиянию социокультурных факторов – традиционных форм семейного уклада, межпоколенческой преемственности и моделей демографического поведения – на формирование модели социально-экономического поведения населения северокавказских регионов. Так, Абдулманапов П.Г. в одном из своих исследований отмечает, что «самосохранительное поведение женщин репродуктивного возраста Республики Дагестан можно оценивать как позитивное, направленное на сохранение здоровой продолжительности жизни. Весомый вклад в это дело вносит почти полное отсутствие вредных привычек в виде курения или употребления алкоголя» [1, с. 70]. Группа других ученых (Гимбатов Ш.М., Кутаев Ш.К. и др.)

[4] Росстат. Демографический ежегодник России. М.: Федеральная служба государственной статистики. https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207 (дата обращения: 06.11.2025).

проводят «сравнительный анализ развития трудового потенциала как части человеческого потенциала региона населения в динамике и на уровне трех факторов: демографический потенциал и тенденции воспроизводства населения как определяющий фактор формирования структуры трудовых ресурсов (миграционные процессы в том числе); особенности формирования рынка труда как совокупность условий реализации трудового потенциала населения региона; образовательная среда как система воспроизводства трудовых ресурсов и формирования их качества» [3, с. 136].

Некоторые исследователи рассматривают отличительные характеристики рождаемости в регионах Северного Кавказа, наблюдавшиеся в 2000–2010-е годы. «Данные регионы отличаются от других регионов России в целом более короткими интервалами между первыми и вторыми рождениями, более высокой долей третьих и последующих детей в общей рождаемости, межэтническими различиями по рождаемости» [4, с. 146]. Особое внимание у исследователей занимает изучение степени влияния муниципально-территориальных преобразований в регионах России (в том числе в РД) на динамику численности населения. А именно, ученые отмечают, что «муниципально-территориальные преобразования, направленные на упрощение муниципальной структуры в стране, возможно, решают какие-то сиюминутные сложности, в частности, сокращают бюджетные расходы, но в перспективе они могут иметь негативные последствия для решения главных проблем России, в том числе сохранения и увеличения численности населения страны» [11, с. 24].

Также следует отметить работу Смирновой Я.С., в рамках которой исследуются формы брака, семейный этикет, права и обязанности членов семьи, выявление общего и национально-особенного в образе жизни народов Северного Кавказа. Автор отмечает, что «вместе с тем одним из важнейших препятствий на пути отхода от устаревших норм поведения всегда является консерватизм старшего поколения и нежелание молодежи обижать родителей и других старших родственников. Есть немало таких сложных семей, в состав которых входят престарелые деды и бабки или есть престарелые близкие родственники, с чьим мнением в силу характерного для народов региона подчеркнутого уважения к старшим не могут не считаться их дети, внуки, племянники и т.д.» [12, с. 85].

Для теоретического осмысления этих стратегий следует обратиться к концепции самосохранительного поведения, разработанной в работах некоторых ученых. В частности, Шаповалова И.С. исследует самосохранительные модели поведения населения и институциональных факторов, влияющих на их формирование, а также роль социальных институтов в создании установок населения в отношении собственного здоровья. В ходе проведения сводного анализа деятельности социаль-

ных институтов по формированию существующих в настоящее время моделей самосохранительного поведения, автор приходит к выводу, что «основными факторами, определяющими будущие самосохранительные стратегии, становятся личность и институт семьи» [14, с. 105]. К вопросу о выявлении особенностей самосохранительного поведения у разных поколений россиян для оценки вектора их трансформации и перспектив динамики продолжительности жизни посвящено исследование Поповой Л.А., Милаевой Т.В., Зориной Е.Н. Применение теории поколений Хоува и Штрауса позволило ученым сформулировать авторское мнение: «Благоприятные социально-экономические и демографические условия, антиалкогольные и антитабачные мероприятия 2000-х годов и пропаганда активного здорового образа жизни в целом имеют положительный результат в плане воздействия на характер самосохранительного поведения молодых поколений (1986–2005 гг. рождения), что свидетельствует о возможности влияния на поведенческие факторы здоровья на стадии его формирования» [8, с. 273].

Исследование социальных страхов как фактора самосохранительного поведения населения является предметом исследования в работе Н.Л. Антоновой. По мнению ученого, «в «докоронавирусной» России 60% населения предпочитали самолечение и не обращались в поликлинику в начале заболевания. Как результат, пандемия усилила ситуацию неопределенности социально-экономических и иных характеристик социальной среды, что создает систему рисков и ориентирует индивида на постановку преимущественно краткосрочных задач в отношении своего здоровья» [2, с. 100].

Данные подходы сфокусированы преимущественно на индивидуальных практиках, связанных со здоровьем. В этом контексте особую ценность приобретают подходы из экономической социологии, исследующие «секреты выживания» и адаптивные практики населения в период реформ. «Одна, меньшая часть населения, ориентирована на всемирное расширение потребительского поведения («общество потребления»), а другая – основная доля граждан страны – лишь сводит «концы с концами», представляя бедные и малообеспеченные группы. Два слоя функционируют в едином государстве, но как бы в параллельных мирах, как правило, не пересекаясь друг с другом», – подчеркивает Н.М. Римашевская [9, с. 4].

При этом проблемой существующих подходов к типологизации поведения населения является их опора преимущественно на качественные методы или субъективные установки. «Оздоровительные практики, занятия физической культурой и спортом, отказ от курения, употребления алкогольных напитков, переедания, злоупотребления вредными продуктами и пр. – позитивные примеры реализации здоровьесберегающей стратегии, активного поведения в сфере самосохране-

ния» [5, с. 255]. Таким образом, эксперты констатируют ведущую роль самого человека в воспроизводстве собственного здоровья, отдавая приоритет с точки зрения степени влияния на здоровье изменяемым факторам риска. Как справедливо отмечается, такие подходы, использующие в качестве критериев, например, установки на продолжительность жизни или гендерную принадлежность, не всегда отражают все компоненты поведения в единой системе, что «определило необходимость разработки количественных методов конструирования моделей на основе социологических данных» [6, с. 260].

В некоторых работах подчеркивают связь самосохранительного поведения с социокультурными факторами, отмечая, что культура здоровья (самосохранения) относится к фундаментальным образованиям личности (группы), обеспечивающим ее активность и избирательность в реализации конкретных практик по оздоровлению своего образа жизни. Как личностная (групповая) характеристика такая культура проявляется «в системе ценностей, мировоззрении, характере деятельности, поведении и способе жизни» [10, с. 195]. Социокультурная детерминированность здоровья, рассмотрение его в контексте личной, групповой, национальной культуры акцентируют внимание исследователей на ценностных основаниях социетальной системы, позволяющих обеспечить такую модель поведения людей, которая приводит к сохранению, а не разрушению здоровья [13, с. 21].

Таким образом, *несмотря на наличие значительного числа работ по отдельным аспектам демографии и экономики РД, среди них отсутствует комплексное исследование, которое бы с помощью объективных количественных методов выявляло целостные модели социально-экономического поведения населения. В основном исследования не проводят систематического анализа лежащих в основе формирования типологизации поведения населения и моделей хозяйствования, характеризующих стратегии «выживания» домохозяйств,* уделяя больше внимания трендам социально-демографического развития.

Потребность в использовании новых аналитических подходов особенно актуальна для регионов с высокой долей неформальной экономики, где декларируемые установки могут существенно расходиться с реальными практиками. В таких условиях анализ фактических расходов домохозяйств становится более надежным индикатором модели социально-экономического поведения населения, чем опросные данные.

В этой связи целью данного исследования является эмпирическая идентификация типологических групп населения РД на основе паттернов самосохранительного поведения с применением методов машинного обучения. Анализ включает построение кластерной модели на основе социально-экономических характеристик и содержательную интерпретацию выделенных групп.

Данные и методология

Эмпирическую основу исследования составили данные Обследования бюджетов домашних хозяйств (далее – ОБДХ), проводимого Росстатом[5]. Данное обследование охватывает все субъекты РФ и направлено на анализ доходов, расходов и потребительских практик домохозяйств. В статье использованы данные за период 2016–2023 гг. по РД. Общий объем выборки составил 16 982 человеко-лет, включая 1 533 уникальных домохозяйств. Структура данных характеризуется смешанным типом (11,4% наблюдений имеют панельный характер).

Для анализа применялись объединенные файлы личных данных и экономических показателей. Интеграция этих массивов позволила сопоставить индивидуальные признаки с агрегированными экономическими показателями на уровне домохозяйств. Для выявления типологических групп населения был сформирован набор из 18 переменных, объединенных в три тематических блока. Первый – демографические переменные: возраст респондента, пол, размер домохозяйства (количество человек), число детей, уровень образования, семейное положение и тип населенного пункта (городская или сельская местность). Второй блок – экономические показатели: среднедушевой денежный доход, доля расходов на питание в структуре потребительских расходов, годовые расходы на платные услуги, объем натуральных поступлений, статус занятости и число работающих в домохозяйстве. Третий – индикаторы социального статуса и взаимодействия с системой социальной защиты: факт получения пенсии, наличие инвалидности, получение федеральных и региональных социальных льгот, а также норма сбережений, рассчитанная как доля располагаемых ресурсов, не направленная на конечное потребление.

Использование объективных данных о структуре доходов и расходов домохозяйств позволяет выявить латентные типы стратегий жизнеобеспечения, не опираясь на субъективные установки респондентов. *Машинное обучение дает возможность обработать большие массивы эмпирических данных и идентифицировать устойчивые паттерны поведения, что и определяет научную новизну исследования.*

На предварительном этапе была проведена подготовка данных. Были рассчитаны производные показатели (например, доля расходов на питание, норма сбережений), а также сформированы бинарные переменные, отражающие факт получения пенсии, инвалидности и социальных льгот. Для повышения устойчивости результатов

[5] Обследование бюджетов домашних хозяйств. Росстат. https://obdx.gks.ru/ (дата обращения: 05.11.2025).

к экстремальным значениям показатели доходов и расходов были ограничены на уровне 1-го и 99-го перцентилей. Непосредственно перед кластеризацией все переменные были стандартизированы (приведены к нулевому среднему и единичному стандартному отклонению) для обеспечения их сопоставимости. Для выявления типологических групп населения был применен метод неиерархической кластеризации – алгоритм *k*-средних (*k*-means). Оптимальное количество кластеров (*k*) определялось на основе комплексного подхода. Анализировались статистические критерии, включая «метод локтя» (анализ зависимости внутрикластерной дисперсии от числа кластеров) и силуэтный коэффициент, оценивающий компактность и отделимость кластеров. Наряду со статистическими метриками, ключевым критерием выступала содержательная интерпретируемость выделенных групп. В результате было принято решение о разделении выборки на пять кластеров (*k*=5). Анализ и моделирование были реализованы в среде Python 3.12 с использованием библиотек Pandas, NumPy и Scikit-learn.

Важно отметить принципиальное отличие использованного подхода от традиционной группировки. Обычно исследователи заранее задают критерии (например, делят население на «бедных», «средний класс» и «богатых» по уровню дохода). В нашем случае алгоритм действовал «без учителя», т.е. самостоятельно определял устойчивые комбинации признаков в многомерном пространстве, что позволило выявить скрытые группы (например, кластер К4), которые при стандартном анализе по доходам растворились бы в общей массе «малообеспеченных», хотя их экономическое поведение характеризует уникальную специфику.

Выбор метода машинного обучения (кластеризации) вместо традиционных статистических группировок обусловлен гипотезой о многомерной природе бедности и благосостояния в регионе. Стандартная линейная стратификация (например, деление населения только по уровню дохода) не позволяет различить домохозяйства, имеющие одинаковый денежный доход, но принципиально разные стратегии выживания и ресурсы. Применение алгоритма k-means на многомерном наборе признаков необходимо для того, чтобы избежать «смешивания» качественно разнородных социальных групп в одну статистическую категорию. *Алгоритм разделил социальные группы с учетом скрытых взаимосвязей. Именно способность алгоритмов машинного обучения работать с многомерными паттернами делает возможным поиск невидимых для стандартной статистики факторов.* Стандартная линейная стратификация (например, деление населения только по уровню дохода) не позволяет различить домохозяйства, имеющие одинаковый денежный доход, но принципиально разные модели выживания и ресурсы.

Результаты анализа

Общая характеристика кластеров населения РД

В результате применения алгоритма k-means к данным ОБДХ за период 2016–2023 гг. выделено пять кластеров, характеризующих поведение населения РД, различающихся по социально-демографическим и экономическим характеристикам (см. табл.).

Распределение населения по кластерам носит неравномерный характер. Наиболее многочисленным является кластер К4, включа-

Таблица

Распределение населения РД по кластерам

Кластер / Критерий	К0 «Сельские пенсионеры»	К1 «Городские пенсионеры»	К2 «Городское экономически активное население»	К3 «Дети из многодетных сельских семей»	К4 «Сельское взрослое население»	В среднем / Всего
N, чел.	637	758	4 977	3 478	7 132	16 982
Доля, %	3,8	4,5	29,3	20,5	42	100
Средний возраст	56,5	63,3	51	9,3	35,6	43,1
Мужчины, %	48,8	39,2	42,1	53,7	52,9	47,3
Женщины, %	51,2	60,8	57,9	46,3	47,1	52,7
Город, %	32	52,8	65	35,1	16,6	40,3
Размер домашних хозяйств, чел.	3,3	3	2,9	4,9	4,6	3,7
Средний доход, руб./мес.	11 228	12 461	15 322	8 336	7 847	9 973
Доля расходов на питание, %	62,9	67,5	59,9	62,7	63,2	63,2
Сумма натуральных доходов, тыс. руб. / мес.	2 315	1 368	1 108	2 715	3 417	2 184
Доля натурального дохода, %	20,6	11	7,2	32,6	43,5	23
Пенсионеры, %	100	97,4	45,6	3,2	12,2	26,4
Инвалиды, %	0	19,4	6	0,9	1,9	21,6
Федеральные льготы, %	96,5	12,8	23,8	14,7	12,1	32,0
Региональные . льготы, %	6,4	100	0	0	0	21,2

Источник: расчеты авторов по данным ОБДХ Росстата, 2016–2023 гг.

ющий 42,0% выборки (7 132 человек). Второй по величине – кластер К2 (29,3%, 4 977 человек). Наименьшие кластеры К0 и К1 охватывают лишь 3,8% и 4,5% населения, соответственно. Средний возраст варьирует от 9,3 лет (К3) до 63,3 лет (К1). Уровень урбанизации также существенно различается: от 16,6% в кластере К4 до 65,0% в кластере К2. Средний месячный доход на душу населения варьирует от 7847 руб. (К4) до 15322 руб. (К2).

Типология поведения населения РД

Проведенный кластерный анализ позволил выявить пять устойчивых социально-экономических типов, образующих сложную и гетерогенную структуру населения региона. Выделенные группы существенно различаются не только по демографическим и экономическим параметрам, но и по доминирующим моделям самосохранительного поведения.

На одном полюсе распределения находятся две малочисленные группы пожилого населения (К0 и К1), чье благосостояние практически полностью зависит от государственных трансфертов, однако стратегии их получения принципиально различаются в зависимости от места проживания. Сельский кластер К0 (68% сельских жителей) опирается на федеральную систему через механизмы досрочного выхода на пенсию (96,5% охват федеральными льготами) при отсутствии инвалидности, тогда как городской К1 (53% городских) использует инвалидность (19,4%) как инструмент доступа к региональной поддержке (100% охват). Рассмотрим их подробнее.

Кластер К0 «Сельские пенсионеры» (3,8%) – характеризуется преобладанием сельского населения (68%) и полным охватом пенсионным обеспечением при среднем возрасте 56,5 лет (46% населения группы находятся в возрасте 50-65 лет и вышли на пенсию по дореформенным правилам (до 2018 г.: мужчины – 60 лет, женщины – 55). Отсутствие инвалидности (0%) при стопроцентном пенсионном охвате *указывает на преобладание механизмов досрочного выхода – за выслугу лет для педагогов и медиков, по потере кормильца, для работников вредных производст*в. 96,5% пользуются федеральными льготами против 6,4% (региональные льготы), что контрастирует с кластером К1, где доминирует региональная поддержка (100%) через механизм инвалидности (19,4%). При стабильности федеральных выплат уровень жизни остается низким: доля расходов на питание составляет 63% при среднедушевом доходе 11,2 тыс. руб., однако эти затруднения частично компенсируются натуральным хозяйством (27,8 тыс. руб./год – в 1,7 раза выше, чем у городского К1).

Кластер К1 «Пожилые с региональной поддержкой» (4,5%) представляет собой наиболее возрастную (средний возраст 63,3 года) и феминизированную (61% женщин) группу, *чья стратегия самосо-*

хранения строится вокруг региональных мер поддержки. Отличительной чертой является 100%-й охват региональными льготами (в противовес кластеру К1, где показатель составляет 6,4%), что тесно связано с самым высоким в выборке уровнем инвалидности (19,4%). Помимо прочего в кластере К1 наблюдается абсолютная противоположность кластеру К0 по использованию федеральными льготами – 12,8 и 96,5%, соответственно. Несмотря на несколько больший доход, чем у кластера К0, группа демонстрирует максимальную долю расходов на питание (67,5%) при среднедушевых доходах в 12 461 руб., что может быть связано с тем, что больше половины населения кластера К1 проживает в городской местности.

Модернизированное ядро: городское экономически активное население (Кластер К2). Кластер К2 (29,3%) формирует вторую по численности группу и представляет собой социальное ядро модернизированной, урбанистической части РД. Это наиболее экономически благополучная и рыночно-интегрированная страта населения (средний возраст 51 год, 65% – горожане). Они демонстрируют максимальный уровень денежных доходов (15,3 тыс. руб.), что позволяет им поддерживать самый высокий уровень расходов на услуги (84,9 тыс. руб. в год) при относительно низкой по сравнению с другими группами доле трат на продовольствие (59,9%). Минимальная роль натурального хозяйства (13,3 тыс. руб. в год) подчеркивает их полную вовлеченность в экономику. Их самосохранительное поведение носит активный характер, основанный на трудовой деятельности, а не на зависимости от социальных трансфертов.

Традиционное ядро: демографический и экономический фундамент сельского РД (Кластеры К3 и К4). Два оставшихся кластера, охватывающие в совокупности более 62% населения, представляют собой две стороны единой социально-экономической системы, являющейся фундаментом современного сельского региона. *Кластер К3 «Дети из многодетных семей»* (20,5%) объединяет несовершеннолетних членов домохозяйств с высокой демографической нагрузкой (средний возраст 9,3 года, 96% – младше 18 лет). Кластеризация проводилась на уровне индивидов, поэтому взрослые члены тех же семей попадают преимущественно в кластер К4, а среднедушевой доход 8,3 тыс. руб. рассчитан делением совокупного дохода домохозяйства на количество его членов (в среднем 4,9 человека). Структура доходов домохозяйств складывается из: трудовых доходов взрослых (в среднем 1,6 работника на семью); натуральных поступлений от личного подсобного хозяйства (32,6 тыс. руб. в год – максимальный показатель среди всех кластеров); государственных пособий на детей и других социальных выплат. Выделение этой группы в отдельный кластер (как и остальных кластеров в том числе) – результат работы алгоритма k-means, который на основе

многомерного набора признаков (возраст, образование, занятость, размер домохозяйства, структура доходов) определил, что дети из многодетных семей математически образуют отдельное облако точек в пространстве признаков, качественно отличное от других групп.

Данный кластер неразрывно связан с *кластером К4 «Молодое сельское население» (42,0%), который является доминирующим и наиболее специфичным для региона*. Он объединяет молодое трудоспособное (экономически активное) население (средний возраст 35,6 лет), проживающее преимущественно в сельской местности (83%) в составе больших семей (4,6 человека). Группа характеризуется самым низким уровнем денежных доходов в республике (7,8 тыс. руб.), что, однако, компенсируется максимальной вовлеченностью в неформальную экономику. Рекордный уровень натуральных поступлений (41 тыс. руб. в год) выступает ключевым механизмом самосохранения, позволяя поддерживать жизнедеятельность вне зависимости от конъюнктуры формального рынка труда. Низкий охват социальными льготами свидетельствует о слабой интеграции этой группы в систему государственной социальной защиты и ее ориентации на неформальные ресурсы. Отметим, что доля расходов на питание в этом кластере почти идентична таковой в кластере К3 (63,2% и 62,7%, соответственно).

Феномен данного кластера заключается в том, что его представители де-юре находятся за чертой бедности (по денежным доходам), но де-факто обеспечивают приемлемый уровень потребления за счет немонетарных ресурсов. Высокий уровень натуральных поступлений здесь следует трактовать не просто как «продукты с огорода», а как полноценную альтернативную экономическую систему, которая амортизирует внешние шоки (инфляцию, безработицу), но остается невидимой для налоговой и социальной статистики.

Обсуждение результатов

Полученная типология поведения населения РД существенно расширяет понимание дифференциации населения региона и дополняет существующие качественные типологии поведения. Так как алгоритм k-means присваивает номера кластерам на основе математического положения в многомерном пространстве признаков, то содержательное наполнение кластеров зависит от региональной структуры населения.

Наиболее примечательным результатом является выявление доминирующего кластера К4, охватывающего 42% населения республики. Этот кластер характеризуется молодым трудоспособным возрастом (35,6 лет), преобладанием сельского населения (83%), большими семьями (4,6 человека) и самыми низкими официальными денежными доходами (7 847 руб./мес.), что значительно ниже прожиточного мини-

мума. Одновременно данный кластер демонстрирует максимальный натуральный доход (41 000 руб./год), что свидетельствует о высокой роли теневого сектора, либо подсобного хозяйства в системе жизнеобеспечения. Отсюда следует сделать вывод, что в регионе ядром населения является молодежь, занятая в неформальном секторе.

Полученные результаты исследования эмпирически подтверждают ограниченность стандартных подходов к анализу неравенства. Если бы мы применили традиционную группировку по уровню доходов, то представители кластера К0 и кластера К4 попали бы в одну категорию «наименее обеспеченных», так как их денежные доходы практически идентичны. Однако кластерный анализ с применением алгоритмов машинного обучения показал, что это диаметрально противоположные социальные типы: первые выживают за счет государства, вторые – за счет семьи и натурального хозяйства и неформальных доходов.

Выявленная возрастная структура населения РД, характеризующаяся высокой долей молодого трудоспособного населения, создает потенциал для получения «демографического дивиденда». Демографический дивиденд возникает, когда доля трудоспособного населения высока, а доля детей и пожилых относительно низка, что создает благоприятные условия для экономического роста.

В 2023 г., уровень занятости в РД достигал 87,2% от рабочей силы (38,7% от всего населения), что соответствует показателям ОБДХ по кластеру К4. При этом доля работающих в домохозяйствах составляет 1,75 человека на 4,6 членов семьи (38%), что сопоставимо с другими кластерами. Однако рекордный уровень натуральных поступлений (41 тыс. руб./год) при низких денежных доходах указывает на то, что значительная часть экономической активности сосредоточена в неформальном секторе: либо в личном подсобном хозяйстве, либо в теневой занятости, не отражаемой в официальной статистике доходов. Молодое население концентрируется в низкопродуктивных секторах, что свидетельствует не о дефиците занятости как таковой, а о структурном смещении экономической активности из формального сектора в неформальный, что создает барьеры для накопления капитала и социальной мобильности.

Благодаря применению алгоритмов машинного обучения мы можем смоделировать детектор скрытых доходов молодого трудоспособного населения республики в возрасте 18-35 лет, в составе семьи из пяти человек, официальными средними денежными доходами (7847 руб./мес.) и долей расходов на питание (63,2% или 4959 руб./мес.). Результаты моделирования продемонстрировали, что представители кластера К4 в республике при таких тратах обычно имеют доход не менее 16 641 руб./мес. Таким образом, разница указывает на наличие теневых источников.

Если кластеры К0, К1 и К2 можно соотнести с известными моделями, основанными на взаимодействии с государственными институтами («пассивный» и «активный» типы), то *доминирующий кластер К4 представляет собой принципиально иную социально-экономическую модель поведения*. Мы определили ее как «автономно-адаптивную»: она основана не на индивидуальных практиках или получении господдержки, а на коллективных ресурсах домохозяйства, высокой рождаемости и натуральном хозяйстве как ключевых элементах экономической устойчивости.

Кластеры К0 и К1 характеризуются рациональной адаптацией к доступным ресурсам. При относительно низких доходах (11,2–12,5 тыс. руб./мес.) расходы на платные услуги составляют лишь 28,7–43,4% от годового дохода, что значительно ниже среднего по кластеру К2 (46,2%). Это указывает на то, что пожилое население К0 и К1 преимущественно пользуется государственным бесплатным здравоохранением и льготами (96,5% в К0 имеют федеральные льготы, 100% в К1 – региональные), что является рациональной стратегией при ограниченных финансовых ресурсах, а не свидетельством низкой заботы о здоровье.

Кластер К2 ближе к «активно-позитивному» типу: городское население среднего возраста с высокими доходами и расходами на услуги, включая медицинские, что свидетельствует о более активной позиции в отношении своего здоровья.

Кластеры К3 и К4 представляют специфический тип, который можно назвать «автономно-адаптивным»: население адаптируется к низким денежным доходам через развитие натурального хозяйства, либо неформальной занятости, демонстрирует низкое использование институциональной социальной поддержки, но при этом обеспечивает выживание семьи за счет собственных ресурсов.

Между тем, в условиях высокой экономической неопределенности и в регионах с большим неформальным сектором рамки самосохранения расширяются до обеспечения базовой устойчивости домохозяйства. В исследовании анализ самосохранительного поведения населения РД нами проведен на основе индикаторов получения социальных трансфертов и льгот. Оценка выделенных кластеров выявляет глубокую поляризацию в стратегиях самосохранения населения, которая проходит по линии «государственная поддержка и, с другой стороны, – неформальные ресурсы».

Выявленные типы находятся на двух полюсах – от полной институциональной зависимости до практически полной автономии от формальной системы социальной защиты. На одном полюсе находятся «пожилые кластеры» К0 и К1, чье экономическое выживание практически полностью опосредовано государственными трансфертами. Их самосохранительное поведение носит институционализированный

характер: 100% охват пенсиями и активное использование льгот (федеральных в К0, региональных в К1) являются не просто дополнительной помощью, а основой их материального благополучия. Высокая доля лиц с инвалидностью в кластере К1 (19,4%) дополнительно усиливает эту зависимость, делая региональные программы поддержки ключевым ресурсом. В противоположность этому, доминирующий в структуре населения кластер К4 демонстрирует выраженный структурный разрыв с формальной системой социального обеспечения. Минимальный охват льготами (менее 15% в обоих кластерах) при полном отсутствии региональной поддержки свидетельствует не столько об отсутствии потребности, сколько о функционировании в рамках иной социально-экономической парадигмы. Их самосохранительное поведение строится не на взаимодействии с государственными институтами, а на мобилизации ресурсов домохозяйства (натуральное хозяйство) и, предположительно, неформальных социальных связей. Кластер К2 занимает промежуточное положение, отражая гибридную модель, характерную для урбанизированной части населения, где трудовые доходы дополняются государственными трансфертами по мере необходимости (например, при выходе на пенсию).

Таким образом, *проведенный анализ выявил недостаточный охват мерами социальной поддержки в самых массовых сегментах населения (К4), что следует интерпретировать не как отдельный недостаток, а как системный феномен. Он обусловлен совокупностью факторов, включая не только географические и информационные барьеры, но и фундаментальное несоответствие между системой существующих мер поддержки, ориентированных на индивида в формальной экономике, и реальным укладом жизни значительной части сельского населения, основанным на коллективных стратегиях выживания домохозяйства в РД.*

Направления развития государственной поддержки населения Республики Дагестан

Как показали результаты исследования, значительная часть населения РД (кластеры *К3 «Дети из многодетных семей»* и *К4 «Молодое сельское население»*) функционирует в рамках особой экономической модели, где низкий уровень монетизации доходов и ограниченный доступ к формальному рынку труда компенсируются высокой рождаемостью и интенсивным ведением личного подсобного хозяйства. Поэтому стандартные инструменты социальной политики, разработанные для условий индустриальной экономики и ориентированные на поддержку через денежные трансферты, в данном контексте оказываются недостаточно эффективными. Они воздействуют на симптомы (низкие доходы), но не на структурные причины уязвимости.

Для представителей кластера К4, чья устойчивость базируется на натуральном хозяйстве, денежное пособие в 5–10 тыс. руб. не меняет жизненную стратегию. В регионе функционирует государственная программа Республики Дагестан по социальной поддержке граждан[6]. В рамках данной программы единственной мерой поддержки в сельских поселениях региона является ежемесячная денежная выплата по оплате жилого помещения и коммунальных услуг отдельным категориям граждан. В частности, за год многодетные семьи могут рассчитывать по данной поддержке до 16421 руб., специалисты на селе – до 62536 руб.

На наш взгляд, речь должна идти не об экстенсивном наращивании пособий, а о трансформации подходов к социальной поддержке: от пассивной компенсации к активному инвестированию в человеческий капитал и инфраструктуру сельских территорий, а также о поиске механизмов легитимизации и интеграции неформальных экономических практик в общую стратегию регионального развития.

Учитывая, что доминирующий кластер К4 (42% населения) уже демонстрирует высокую экономическую активность (87,2% занятости) и эффективно использует натуральное хозяйство (41 тыс. руб./год – максимальный показатель среди всех кластеров), приоритетом должна стать не замена этой модели, а ее модернизация и легализация.

В этой связи следует уделить внимание следующим направлениям поддержки представителям кластера К4:

1) инфраструктурная поддержка сельских территорий в виде комплексного развития базовой инфраструктуры: строительство и ремонт дорог, модернизация систем электрификации, водоснабжения, газификации, наращивание мобильной и интернет-связи. Инвестиции в цифровую инфраструктуру критически важны для создания возможностей удаленной занятости молодого населения (средний возраст населения в данном кластере – 35,6 лет) в современных секторах экономики без необходимости миграции в города. Расширение сети социальных учреждений: школы, ФАПы, культурные центры;
2) экономическая поддержка населения, позволяющая конвертировать натуральный доход в денежный: создание инфраструктуры для коммерциализации продукции личных подсобных хозяйств (заготовительные пункты, холодильное оборудование, логистические центры для сбыта сельхозпродукции), развитие кооперации, переработки и агротуризма. Развитие программ

[6] Постановление Правительства Республики Дагестан от 28 ноября 2013 года № 619 «Об утверждении государственной программы Республики Дагестан «Социальная поддержка граждан» (с изменениями на 15 апреля 2025 года). https://docs.cntd.ru/document/410805305?ysclid=mlse2et4c9663197890 (дата обращения: 18.02.2026).

микрокредитования и грантовой поддержки для перехода от ЛПХ к крестьянским (фермерским) хозяйствам, обеспечивающим формальную занятость и социальные гарантии;

3) адресная поддержка и развитие человеческого капитала. Программы профессиональной переподготовки, ориентированные на специфику региона (агротехнологии, пищевая переработка, туризм), с учетом того, что 63,1% занятых уже имеют профессиональное образование. Грантовая поддержка малых семейных ферм, молодых фермеров, внедрение механизмов, учитывающих специфику сельского семейного уклада;
4) поддержка духовенства. Учитывая, что сельским районам республики присуще высокий уровень религиозности, то необходимо вовлекать традиционные институты (духовные лидеры, старейшины) в реализацию соответствующих программ поддержки. В совокупности это позволит повысить эффективность социальной политики, легитимность программ и уровень доверия населения.

Данные меры должны работать с существующими практиками населения (натуральное хозяйство, семейная кооперация), а не против них, признавая их адаптивную ценность в условиях слабого формального рынка труда.

В сфере общественного здоровья проведенный анализ выявил глубокую пространственную и социальную стратификацию рисков. Самосохранительное поведение предстает не как результат индивидуального выбора, а как функция от принадлежности к определенному социально-экономическому кластеру. Это ставит под сомнение эффективность универсальных профилактических программ. Требуется переход к разработке экосистемных моделей здравоохранения, где медицинские вмешательства являются лишь одним из элементов.

Для кластеров К3 и К4, например, более действенными могут оказаться программы по улучшению качества питьевой воды. Основная часть потребителей сосредоточена в городских округах, в то время как основные водные ресурсы распределены в бассейнах рек Сулак, Самур и Терек. В горной и высокогорной частях РД очистка сточных вод практически отсутствует, на равнине не обеспечивается должное качество. В селах нет системы постоянного мониторинга качества воды. В этой связи в рамках XXVI Петербургского международного экономического форума РД и ПАО «Русгидро» подписали соглашение о технологическом партнерстве и разработке долгосрочной программы использования водных ресурсов. Результатом этого сотрудничества стал мастерплан по развитию водоснабжения в регионе до 2043 г., который учитывает все характерные для республики направления водопользования – от обеспечения населения питьевой водой и развития мелиорации

до использования потенциала гидроэнергетики. Предполагается, что следующим шагом после утверждения республиканского мастерплана станет разработка детальных межрайонных схем водоснабжения и водоотведения, которые обеспечат выполнение стратегических задач на местах.

Для кластеров К1 «Пожилые с региональной поддержкой», проживающего преимущественно в городах, а также и К2 «Городское экономически активное население», то есть городского населения, эффективным направлением является обеспечение доступности качественных продуктов питания, интегрированные в общую систему социального обслуживания. В правительстве РД отмечают, что на сегодняшний день основной проблемой при организации качественного питания является несоответствие поставляемой продукции нормативным требованиям, а также наличие слабой материально-технической оснащенности пищеблоков в социальных учреждениях.

Для кластера К0 «Сельские пенсионеры» системная поддержка пожилых людей является и, на наш взгляд, должна оставаться одним из приоритетов социальной политики. В РД исторически сложилось особое, уважительное отношение к старшему поколению. В рамках федерального проекта «Старшее поколение» национального проекта «Демография» в РД организована специальная транспортная служба для доставки сельских жителей старше 65 лет в медицинские учреждения. Также в РД развивается система долговременного ухода, которая позволяет пожилым людям и инвалидам получать бесплатные социальные услуги на дому. Параллельно в республике реализуется программа «Активное долголетие в Республике Дагестан», направленная на поддержание физической и социальной активности старшего поколения.

Перспективы дальнейшего исследования

Проведенная научная работа открывает авторскому коллективу новые горизонты для дальнейшего развития исследования. В частности, помимо применения кластерного и содержательного анализа предполагается применение сравнительного анализа, а именно сравнение структуры кластеров РД с общероссийскими данными.

Заключение

Проведенное исследование показало, что применение методов машинного обучения к данным масштабных социально-демографических обследований позволяет выявлять объективные формы дифференциации населения. Для Дагестана характерна специфическая структура населения с доминированием молодого сельского населе-

ния с большими семьями и низкими денежными доходами, компенсируемыми натуральным хозяйством. Федеральные меры социальной политики, разработанные для типичной российской демографической структуры, в РД накладываются на принципиально иную демографическую и экономическую базу, что неизбежно снижает их эффективность.

Выявленные в моделях социально-экономической адаптации должны учитываться при разработке социально-демографической и экономической политики региона. Без целенаправленных инвестиций в человеческий капитал и создания рабочих мест демографический дивиденд может не реализоваться, а высокая доля молодого населения способна стать источником социальной напряженности. Для региона эта проблема усугубляется низким уровнем урбанизации и слабым развитием инфраструктуры в сельской местности.

Адресный подход с учетом специфики выделенных кластеров позволит повысить эффективность программ социальной поддержки и создать условия для улучшения качества жизни и здоровья населения республики. Решение поставленных задач поможет укрепить региональную систему социальной защиты населения, повысить уровень жизни и социальное положение тех, кто в этом нуждается. Это, в свою очередь, создаст благоприятные условия для развития человеческого капитала в РД. Таким образом, успешная реализация этих задач будет способствовать не только улучшению материального положения граждан, но и общему прогрессу региона и соответственно страны в целом.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

1. *Абдулманапов П.Г.* Социально-демографические аспекты самосохранительного поведения женщин Республики Дагестан // Региональные проблемы преобразования экономики. 2022. № 9. С. 65–71. [*Abdulmanapov P.G.* Socio-demographic aspects of self-preservation behavior of women in the Republic of Dagestan // Regional problems of economic transformation. 2022. No. 9. Pp. 65–71. (In Russ.).] DOI: 10.26726/1812-7096-2022-9-65-71.
2. *Антонова Н. Л.* Социальные страхи как фактор самосохранительного поведения населения // Социальная динамика населения и устойчивое развитие: Сборник тезисов III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Москва, 1 декабря 2020 года / Под общ. ред. А.И. Антонова. М.: ООО «МАКС Пресс», 2020. С. 100–102. [*Antonova N. L.* Social fears as a factor in self-preservation behavior of the population // Social dynamics of the population and sustainable development: Collection of abstracts of the III All-Russian scientific and practical conference with international participation, Moscow, December 1, 2020 / General ed. A.I. Antonov. Moscow: MAX Press, 2020. Pp. 100–102. (In Russ.).]
3. *Гимбатов Ш.М., Кутаев Ш.К., Хаджалова Х.М., Абдулаева З.З., Абдулманапов П.Г.* Социальные и демографические проблемы формирования трудового

потенциала Северного Кавказа // Народонаселение. 2023. Т. 26. № 1. С. 135–146. [*Gimbatov Sh.M., Kutayev Sh.K., Khadzhalova Kh.M., Abdullayeva Z.Z., Abdulmanapov P.G.* Social and Demographic Problems of Formation of the Labor Potential of the North Caucasus // Population. 2023. Vol. 26. No. 1. Pp. 135–146. (In Russ.).] DOI: 10.19181/population.2023.26.1.11.

4. *Казенин К.И., Козлов В.А.* Омоложение материнства в Дагестане: тенденция или артефакт? (Предварительные результаты обследования сельского населения) // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3. № 3. С. 121–151. [*Kazenin K.I., Kozlov V.A.* Rejuvenation of Motherhood in Dagestan: Trend or Artifact? (Preliminary Results of a Rural Population Survey) // Demographic Review. 2016. Vol. 3. No. 3. Pp. 121–151. (In Russ.).]
5. *Кисиленко А.В., Шаповалова И.С., Кисиленко Д.Г., Хашаева С.В., Ковальчук О.В.* Анализ результатов экспертного опроса о факторах самосохранительного поведения населения центральных регионов России // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2020. № 28 (2). С. 253–260. [*Kisilenko A.V., Shapovalova I.S., Kisilenko D.G., Khashaeva S.V., Kovalchuk O.V.* Analysis of the results of an expert survey on the factors of self-preservation behavior of the population of the central regions of Russia // Problems of Social Hygiene, Health Care and History of Medicine. 2020. No. 28 (2). Pp. 253–260. (In Russ.).] DOI: 10.32687/0869-866X-2020-28-2-253-260.
6. *Короленко А.В.* Модели самосохранительного поведения населения: подходы к изучению и опыт построения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 3. С. 248–263. [*Korolenko A.V.* Models of self-preservation behavior of the population: approaches to study and experience of construction // Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2018. Vol. 11. No. 3. Pp. 248–263. (In Russ.).] DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.16.
7. *Лысенко Е., Рагимова О.* Культура жизни и культура здоровья // Высшее образование в России. 2008. № 11. С. 139-142. [*Lysenko E., Ragimov*а *O.* Culture of life and culture of health // Higher education in Russia. 2008. No. 11. Pp. 139–142. (In Russ.).]
8. *Попова Л.А., Милаева Т.В., Зорина Е.Н.* Самосохранительное поведение населения: поколенческий аспект // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 5. С. 261–276. [*Popova L.A., Milaeva T.V., Zorina E.N.* Self-preservation behavior of the population: generational aspect // Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2021. Vol. 14. No. 5. Pp. 261–276. (In Russ.).] DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.15.
9. *Римашевская Н.М.* Социальные приоритеты в условиях кризиса не меняются // Народонаселение. 2015. № 2 (68). С. 4–8. [*Rimashevskaya N.M.* Social priorities do not change in times of crisis // Population. 2015. No. 2 (68). Pp. 4–8. (In Russ.).]
10. *Серёжникова Р.К., Воротилкина И.М.* Формирование культуры здоровьесбережения как условие, обусловливающее самореализацию студента // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского. 2012. № 5 (46). С. 195–198. [*Serezhnikova R.K., Vorotylkina I.M.* Formation of a health-preserving culture as a condition for student self-realization // Scientific notes of the Transbaikal State Humanitarian and Pedagogical University named after N.G. Chernyshevsky. 2012. No. 5 (46). Pp. 195–198. (In Russ.).]

11. *Симагин Ю.А., Муртузалиева Д.Д., Ванькина И.Н.* Влияние муниципально-территориальных преобразований в регионах России на динамику численности населения // Народонаселение. 2023. Т. 26. № 1. С. 16–28. [*Simagin Yu.A., Murtuzalieva D.D., Vankina I.N.* The impact of municipal-territorial transformations in the regions of Russia on population dynamics // Population. 2023. Vol. 26. No. 1. Pp. 16–28. (In Russ.).]
12. *Смирнова Я.С.* Формы семьи у народов Северного Кавказа в XIX – начале XX в. // Советская этнография. 1981. № 1. С. 78–91 [*Smirnova Ya.S.* Family Forms among the Peoples of the North Caucasus in the 19th – Early 20th Centuries // Soviet Ethnography. 1981. No. 1. Pp. 78–91. (In Russ.).]
13. *Харисов Ф. Ф.* Роль национальной культуры в формировании здоровой личности // Наука и школа. 2004. № 12. С. 18–25. [*Kharisov F.F.* The role of national culture in the formation of a healthy personality // Science and School. 2004. No. 12. Pp. 18–25. (In Russ.).]
14. *Шаповалова И.С.* Роль социальных институтов в формировании самосохранительного поведения населения Центрального округа // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11. № 1. С. 86–112. [*Shapovalova I.S.* The role of social institutions in the formation of self-preservation behavior of the population of the Central District // Bulletin of the Institute of Sociology. 2020. Vol. 11. No. 1. Pp. 86–112. (In Russ.).]

Дата поступления рукописи: *04.12.2025 г.*
Дата принятия к публикации: *24.02.2026 г.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Гимбатов Шамиль Магомедович – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института социально-экономических исследований ФГБУН Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
ORCID: 0000-0002-8302-3544
gimba@list.ru

Меджидов Заур Уруджалиевич – кандидат экономических наук, научный сотрудник Института социально-экономических исследований ФГБУН Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
ORCID: 0000-0002-6008-1661
zaur-medzhidov@mail.ru

Кобзаренко Дмитрий Николаевич – доктор технических наук, ведущий научный сотрудник Института социально-экономических исследований ФГБУН Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
ORCID: 0000-0002-0963-7935
kobzarenko_dm@mail.ru

Гимбатова Амина Шамилевна – студентка ФГБОУ ВО Дагестанский государственный медицинский университет Минздрава России, Махачкала, Россия
aminka.color@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Shamil M. Gimbatov – Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher, Institute of Socioeconomic Research, Dagestan Federal Research Center of the RAS, Makhachkala, Russia
ORCID: 0000-0002-8302-3544
gimba@list.ru

Zaur U. Medzhidov – Cand. Sci. (Econ.), Researcher, Institute of Socioeconomic Research, Dagestan Federal Research Center of the RAS, Makhachkala, Russia
ORCID: 0000-0002-6008-1661
zaur-medzhidov@mail.ru

Dmitry N. Kobzarenko – Dr. Sci. (Eng.), Leading Researcher, Institute of Socioeconomic Research, Dagestan Federal Research Center of the RAS, Makhachkala, Russia
ORCID: 0000-0002-0963-7935
kobzarenko_dm@mail.ru

Amina Sh. Gimbatova – student, Dagestan State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation, Makhachkala, Russia
aminka.color@gmail.com

TYPOLOGY OF SOCIO-ECONOMIC BEHAVIOR OF THE REPUBLIC OF DAGESTAN POPULATION[7]

The purpose of the study is to identify the population groups in the Republic of Dagestan according to the peculiarities of socio-economic behavior and life support strategies. The study was conducted using machine learning methods based on multidimensional data analysis algorithms. Using the cluster analysis on Rosstat's Household Budget Survey data for 2016–2023, five population types with different behavioral patterns were identified. Among them, the dominant model stands out (42% of the population), in which the economic stability of households located mainly in rural areas is achieved not through the labor market and social transfers, but through the resources of the extended household and subsistence production. The natural income in this group exceeds the national level by 3,5 times. This cluster is organically supplemented by underage household members of the above group, which makes up 62% of the sample. A separate group of the rural population is consisted of rural pensioners, whose well-being relies mainly on federal support, in contrast to urban pensioners, whose incomes depend mainly on regional sources. These two groups are not very numerous (3,8 and 4,5% of the sample, respectively). About 30% of the sample includes the active urban population. The results of the study indicate the low effectiveness of standard social policy instruments (monetary benefits to individuals) for a significant part of the region's population and the need to move to the development of rural infrastructure, as well as the development of targeted socio-demographic policy, taking into account the identified regional specifics.

Keywords: *cluster analysis, machine learning, typology of socio-economic behavior of the population, Republic of Dagestan, households, subsistence farming, social policy.*
JEL: G11.

[7] This research was funded by the Russian Science Foundation (Project No. 25-28-20473).

К.Ю. ЯДРИЩЕНСКАЯ
аспирант Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова

ДОСУГ В ОЦЕНКЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ЛИЦ ТРУДОСПОСОБНОГО ВОЗРАСТА

В статье представлен новый метод оценки уровня благополучия, основанный на анализе распределения времени на досуг среди индивидов трудоспособного возраста. Для формирования ненаблюдаемой переменной благополучия использованы показатели человеческого капитала (здоровье, образование) и материальная составляющая (доход). Построение MIMIC-модели на данных Выборочного наблюдения использования суточного фонда времени населением (N = 52,177) позволило выявить устойчивую связь между ненаблюдаемой переменной благополучия и решениями о распределении времени на досуг. Проведенный анализ позволил классифицировать досуговые занятия на положительно, отрицательно и нелинейно связанные с уровнем благополучия, а также выявить различия в факторах, определяющих благополучие мужчин и женщин в рабочие и выходные дни. Полученные результаты могут быть использованы при разработке мер, направленных на повышение качества жизни и благополучия населения.

Ключевые слова: *бюджеты времени, распределение времени, благополучие, досуг.*

УДК: 314.06, 331.1

EDN: YBMXBH

DOI: 10.52180/2073-6487_2026_1_109_132

Введение

Повышение уровня благополучия населения является одним из приоритетных направлений экономической политики большинства государств. В современной научной литературе благополучие все чаще рассматривают как многокомпонентную структуру, включающую в себя как материальные, так и нематериальные аспекты [21; 25; 30; 39]. В докладе о мировом развитии (1980) было отмечено, что благополучие не сводится исключительно к материальной составляющей и охватывает в том числе образование и здоровье [38]. Определяя возможности доступа к различным благам, доход традиционно рассматривается в качестве основного показателя благополучия [18; 33]. С состоянием

здоровья связана трудоспособность и мобильность индивидов, способность к поддержанию социальных связей и многие другие аспекты жизни [19]. В качестве измерителя здоровья в литературе часто используются субъективные переменные – самооценки состояния здоровья [4]. Уровень образования, в свою очередь, связан с возможностями самореализации, пониманием места в жизни, а также субъективным восприятием и общей удовлетворенностью жизнью [6; 23; 29]. В проводимом исследовании мы придерживаемся данной трактовки и определяем благополучие как интегральную характеристику, сочетающую уровень человеческого капитала (состояние здоровья и уровень образования) и доход.

Изучение того, как люди распределяют свое время, является важной исследовательской траекторией в контексте индивидуального благополучия. Время, как и деньги, является ограниченным ресурсом, при этом «временной достаток» (time affluence) так же важен, как и материальный [14]. Если исходить из материально детерминированной трактовки благополучия, то время, расходуемое на деятельность, направленную на получение дохода, косвенно определяет удовлетворенность жизнью и общее благополучие через возможности потребления. Досуг в этом случае рассматривается как товар, цена которого эквивалентна величине упущенного дохода. Однако такой подход не учитывает роль других видов деятельности, которые также вносят вклад в благополучие [32].

Изучение распределения времени помогает выявить возможные дисбалансы, которые сказываются на общем благополучии [10; 24]. В данном контексте авторы часто подчеркивают важность преодоления конфликта между работой и личной жизнью для поддержания высокого уровня благополучия [2; 6; 8; 22; 31]. Несмотря на то, что удовлетворенность жизнью среди работающих людей выше в сравнении с индивидами, не занятыми на рынке труда [16], «перегрузки» и ненормированный рабочий график отрицательно сказываются на благополучии (в том числе через ухудшение семейных и социальных связей, нарушение сна, проблемы с физическим и психологическим здоровьем) [34; 37].

Одним из преимуществ современных обследований распределения времени является возможность использования данных для исследования различий между социально-демографическими группами. Например, было показано, что матери с высшим образованием проводят значительно больше времени в интенсивном уходе за детьми, чем менее образованные [13]. Кроме того, было продемонстрировано, что различия в использовании времени объясняют большую часть различий в ощущаемом благополучии между молодыми и пожилыми людьми [17].

Анализ поведенческих моделей позволяет определить, какие виды деятельности связаны с лучшими или худшими оценками благополучия. Например, исследования показывают, что такие виды деятельности, как занятие спортом, участие в социальной жизни и досуг связаны с более высокой удовлетворенностью жизнью (то есть с более высоким уровнем субъективного благополучия), а ведение домашнего хозяйства и оплачиваемая занятость – с низкой [17].

Нехватка свободного времени может существенно ограничивать личностное развитие, благополучие семьи и ее членов, а также инклюзивное участие в социально-экономической жизни [1], поэтому особое внимание в терминах проводимого исследования стоит обратить на то, как исследователи описывают связь между досуговыми видами деятельности и благополучием.

На данных об использовании времени жителями США было показано, что за 50 лет время досуга для мужчин увеличилось примерно на 6–9 часов в неделю за счет снижения времени на оплачиваемую занятость, а для женщин — примерно на 4–8 часов в неделю за счет снижения времени на ведение домашнего хозяйства. Эти изменения сопровождаются ростом неравенства в досуге, которое должно быть учтено при исследовании благополучия [3]. Аналогичные тенденции наблюдаются и в Европе: на данных об использовании времени парами в Великобритании, Испании, Франции, Италии и Финляндии было продемонстрировано, что в европейских странах неравенство в отношении досуга выражено в большей степени, а в Финляндии и Великобритании распределение времени на досуг, напротив, более эгалитарное [20]. Эти различия подчеркивают, что разные общества по-разному реагируют на выбор между потреблением и досугом [32].

Отдельно в литературе обсуждаются различия между мужчинами и женщинами в характере свободного времени [35], а также неравенство во времени, распределяемом на досуг, в пользу менее образованных взрослых индивидов [11].

Часто исследователи дифференцируют досуг, изучая связь выделенных способов проведения свободного времени с благополучием. Например, было продемонстрировано, что время, затрачиваемое на деятельность, способствующую личностному росту, укреплению социальных связей и вовлеченности в общественную жизнь, ассоциируется с более высокими уровнями субъективного благополучия [14; 24; 26; 27]. Также описаны доказательства того, что активный досуг спортивного или оздоровительного типа связан с более высокими оценками благополучия [10; 15; 36].

Таким образом, распределение времени между различными видами деятельности играет важную роль в оценке благополучия,

однако его эффекты могут варьироваться в зависимости от социально-экономического контекста.

Целью проводимого исследования является выявление связи между распределением времени, прежде всего, на досуговые виды деятельности, и благополучием при контроле ряда социально-демографических характеристик на российских данных. При анализе факторов благополучия через призму распределения суточного времени мы делаем акцент на таких разновидностях досуга, как спорт, хобби, общение, медиапотребление, чтение, отдых и релаксация, посещение различных мероприятий, участие в общественной жизни и религиозные практики. В отличие от исследования [1], в перечень досуговых видов деятельности в данной работе не включаются занятия, связанные с неоплачиваемой волонтерской и образовательной деятельностью.

Дополнительно мы уделяем внимание различиям между распределением времени в выходные и рабочие дни. Выходные дни исследователи рассматривают как период восполнения утраченных ресурсов: особенности проведения выходных дней в значительной степени связаны с определенными положительными и отрицательными эмоциональными состояниями в течение следующей рабочей недели [9]. С другой стороны, особенности рабочего дня влияют на качество восстановления в выходные дни. В литературе показано, что индивидам с меньшим контролем на рабочем месте необходим более продолжительный период восстановления в выходной день [5].

В зависимости от дня наполнение и структура распределения суточного времени индивидов может отличаться. Например, в будние дни больше времени уделяется оплачиваемым видам деятельности, а в выходной, напротив, на первый план может выйти досуг, уход за детьми и прочие виды дневной активности. Эти различия могут влиять на то, как выбранные индикаторы (здоровье, образование и доход) связаны с ненаблюдаемым конструктом благополучия.

Данные и методы

В работе используются наборы данных Выборочного наблюдения использования суточного фонда времени населением, проведенного в 2019 г. Росстатом. Этап предобработки данных был выполнен по аналогии с [4] с дополнительным фильтром в отношении суммарного времени на основные виды деятельности. Исследуются данные для респондентов, которые указали распределение времени за 12 и более часов. Кроме того, из обработанного набора данных были отобраны индивиды, которые заполнили информацию о распределении времени одновременно в рабочий и выходной день.

Обработанный набор данных состоит из 52177 индивидов в возрасте 20–65 лет. Описание выбранных для исследования переменных приведено в табл. 1.

Таблица 1

Описание переменных

Название переменной	Описание переменной
Оценка состояния здоровья (health)	Самооценка состояния здоровья, где 1 – очень плохое, 5 – очень хорошее здоровье
Средний доход на члена домохозяйства (income per household member)	Величина денежного дохода в среднем на члена домохозяйства, в месяц, рублей
Образование (education)	Уровень образования, где 1 – отсутствие основного общего, 9 – высшая квалификация (аспирантура, докторантура, ординатура, адъюнктура)
Место проживания (territory)	Место проживания респондента, где 1 – городской, 2 – сельский
Пол (gender)	Пол респондента (1 – мужской, 0 – женский)
Возраст (age)	Возраст респондента
Количество членов домохозяйства (family)	Состав домохозяйства, количество человек
Семейное положение (marital_status)	Семейное положение респондента, 1 – состоит в браке (зарегистрированном или незарегистрированном), 0 – нет
Ведение домашнего хозяйства (household)	Количество часов, затраченных на ведение домашнего хозяйства
Неоплачиваемая занятость (unpaid)	Количество часов, затраченных на неоплачиваемую занятость для собственного конечного использования
Уход за детьми (child)	Количество часов, затраченных на воспитание детей
Сон (sleep)	Количество часов, затраченных на сон
Удовлетворение базовых потребностей (basic_needs)	Количество часов, затраченных на удовлетворение базовых потребностей
Оплачиваемая занятость (work)	Количество часов, затраченных на оплачиваемую занятость
Общение (communication)	Количество часов, затраченных на общение
Участие в общественной жизни, отправление религиозного культа (public life_religion)	Количество часов, затраченных на участие в общественной жизни, отправление религиозного культа

Окончание табл. 1

Название переменной	Описание переменной
Занятия спортом (sport)	Количество часов, затраченных на спорт и физические упражнения
Хобби (hobby)	Количество часов, затраченных на игры и хобби
Медиапотребление (media_use)	Количество часов, затраченных на просмотр/прослушивание телевизионных передач и видеозаписей, прослушивание радиопрограмм и аудиозаписей и прочие виды деятельности, связанные с использованием средств массовой информации (медиапотребление)
Отдых (relax)	Количество часов, затраченных на релаксацию, отдых или размышления
Чтение (reading)	Количество часов, затраченных на чтение
Посещение мероприятий (events)	Количество часов, затраченных на посещение культурных, развлекательных и спортивных мероприятий

Источник: составлено автором.

Для целей настоящего исследования была построена модель множественных индикаторов и множественных причин MIMIC (Multiple Indicators Multiple Causes model), которая является разновидностью структурного моделирования с ненаблюдаемыми (латентными) переменными [12]. Описанный подход позволяет одновременно учесть структуру ненаблюдаемой переменной (благополучия) и ее связь с набором регрессоров (причинных переменных) [7; 40].

Модель MIMIC состоит из двух связанных частей – измерительной и регрессионной (или структурной). Измерительная часть описывает, как ненаблюдаемая переменная (благополучие) измеряется через выбранные индикаторы, а регрессионная описывает связь между ненаблюдаемым благополучием и набором причинных переменных.

Измерительная часть

В качестве индикаторов ненаблюдаемой переменной благополучия измерительная часть включает следующие переменные:

- величина среднего дохода на члена домохозяйства в единицах стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг для каждого из регионов (income);
- уровень образования (1–9), где 1 – отсутствие основного общего образования, а 9 – послевузовское образование (аспирантура, докторантура, ординатура, адъюнктура) (education). Использование детализированной 9-балльной позволяет более точно отразить различия между уровнями образования;

- самооценка состояния здоровья (1–5) – субъективно оцененная респондентом характеристика, где 1 – очень плохое, а 5 – очень хорошее здоровье (health).

Формально измерительную часть можно описать следующим образом:

$$health_i = \lambda_1 * well - being_i + \varepsilon_{1i},$$
$$income_i = \lambda_2 * well - being_i + \varepsilon_{2i},$$
$$education_i = \lambda_3 * well - being_i + \varepsilon_{3i},$$

где λ_1–λ_3 – факторные нагрузки, ε_1–ε_3 – ошибки измерения.

Перед оценкой модели для обеспечения сопоставимости масштабов индикаторы были стандартизированы с помощью функции scale в *R*.

Регрессионная часть

Регрессионная часть описывает, как ненаблюдаемая переменная (благополучие) связана со следующими группами переменных:

Базовые социально-демографические характеристики – пол, возраст, количество членов домохозяйства, тип местности, в которой проживает индивид, и признак наличия брака (зарегистрированного или незарегистрированного).

Количество часов, расходуемых на укрупненные виды дневной активности:

- оплачиваемая занятость;
- ведение домашнего хозяйства;
- неоплачиваемая занятость для собственного конечного использования;
- забота о детях;
- различные виды досуга (спорт/физические нагрузки, хобби/игры, медиапотребление, релаксация, чтение, посещение различных мероприятий, общение, участие в общественной жизни и отправление религиозного культа);
- удовлетворение базовых потребностей;
- сон.

Таким образом, регрессионная часть модели может быть представлена в следующем виде:

$$well - being_i = \gamma_1 * age_i + \gamma_2 * gender_i + \ldots + \gamma_{n-1} * sleep_i + \gamma_n * sleep_i^2 + \zeta_i,$$

где $\gamma_1 - \gamma_n$ – коэффициенты при наблюдаемых факторах, ζ – ошибка регрессионной части.

Для выявления возможной нелинейности в модель включены квадратичные компоненты временных регрессоров. Включение квадратов

переменных времени позволяет идентифицировать точки перегиба – значения соответствующих регрессоров, при которых меняется знак производной по отношению к ненаблюдаемой переменной.

Точки перегиба вычисляются на основе значений коэффициентов при линейных и квадратичных регрессорах. Так, например, точка перегиба для такого вида деятельности как сон определяется следующим образом:

$$EP_{sleep} = -\frac{\gamma_{n-1}}{2 * \gamma_n}$$

В случае статистической значимости квадратичного и линейного регрессора появляется возможность интерпретировать характер связи (*U*-образная или обратная *U*-образная), а также определить значение регрессора, при котором ненаблюдаемая переменная достигает локального максимума или минимума.

Так, например, $\gamma_n > 0$ и $\gamma_{n-1} > 0$ свидетельствует о наличии *U*-образной связи (точка перегиба (EP) соответствует минимуму), а $\gamma_n < 0$ и $\gamma_{n-1} > 0$ свидетельствует о наличии обратной *U*-образной связи (точка перегиба (EP) соответствует максимуму).

Одновременная оценка параметров описанных выше подмоделей (измерительной и регрессионной) осуществляется методом максимального правдоподобия. Данный метод позволяет одновременно оценить все параметры модели MIMIC, включая факторные нагрузки ($\lambda_1 - \lambda_3$) и коэффициенты регрессии ($\gamma_1 - \gamma_n$). Технически это было реализовано с использованием пакета lavaan в *R* [7; 28]

Оценены модели на выборке рабочего дня (1), отдельно для мужчин (2) и женщин (3) в рабочий день, а также на выборке выходного дня (1′), отдельно для мужчин (2′) и женщин (3′) в выходной день.

Результаты

Моделирование детерминант благополучия методом MIMIC

Результаты моделирования представлены в Приложении 1, табл. П1. Величина стандартизированной факторной нагрузки для каждого из выбранных индикаторов благополучия положительна. Наибольшее значение для общей выборки рабочего и выходного дня имеет индикатор самооценки состояния здоровья (0,484 и 0,589 соответственно), то есть различия в ненаблюдаемом благополучии в большей степени отражаются в данном индикаторе. Что касается гендерных различий, для выборки рабочего дня, состоящей из женщин, наибольшая факторная нагрузка приходится на переменную уровня образования (0,453), тогда как для остальных подвыборок наибольшая факторная нагрузка приходится на оценку состояния здоровья.

Значимость квадратов при некоторых регрессорах говорит о наличии нелинейной связи с латентной переменной благополучия. В табл. 2 представлено описание характера связи выделенных регрессоров, а также соответствующие точки перегиба для различных срезов данных. Так, например, оплачиваемая занятость в рабочий день нелинейно связана с благополучием, то есть по мере увеличения времени, расходуемого на данный вид деятельности, оценка благополучия индивидов в среднем выше, а затем, при превышении точки перегиба – ниже. Точка перегиба для выборки в целом равна 5,5 часа, для мужчин – 5,4 часа, а для женщин – 5,1 часа. Для выборки выходного дня оплачиваемая занятость ожидаемо не является значимой.

Аналогичным образом можно прокомментировать связь с остальными регрессорами из табл. 2.

Примечательно, что такие виды деятельности, как ведение домашнего хозяйства и забота о детях, не являются значимыми для индивидов мужского пола в рабочий день, а в выходной день оцененное благополучие мужчин нелинейно (*U*-образная связь) связано с заботой о детях (точка перегиба равна 4,6 часа).

Временная граница для физической активности и занятий спортом, в которой достигается максимальное при прочих равных значение оцененного благополучия, в рабочий день выше, чем в выходной, как для мужчин, так и для женщин. Однако при этом различие в точках перегиба для женщин более существенное – точка 3,5 часа в рабочий день и 2,2 часа – в выходной.

Участие в общественных социальных мероприятиях, торжествах, а также отправление религиозного культа значимо для мужчин как в выходной, так и в рабочий день. При этом в выходной день точка перегиба расположена ниже (на уровне 4,1 часа).

Посещение культурных, спортивных и развлекательных мероприятий положительно связано с индивидуальным благополучием женщин как в выходной, так и в рабочий день, а для мужчин наблюдается статистически значимая нелинейная связь (обратная *U*-образная) с точкой перегиба на уровне 4,1 часа только в выходной день.

Медиапотребление отрицательно связано с индивидуальным благополучием для всех выборок без исключения. Общение и социальное взаимодействие отрицательно связано с оцененным благополучием мужчин как в рабочий, так и в выходной день, а для женщин в выходной день зафиксирована *U*-образная связь с точкой перегиба на уровне 4,8 часа.

Проверка качества построенных моделей была осуществлена с помощью индекса сравнительного соответствия (CFI), индекса Такера–Льюиса (TLI), среднеквадратической ошибки аппроксимации (RMSEA), а также стандартизованного среднеквадратического остатка (SRMR).

Таблица 2

Описание характера связи регрессоров с ненаблюдаемой переменной благополучия для выборки рабочего дня

Общая выборка		Мужчины		Женщины	
U-образная связь	Обратная U-образная связь	U-образная связь	Обратная U-образная связь	U-образная связь	Обратная U-образная связь
Неоплачиваемая занятость. Точка перегиба рабочий день: 6,7 часа Точка перегиба выходной день: 7,4 часа	Оплачиваемая занятость. Точка перегиба рабочий день: 5,5 часа	Неоплачиваемая занятость. Точка перегиба рабочий день: 7,4 часа Точка перегиба выходной день: 8,1 часа	Оплачиваемая занятость. Точка перегиба рабочий день: 5,4 часа	Ведение домашнего хозяйства. Точка перегиба рабочий день: 21 час	Оплачиваемая занятость. Точка перегиба рабочий день: 5,1 часа
Забота о детях. Точка перегиба рабочий день: 5 часов Точка перегиба выходной день: 7,7 часа	Спорт, выполнение физических упражнений. Точка перегиба рабочий день: 3,3 часа Точка перегиба выходной день: 2,7 часа	Отдых, релаксация. Точка перегиба рабочий день: 7,9 часа Точка перегиба выходной день: 5,5 часа	Спорт, выполнение физических упражнений. Точка перегиба рабочий день: 3,0 часа Точка перегиба выходной день: 2,8 часа	Неоплачиваемая занятость. Точка перегиба рабочий день: 6,8 часа Точка перегиба выходной день: 6,9 часа	Спорт, выполнение физических упражнений. Точка перегиба рабочий день: 3,5 часа Точка перегиба выходной день: 2,2 часа
Отдых и релаксация. Точка перегиба выходной день: 6,8 часа	Чтение. Точка перегиба рабочий день: 1,5 часа Точка перегиба выходной день: 1,3 часа	Забота о детях. Точка перегиба выходной день: 4,6 часа	Участие в общественной жизни, отправление религиозного культа. Точка перегиба рабочий день: 4,8 часа Точка перегиба выходной день: 4,1 часа	Забота о детях. Точка перегиба рабочий день: 4,0 часа Точка перегиба выходной день: 10,3 часа	Чтение. Точка перегиба рабочий день: 1,8 часа Точка перегиба выходной день: 2,5 часа

Окончание табл. 2

Общая выборка		Мужчины		Женщины	
Общение. Точка перетиба выходной день: 4,8 часа	Участие в общественной жизни, отправление религиозного культа. Точка перетиба рабочий день: 2,3 часа		Посещение культурных, спортивных и развлекательных мероприятий. Точка перетиба выходной день: 4,1 часа	Общение. Точка перетиба выходной день: 4,8 часа	Удовлетворение базовых потребностей. Точка перетиба рабочий день: 3,4 часа
	Удовлетворение базовых потребностей. Точка перетиба рабочий день: 2,1 часа				
	Посещение культурных, спортивных и развлекательных мероприятий. Точка перетиба выходной день: 6,5 часа				

Источник: составлено автором.

Указанные метрики для каждой из моделей приведены в Приложении 1, табл. П1. Все спецификации в целом демонстрируют хорошее соответствие данным.

Профили представителей наиболее уязвимых с точки зрения благополучия групп

Рассчитанные по общим выборкам выходного и рабочего дня значения ненаблюдаемой переменной принадлежат промежуткам от –2,7 до 0,6 и от –2,9 до 0,4 соответственно. Если рассматривать значения ниже одного квартиля как низкие оценки благополучия, то индивиды, принадлежащие данной группе, чаще:

- проживают в сельской местности;
- женского пола;
- домохозяйство состоит из одного или двух человек;
- лица старшего трудоспособного возраста;
- уделяют оплачиваемой занятости в среднем около одного часа в рабочий день, при этом порядка четырех часов расходуют на ведение домашнего хозяйства и порядка двух часов – на неоплачиваемую занятость для собственного конечного использования и в рабочий, и в выходной день;
- расходуют на сон в среднем около девяти часов в сутки;
- около 2,4 часа расходуют на использование гаджетов и просмотр телевизионных передач/видео как в рабочий, так и в выходной день (максимальное среди всех квартилей расходование времени на медиапотребление);
- распределяют в среднем меньше времени на уход за детьми и физические упражнения по сравнению с представителями остальных квартилей;

В данном случае высокая доля домохозяйств из одного человека в нижнем квартиле может объясняться присутствием в рассматриваемом срезе большего количества овдовевших индивидов по сравнению с остальными квартилями. Более того, средний возраст респондентов в рассматриваемой группе также самый высокий.

Описательные характеристики каждого из квартилей в выходной и рабочий день представлены в Приложении 2, табл. П2-1 и П2-2.

Заключение

В работе описан новый способ измерения благополучия с учетом решений, принимаемых в отношении распределения времени. *В отличие от традиционных подходов, основанных исключительно на материальных показателях, предложенный метод позволяет объединить компоненты человеческого капитала (здоровье, образование) и материаль-*

ного благосостояния (доход в единицах стоимости фиксированного набора товаров/услуг) для характеристики индивидуального благополучия, преодолевая тем самым методологическую ограниченность одномерных оценок. Впервые на российских данных продемонстрировано наличие устойчивой и статистически значимой связи структуры распределения суточного времени с уровнем благополучия, при этом характер связи в ряде случаев нелинейный (*U*-образная или обратная *U*-образная) и зависит от типа дня.

Особое внимание в проводимом исследовании уделялось классификации досуга: вместо привычного обширного показателя все относящиеся к досугу виды деятельности были распределены по менее укрупненным категориям (спорт, хобби, общение, чтение и пр.) Результаты оценки моделей позволили выделить виды досуга, которые положительно, отрицательно и нелинейно связаны с уровнем индивидуального благополучия. *В частности, занятия спортом, физические упражнения (для мужчин и женщин), чтение (для женщин) и участие в общественной жизни (для мужчин) в определенных пределах связаны с более высоким уровнем благополучия, в то время как медиапотребление и пассивный отдых — с его снижением.*

Индивиды трудоспособного возраста с самыми низкими оценками благополучия (нижние квартили) представляют собой наиболее уязвимые с точки зрения благополучия группы: лица женского пола, старшего трудоспособного возраста, проживающие в сельской местности и принадлежащие малочисленным домохозяйствам. Данные группы индивидов характеризуются низкой вовлеченностью в оплачиваемую занятость и повышенной вовлеченностью в ведение быта и неоплачиваемый труд. Среди досуговых видов деятельности в данных группах предпочтение отдается медиапотреблению, в то время как условно «повышающие» уровень благополучия виды досуга (например, участие в культурной жизни, спорт и физические упражнения) остаются менее востребованными.

Таким образом, полученные результаты могут быть использованы при разработке мер, направленных на повышение качества жизни и благополучия населения через стимулирование соблюдения баланса в распределении времени (в особенности для женщин), а также через ограничение медиапотребления, формирование среды, способствующей физической активности и вовлеченности в культурную жизнь (развитие культурной и спортивной инфраструктуры, особенно в сельской местности).

Приложение 1

Таблица П1

Результаты оценки MIMIC-моделей

	Рабочий день, общая выборка	Выходной день, общая выборка	Рабочий день, мужчины	Выходной день, мужчины	Рабочий день, женщины	Выходной день, женщины
	(1)	(1')	(2)	(2')	(3)	(3')
Индикаторы:	Факторные нагрузки					
Оценка состояния здоровья (health)	0,483	0,589	0,519	0,556	0,411	0,587
Доход в единицах стоимости фиксированного набора товаров и услуг (income)	0,31	0,18	0,353	0,287	0,362	0,125
Образование (education)	0,394	0,335	0,357	0,365	0,453	0,346
Регрессоры:	Оценки коэффициентов (Стандартные ошибки)					
Возраст (age)	–0,005** (0,002)	0,015*** (0,002)	–0,009*** (0,003)	0,017*** (0,004)	0,003 (0,002)	0,018*** (0,003)
Возраст^2 (age_sqrt)	0,000*** (0,000)	–0,001*** (0,000)	0,000*** (0,000)	0,000*** (0,000)	0,000*** (0,000)	–0,001*** (0,000)
Пол (gender)	–0,005 (0,007)	0,055*** (0,009)	–	–	–	–
Количество членов домохозяйства (family)	–0,088*** (0,004)	–0,05*** (0,004)	–0,108*** (0,006)	–0,083*** (0,006)	–0,08*** (0,004)	–0,036*** (0,005)
Место проживания (territory)	–0,259*** (0,007)	–0,24*** (0,008)	–0,283*** (0,012)	–0,286*** (0,013)	–0,235*** (0,008)	–0,222*** (0,01)
Семейное положение (marital_status)	0,127*** (0,007)	0,112*** (0,009)	0,067*** (0,014)	0,142*** (0,015)	0,157*** (0,008)	0,087*** (0,01)
Оплачиваемая занятость (work)	0,077*** (0,004)	–0,006 (0,007)	0,076*** (0,006)	–0,014 (0,009)	0,081*** (0,004)	0,000 (0,01)

Продолжение табл. П1

	Рабочий день, общая выборка	Выходной день, общая выборка	Рабочий день, мужчины	Выходной день, мужчины	Рабочий день, женщины	Выходной день, женщины
	(1)	(1')	(2)	(2')	(3)	(3')
Оплачиваемая занятость^2 (work_sqrt)	–0,007*** (0,000)	–0,002*** (0,001)	–0,007*** (0,000)	–0,002** (0,001)	–0,008*** (0,000)	–0,003*** (0,001)
Ведение домашнего хозяйства (household)	–0,016*** (0,005)	0,007 (0,006)	–0,004 (0,008)	0,01 (0,008)	–0,042*** (0,006)	0,000 (0,008)
Ведение домашнего хозяйства^2 (household_sqrt)	–0,001 (0,001)	–0,003*** (0,001)	–0,001 (0,001)	–0,003*** (0,001)	0,001** (0,001)	–0,002*** (0,001)
Неоплачиваемая занятость (unpaid)	–0,08*** (0,005)	–0,059*** (0,005)	–0,059*** (0,008)	–0,065*** (0,007)	–0,081*** (0,006)	–0,055*** (0,007)
Неоплачиваемая занятость^2 (unpaid_sqrt)	0,006*** (0,001)	0,004*** (0,000)	0,004*** (0,001)	0,004*** (0,001)	0,006*** (0,001)	0,004*** (0,001)
Уход за детьми (child)	–0,04*** (0,005)	–0,046*** (0,006)	–0,021* (0,013)	–0,055*** (0,011)	–0,04*** (0,005)	–0,041*** (0,008)
Уход за детьми^2 (child_sqrt)	0,004*** (0,001)	0,003*** (0,001)	0,001 (0,003)	0,006*** (0,002)	0,005*** (0,001)	0,002** (0,001)
Занятия спортом (sport)	0,276*** (0,017)	0,19*** (0,018)	0,285*** (0,026)	0,209*** (0,023)	0,238*** (0,02)	0,194*** (0,029)
Занятия спортом^2 (sport_sqrt)	–0,042*** (0,006)	–0,035*** (0,005)	–0,048*** (0,008)	–0,037*** (0,006)	–0,034*** (0,007)	–0,045*** (0,012)
Хобби (hobby)	–0,013 (0,013)	–0,017 (0,011)	–0,03* (0,017)	–0,023* (0,013)	0,025 (0,019)	–0,005 (0,023)
Хобби^2 (hobby_sqrt)	–0,005** (0,003)	0,000 (0,002)	–0,004 (0,003)	0,000 (0,002)	–0,01* (0,005)	–0,001 (0,007)
Медиапотребление (media_use)	–0,051*** (0,005)	–0,044*** (0,006)	–0,073*** (0,008)	–0,053*** (0,008)	–0,031*** (0,006)	–0,04*** (0,008)

Продолжение табл. П1

	Рабочий день, общая выборка	Выходной день, общая выборка	Рабочий день, мужчины	Выходной день, мужчины	Рабочий день, женщины	Выходной день, женщины
	(1)	(1')	(2)	(2')	(3)	(3')
Медиапотребление^2 (media_use_sqrt)	–0,002*** (0,001)	–0,001* (0,001)	0,000 (0,001)	–0,001 (0,001)	–0,003*** (0,001)	–0,001 (0,001)
Отдых (relax)	–0,084*** (0,007)	–0,081*** (0,007)	–0,126*** (0,011)	–0,1*** (0,011)	–0,043*** (0,008)	–0,065*** (0,01)
Отдых^2 (relax_sqrt)	0,002 (0,002)	0,006*** (0,001)	0,008*** (0,002)	0,009*** (0,002)	–0,002 (0,002)	0,003* (0,002)
Чтение (reading)	0,076*** (0,012)	0,047*** (0,012)	–0,004 (0,019)	0,006 (0,018)	0,137*** (0,014)	0,075*** (0,016)
Чтение^2 (reading_sqrt)	–0,026*** (0,004)	–0,018*** (0,004)	–0,013** (0,006)	–0,016*** (0,006)	–0,038*** (0,006)	–0,015*** (0,005)
Общение (communication)	–0,024*** (0,007)	–0,019*** (0,006)	–0,027** (0,012)	–0,019** (0,008)	–0,017** (0,008)	–0,019** (0,008)
Общение^2 (communication_sqrt)	0,000 (0,002)	0,002*** (0,001)	0,000 (0,003)	0,002* (0,001)	0,000 (0,002)	0,002** (0,001)
Участие в общественной жизни, отправление религиозного культа (public life_religion)	0,059*** (0,021)	0,015 (0,012)	0,164*** (0,037)	0,091*** (0,023)	–0,001 (0,021)	–0,021 (0,015)
Участие в общественной жизни, отправление религиозного культа^2 (public life_religion_sqrt)	–0,013*** (0,005)	–0,003 (0,002)	–0,017** (0,009)	–0,011*** (0,003)	–0,008 (0,005)	0,001 (0,002)
Посещение мероприятий (events)	0,082*** (0,025)	0,052*** (0,009)	0,057 (0,051)	0,073*** (0,014)	0,089*** (0,025)	0,045*** (0,011)
Посещение мероприятий^2 (events_sqrt)	–0,01 (0,008)	–0,004*** (0,001)	–0,011 (0,018)	–0,009*** (0,003)	–0,011 (0,008)	–0,002 (0,002)

Окончание табл. П1

	Рабочий день, общая выборка	Выходной день, общая выборка	Рабочий день, мужчины	Выходной день, мужчины	Рабочий день, женщины	Выходной день, женщины
	(1)	(1')	(2)	(2')	(3)	(3')
Удовлетворение базовых потребностей (basic_needs)	0,021*** (0,008)	0,013 (0,009)	0,008 (0,013)	0,007 (0,014)	0,027*** (0,009)	0,012 (0,012)
Удовлетворение базовых потребностей^2 (basic_needs _sqrt)	–0,005*** (0,001)	–0,003*** (0,001)	–0,006*** (0,001)	–0,004*** (0,001)	–0,004*** (0,001)	–0,001 (0,001)
Сон (sleep)	–0,002 (0,011)	0,009 (0,014)	–0,026 (0,019)	–0,029 (0,019)	0,005 (0,013)	0,032* (0,018)
Сон^2 (sleep_sqrt)	–0,002*** (0,001)	–0,001 (0,001)	–0,001 (0,001)	0,001 (0,001)	–0,002*** (0,001)	–0,002* (0,001)
Индекс сравнительного соответствия (CFI)	0,986	0,982	0,985	0,978	0,986	0,985
Индекс Такера-Льюиса (TLI)	0,978	0,972	0,976	0,966	0,978	0,976
Среднеквадратическая ошибка (RMSEA)	0,074	0,071	0,076	0,075	0,075	0,07
Стандартизированный среднеквадратический остаток (SRMR)	0,027	0,025	0,027	0,026	0,031	0,025
Количество наблюдений	52177	52177	20950	20950	31227	31227

* – значимость на уровне 10%, ** – значимость на уровне 5%, *** – значимость на уровне 1%.

Источник: составлено автором.

Приложение 2

Таблица П2-1

Описательная статистика квартилей оцененного благополучия для выборки рабочего дня

Переменная	Оцененное значение ненаблюдаемой оценки благополучия			
	менее 25% (нижний квартиль)	**25–50%**	**50–75%**	**более 75% (верхний квартиль)**
Пол, %	женщины 61	женщины 60	женщины 60	женщины 58
	мужчины 39	мужчины 40	мужчины 40	мужчины 42
Семейное положение, %	не состоит в браке 39	не состоит в браке 34	не состоит в браке 33	не состоит в браке 39
	в браке 61	в браке 66	в браке 67	в браке 61
Средний возраст	57	48	42	34
Место проживания, %	город 45	город 55	город 81	город 96
	сельская местность 55	сельская местность 45	сельская местность 19	сельская местность 4
Количество членов домохозяйства, %	1–24	1–16	1–13	1–19
	2–48	2–36	2–30	2–33
	3–14	3–21	3–28	3–32
	4–8	4–17	4–22	4–14
	5–6	5–9	5–6	5–2
Среднее количество часов, расходуемых на:				
Оплачиваемую занятость	1,05	5,76	6,88	7,21
Ведение домашнего хозяйства	3,85	2,38	1,86	1,50
Неоплачиваемую занятость для собственного конечного использования	2,09	0,53	0,12	0,03
Уход за детьми	0,52	0,82	0,95	0,77
Физические нагрузки, спорт	0,03	0,05	0,04	0,13
Хобби	0,10	0,07	0,06	0,08
Медиапотребление	2,44	1,39	1,10	0,92
Отдых и релаксацию	0,84	0,40	0,29	0,21

Окончание табл. П2-1

Переменная	Оцененное значение ненаблюдаемой оценки благополучия			
	менее 25% (нижний квартиль)	**25–50%**	**50–75%**	**более 75% (верхний квартиль)**
Чтение	0,23	0,14	0,12	0,15
Посещение различных мероприятий (культурных, спортивных, развлекательных)	0,03	0,03	0,02	0,05
Общение	0,58	0,40	0,37	0,38
Участие в общественной жизни, отправление религиозного культа	0,06	0,04	0,02	0,01
Удовлетворение базовых потребностей	2,98	2,74	2,75	2,82
Сон	8,71	8,03	7,87	7,73

Источник: составлено автором.

Таблица П2-2

Описательная статистика квартилей оцененного благополучия для выборки выходного дня

Переменная	Оцененное значение ненаблюдаемой оценки благополучия			
	менее 25% (нижний квартиль)	**25–50%**	**50–75%**	**более 75% (верхний квартиль)**
Пол, %	женщины 63	женщины 61	женщины 60	женщины 56
	мужчины 37	мужчины 39	мужчины 40	мужчины 44
Семейное положение, %	не состоит в браке 40	не состоит в браке 35	не состоит в браке 32	не состоит в браке 37
	в браке 60	в браке 65	в браке 68	в браке 63
Средний возраст	59	50	39	32
Место проживания, %	город 49	город 63	город 73	город 92
	сельская местность 51	сельская местность 37	сельская местность 27	сельская местность 8

Окончание табл. П2-2

Переменная	Оцененное значение ненаблюдаемой оценки благополучия			
	менее 25% (нижний квартиль)	**25–50%**	**50–75%**	**более 75% (верхний квартиль)**
Количество членов домохозяйства, %	1–28	1–19	1–11	1–15
	2–52	2–42	2–27	2–27
	3–12	3–20	3–30	3–33
	4–5	4–13	4–24	4–20
	5–4	5–6	5–9	5–4
Среднее количество часов, расходуемых на:				
Оплачиваемую занятость	0,37	0,67	0,66	0,48
Ведение домашнего хозяйства	3,72	3,83	3,66	3,09
Неоплачиваемую занятость для собственного конечного использования	2,41	1,96	1,24	0,48
Уход за детьми	0,33	0,50	1,07	1,08
Физические нагрузки, спорт	0,04	0,06	0,06	0,21
Хобби	0,09	0,11	0,15	0,23
Медиапотребление	2,42	2,04	1,90	1,64
Отдых и релаксацию	0,86	0,65	0,58	0,48
Чтение	0,23	0,21	0,18	0,21
Посещение различных мероприятий (культурных, спортивных, развлекательных)	0,06	0,13	0,22	0,66
Общение	0,75	0,80	0,89	1,17
Участие в общественной жизни, отправление религиозного культа	0,12	0,09	0,08	0,08
Удовлетворение базовых потребностей	3,03	3,00	3,02	3,11
Сон	9,01	9,20	9,41	9,70

Источник: составлено автором.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Калабихина И. Е., Шамсутдинова В.Ш.* Дважды бедные: кто испытывает дефицит времени и денег // Журнал исследований социальной политики. 2023. № 21 (4). С. 629–646. [*Kalabikhina I. E., Shamsutdinova V. Sh.* Twice Poor: Who is in Time and Money Shortage // Journal of Social Policy Studies. 2023. No. 21 (4). Pp. 629–646. (In Russ.).] DOI: 10.17323/727-0634-2023-21-4-629-646.
2. *Álvarez B., Miles-Touya D.* Time Allocation and Women's Life Satisfaction: Evidence from Spain // Social Indicators Research. 2016. Vol. 129. Pp. 1207–1230. DOI: 10.1007/s11205-015-1159-3.
3. *Aguiar M., Hurst E.* Measuring Trends in Leisure: The Allocation of Time over Five Decades // The Quarterly Journal of Economics. 2007. Vol. 122. No. 3. Pp. 969–1006. http://www.jstor.org/stable/25098866.
4. *Bashkirova K.* Determinants of health of Russia's population based on daily time allocation data // Population and Economics. 2024. Vol. 8. No. 2. Pp. 1–18. DOI: 10.3897/popecon.8.e116960.
5. *Berset M., et al.* Work Characteristics as Predictors of Physiological Recovery on Weekends // Scandinavian Journal of Work, Environment & Health. 2009. Vol. 35. No. 3. Pp. 188–192. http://www.jstor.org/stable/40967776.
6. *Böhnke P.* First European Quality of Life Survey: Life satisfaction, happiness and sense of belonging. Social Science Research Centre (WZB). Berlin. 2005. https://www.eurofound.europa.eu/en/publications/2005/first-european-quality-life-survey-life-satisfaction-happiness-and-sense-0.
7. *Chang C., et al.* Comparing multiple statistical software for multiple-indicator, multiple-cause modeling: an application of gender disparity in adult cognitive functioning using MIDUS II dataset // BMC Medical Research Methodology. 2020. Vol. 20. No. 275. DOI: 10.1186/s12874-020-01150-4.
8. *Dahm P.C., et al.* Work-family conflict and self-discrepant time allocation at work // Journal of Applied Psychology. 2015. Vol. 100. No. 3. Pp. 767–792. DOI: 10.1037/a0038542.
9. *Fritz C., et al.* The Weekend Matters: Relationships between Stress Recovery and Affective Experiences // Journal of Organizational Behavior. 2010. Vol. 31. No. 8. Pp. 1137–1162. http://www.jstor.org/stable/41683967.
10. *Gershuny J.* Time-Use Surveys and the Measurement of National Well-Being. Swansea: Centre for Time Use Research, University of Oxford. 2011.
11. *Gimenez-Nadal J.I., Sevilla A.* Trends in time allocation: A cross-country analysis // European Economic Review. 2012. Vol. 56. No. 6. Pp. 1338–1359. DOI: 10.1016/j.euroecorev.2012.02.011.
12. *Jöreskog K. G., Goldberger A. S.* Estimation of a Model with Multiple Indicators and Multiple Causes of a Single Latent Variable // Journal of the American Statistical Association. 1975. Vol. 70. No. 351a. Pp. 631–639. DOI: 10.1080/01621459.1975.10482485.
13. *Kalil A., et al.* Education gradients in parental time investment and subjective well-being // Review of Economics of the Household. 2024. Vol. 23. Pp. 661–706. DOI: 10.1007/s11150-024-09734-5.
14. *Kasser T., Sheldon K.M.* Time Affluence as a Path toward Personal Happiness and Ethical Business Practice: Empirical Evidence from Four Studies // Journal of Business Ethics. 2009. Vol. 84 (2). Pp. 243–255. DOI: 10.1007/s10551-008-9696-1.

15. *Kekäläinen T., et al.* Cross-Sectional and Longitudinal Associations between Leisure Time Physical Activity, Mental Well-Being and Subjective Health in Middle Adulthood // Applied Research in Quality of Life. 2020. Vol. 15. Pp. 1099–1116. DOI: 10.1007/s11482-019-09721-4.
16. *Knabe A., et al.* Dissatisfied with Life but Having a Good Day: Time-use and Well-being of the Unemployed // The Economic Journal. 2010. Vol. 120. Pp. 867–889. DOI: 10.1111/j.1468-0297.2009.02347.x.
17. *Krueger A., et al.* National Time Accounting: The Currency of Life. Measuring the Subjective Well-Being of Nations: National Accounts of Time Use and Well-Being // National Bureau of Economic Research. 2009.
18. *Kwarciński T., Ulman P., Wdowin J.* Measuring Subjective Well-being Capability: A Multi-Country Empirical Analysis in Europe // Applied Research in Quality of Life. 2024. DOI: 10.1007/s11482-024-10334-9.
19. *Livingston V., Jackson-Nevels B., Reddy V.* Social, Cultural, and Economic Determinants of Well-Being // Encyclopedia. 2022. Vol. 2. Pp. 1183–1199. DOI: 10.3390/encyclopedia2030079.
20. *Martinez Mendiola A., Cortina C.* Leisure time and parenting in Europe: a more difficult equation for mothers? // Family Relations. 2024. Vol. 73. No. 4. Pp. 2823–2845. DOI: 10.1111/fare.13017.
21. *Martinetti E.C.* A multidimensional assessment of well-being based on sen's functioning approach // Rivista Internazionale di Scienze Sociali. 2000. Vol. 108. No. 2. Pp. 207–239. http://www.jstor.org/stable/41634742.
22. *Merz J.* Time and Economic Well–Being—A Panel Analysis of Desired versus Actual Working Hours // Review of Income and Wealth. 2002. Vol. 48. Pp. 317–346. DOI: 10.1111/1475-4991.00057.
23. *Nikolaev B.* Does Higher Education Increase Hedonic and Eudaimonic Happiness? // Journal of Happiness Studies. 2018. Vol. 19. Pp. 483–504. DOI: 10.1007/s10902-016-9833-y.
24. *Nilsson A., Hellryd E., Kjell O.* Doing well-being: Self-reported activities are related to subjective well-being // PLOS ONE. 2022. Vol. 17. No. e0270503. DOI: 10.1371/journal.pone.0270503.
25. OECD. How's Life?: Measuring Well-being // Paris: OECD Publishing. 2011. DOI: 10.1787/9789264121164-en.
26. *Okun M., et al.* The Social Activity/Subjective Well-Being Relation: A Quantitative Synthesis // Research on Aging. 1984. Vol. 6. No. 1. Pp. 45–65. DOI: 10.1177/0164027584006001003.
27. *Orehek E., Inagaki T.* On the Benefits of Giving Social Support: When, Why, and How Support Providers Gain by Caring for Others // Current Directions in Psychological Science. 2017. Vol. 26. Pp. 109–113.
28. *Rosseel Y.* lavaan: An R Package for Structural Equation Modeling // Journal of Statistical Software. 2012. Vol. 48. No. 2. Pp. 1–36. DOI: 10.18637/jss.v048.i02.
29. *Ruggeri K., et al.* Well-Being Is More Than Happiness and Life Satisfaction: A Multidimensional Analysis of 21 Countries // Health and Quality of Life Outcomes. 2020. Vol. 18. Pp. 192. DOI: 10.1186/s12955-020-01423-y.
30. *Rutskiy V. et al.* Modeling the Well-Being of the Population and Its Factors Using the Well-Being Index // Networks and Systems in Cybernetics (CSOC 2023). Cham: Springer. 2023. Pp. 55. DOI: 10.1007/978-3-031-35317-8_55.

31. *Shao Q.* Does less working time improve life satisfaction? Evidence from European Social Survey // Health Economics Review. 2022. Vol. 12. No. 50. DOI: 10.1186/s13561-022-00396-6.
32. *Stiglitz J., Sen A., Fitoussi J.-P.* Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress. 2009.
33. *Stutzer A., Frey B. S.* Recent Developments in the Economics of Happiness: A Selective Overview // IZA Discussion Papers. 2012. No. 7078. Institute for the Study of Labor (IZA), Bonn.
34. *Suleiman A.O., et al.* Worker perspectives on the impact of non-standard workdays on worker and family well-being: A qualitative study // BMC Public Health. 2021. Vol. 21. No. 2230. DOI: 10.1186/s12889-021-12265-8.
35. *Wajcman J., Bittman M.* The Rush Hour: The Character of Leisure Time and Gender Equity // Social Forces. 2000. Vol. 79. DOI: 10.2307/2675568.
36. *Wang P., et al.* The Impact of Residents' Leisure Time Allocation Mode on Individual Subjective Well-being: The Case of China // Applied Research in Quality of Life. 2022. Vol. 17. Pp. 1831–1866. DOI: 10.1007/s11482-021-10003-1.
37. *Weston G., et al.* Work hours, weekend working, nonstandard work schedules and sleep quantity and quality: findings from the UK household longitudinal study // BMC Public Health. 2024. Vol. 24. No. 309. DOI: 10.1186/s12889-024-17762-0.
38. World Bank. World Development Report 1980. New York: Oxford University Press. 1980.
39. *Yamaguchi S., Oshima H.* Analysis of the Relationship Between Residential Environment and Multifaceted Well-Being // International Journal of Community Well-Being. 2024. Vol. 7. Pp. 467–489. DOI: 10.1007/s42413-024-00219-y.
40. *Zwierzchowski J., Panek T.* Measurement of Subjective Well-Being Under Capability Approach in Poland // Polish Sociological Review. 2020. Vol. 210. Pp. 157–178. DOI: 10.26412/psr210.02.

Дата поступления рукописи: *28.07.2025 г.*
Дата принятия к печати: *24.02.2026 г.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Ядрищенская Ксения Юрьевна – аспирант Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
ORCID: 0009-0009-8009-1216
bashkirova_ks@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Ksenia Yu. Yadrishchenskaya – Postgraduate Student at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
ORCID: 0009-0009-8009-1216
bashkirova_ks@mail.ru

THE ROLE OF LEISURE IN ASSESSING INDIVIDUAL WELL-BEING OF WORKING-AGE INDIVIDUALS

This study introduces a novel methodology for assessing well-being, based on analyzing leisure time allocation among working-age individuals. The research constructs a latent well-being variable using measures of human capital (health and education) and material conditions (income). Applying a MIMIC model to the Sample Observation of Daily Time Use by the Population data (N = 52,177), we demonstrate a robust relationship between the latent well-being variable and leisure time allocation decisions. Our analysis classifies leisure activities into those positively, negatively, and nonlinearly associated with well-being levels, also revealing gender-based differences in well-being determinants during both workdays and weekends. The findings can be utilized in developing measures aimed at enhancing the quality of life and well-being of the population.

Keywords: *time use, time allocation, well-being, leisure.*

JEL: I31, J18, J22.

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

И.И. СЕЧИН
кандидат экономических наук,
главный исполнительный директор ПАО «НК «Роснефть»

МИРОВОЙ РЫНОК НЕФТИ И СТРАТЕГИЯ РОССИИ НА РЫНКАХ ЭНЕРГОРЕСУРСОВ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ

Стремление Запада сохранить мировое экономическое доминирование и сдержать рост развивающихся стран сделало мировой рынок энергоресурсов, и в частности нефтяной рынок, ареной геополитического противостояния. Проведенное исследование показало, что в условиях санкционного давления на Россию ключевым элементом ее стратегии на энергетических рынках стала переориентация экспортных поставок нефти на быстрорастущие рынки Азии, что позволило компенсировать потерю европейских покупателей. Несмотря на введение ценового потолка и ограничений на логистику, объемы экспорта оставались стабильными благодаря существующей и созданной инфраструктуре, а также долгосрочным контрактам с партнерами. Сочетание диверсификации рынков сбыта, гибкой налоговой политики и укрепления партнерств с «неугодными» Западу государствами обеспечило России устойчивость в условиях санкций. Вместе с тем необходимо учитывать, что давление на Россию, как и риски дальнейшей фрагментации мировых энергетических рынков, возрастают. В связи с этим усиливается необходимость принятия мер, минимизирующих эти риски, включая развитие альтернативных финансовых механизмов, сокращающих зависимость от долларовой системы.

Ключевые слова: *мировая энергетика, нефть, санкции, сотрудничество, стратегия, Россия, Китай, Индия, Европа, США.*

УДК: 339.9

EDN: DJHUXN

DOI: 10.52180/2073-6487_2026_1_133_155

Мировой рынок нефти: масштабы и структура

В мировом энергобалансе нефть играет значимую роль уже более 100 лет. Ее доля в мировом производстве и потреблении энергии увеличилась с 3% на рубеже XIX и XX вв. до почти 45% в 1980-е гг. Если в 1900 г. мировое потребление нефти составляло всего около 16 млн т, то за 10 лет, к 1910 г., оно увеличилось более чем в 2,5 раза – до 44 млн т. Дальнейшее увеличение масштабов промышленного производства, использования автомобилей и другой техники с двигателями внутреннего сгорания привело к тому, что с 1910 по 1980 г. мировое потребление нефти, согласно данным Международного энергетического агентства (МЭА)[1], в среднем удваивалось каждые 12 лет. К 1980 г. мировое потребление нефти выросло до 3 млрд т. За 1960–2024 гг., согласно данным ОПЕК, мировое потребление жидких углеводородов (ЖУВ) выросло в 4,9 раза – до 103,8 млн барр./сут. И хотя при этом доля нефти в мировом энергобалансе сократилась до 34%, она сохранила за собой лидерство в структуре мирового производства энергии.

Необходимо отметить две принципиальные характеристики современного нефтяного рынка. Во-первых, если до нефтяных кризисов 70-х годов прошлого века темпы роста мирового потребления нефти определялись в основном развитыми странами, то затем ситуация существенно изменилась. В странах, не входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития, потребление ЖУВ за 1960–2024 гг. увеличилось в 11,2 раза, тогда как в странах ОЭСР – только в 2,8 раза. В объемных показателях наибольший рост за этот период наблюдался в странах АТР – на 37,3 млн барр./сут. (потребление достигло 39,1 млн барр./сут.). Основной вклад в увеличение потребления ЖУВ в регионе внесли Китай (рост на 16,5 млн барр./сут.) и Индия (рост на 5,4 млн барр./сут.). При этом даже с такой динамикой спроса удельное потребление ЖУВ в развивающихся странах на сегодняшний день все еще значительно уступает удельному потреблению в развитых странах. Так, согласно данным ОПЕК и ООН, в 2024 г. годовое потребление ЖУВ на 1 человека в США составило 21,7 барр., в Республике Корея – 18,0 барр., в Японии – 9,3 барр., в Германии – 9,0 барр., в то время как в Нигерии – 0,8 барр., в Индии – 1,4 барр., в Индонезии – 2,4 барр., в Китае – 4,3 барр. Это указывает на большой потенциал дальнейшего наращивания потребления нефти развивающимися странами, что необходимо для поддержания ими высокой динамики индустриального развития и достижения уровня жизни, сопоставимого со странами развитых экономик.

[1] World Energy Balances, www.iea.org, 08 2025. https://www.iea.org/data-and-statistics/data-product/world-energy-balances (дата обращения: 18.01.2026).

Во-вторых, географическая неравномерность распределения ресурсов нефти в мире (см. табл. 1) разделила страны де-факто на энергопрофицитные, т. е. страны – экспортеры нефти, и энергодефицитные, т. е. страны-импортеры. Основными нетто-экспортерами нефти являются страны Ближнего Востока (Саудовская Аравия, Ирак, ОАЭ, Кувейт и др.), Россия, Канада, нефтедобывающие страны Центральной и Южной Америки, Африки. Крупнейшими нетто-импортерами нефти являются страны АТР и Европы [1].

Таблица 1

Доля стран в мировом производстве, экспорте и импорте нефти, 2024 г.

Страны – крупнейшие производители нефти	Доля в мировом производстве, %	Страны – крупнейшие нетто-экспортеры нефти	Доля в мировом экспорте, %	Страны – крупнейшие нетто-импортеры нефти	Доля в мировом импорте, %
США	18,9	Саудовская Аравия	14,9	Китай	25,7
Россия	11,6	Россия	11,3	США	15,2
Саудовская Аравия	11,2	Канада	10,2	Индия	11,1
Канада	6,4	Ирак	8,3	Республика Корея	6,4
Иран	5,2	ОАЭ	8,5	Япония	5,3
Ирак	4,7	Бразилия	4,1	Германия	3,6
Всего по группе стран	58,0	Всего по группе стран	57,3	Всего по группе стран	67,3

Источники: Statistical Review of World Energy 2025. Energy Institute. https://www.energyinst.org/statistical-review (дата обращения: 18.01.2026); Trade Map – International Trade Centre (ITC). https://www.trademap.org/ (дата обращения: 18.01.2026).

Экспорт нефти стран Ближнего Востока в настоящее время в большей степени ориентирован на страны Азии (около 85% в 2024 г.). Доли США и стран Европы в нем в 2024 г. составили 2,9 и 8,8% соответственно.

Экспорт нефти из СНГ, в том числе из России, осуществляется преимущественно по двум направлениям – в страны АТР (около 60% всего экспорта нефти из СНГ в 2024 г.) и в Европу (около 33%). Хотя еще пять лет назад, в 2019 г., значительная часть экспорта нефти из СНГ (около 70%) была ориентирована на западное направление.

Ключевую роль в такой переориентации экспортных потоков нефти в Евразии сыграла Россия, которая обеспечивает большую часть экспорта нефти из СНГ: в 2024 г. российский экспорт составил 73% от регионального экспорта нефти. Разворот экспортных потоков в восточном направлении задумывался и начал реализовываться достаточно давно, с момента ввода в эксплуатацию в конце 2012 г. маги-

стрального трубопроводного маршрута «Восточная Сибирь – Тихий океан» (ВСТО). Однако в 2022 г., с введением западных санкций против российской энергетики, переориентация российских энергетических потоков заметно ускорилась.

С развитием добычи нефти в сланцевых регионах и отменой в 2016 г. запрета на ее экспорт США существенно увеличили поставки нефти – с 2,7 млн т в 2006 г. до 198,3 млн т в 2024 г. Большая часть этих объемов приходится на страны Европы: туда в 2024 г. было направлено 95,8 млн т, или 48,3% всего экспорта нефти из США. Поставка такого количества американской нефти в Европу стала возможной, в том числе по причине ограничения европейскими странами импорта российской нефти по политическим мотивам начиная с 2022 г. В результате доля США в импорте Европой нефти увеличилась с 11% (51,4 млн т) в 2021 г. до 21% (95,8 млн т) в 2024 г. Доля России в импорте нефти Европой сократилась за этот период с 30% (138,7 млн т) до 6% (29,6 млн т) [1].

Географическая неравномерность распределения нефтяных ресурсов, с одной стороны, и значительная неоднородность стран по уровню экономического развития – с другой, определяют современный облик мирового нефтяного рынка. Этот рынок характеризуется высокой концентрацией как потребителей, так и производителей, а также их существенной взаимозависимостью. Это означает, что применение стратегии диверсификации как крупными потребителями, так и крупными поставщиками нефти на текущем этапе в значительной степени ограничено, и следовательно, ключевые участники рынка относительно уязвимы для внешних манипуляций.

США на мировом нефтяном рынке: эволюция инструментов влияния и контроля

США, как крупнейший в мире потребитель нефти, всегда стремились установить свой контроль над нефтяными потоками и мировым рынком нефти, что зачастую приводило к кризисам и вооруженным конфликтам в регионах, связанных с нефтью. И хотя в результате «сланцевой революции» США радикально улучшили свой углеводородный баланс, приоритетом для них осталось сохранение контроля над ключевыми мировыми транспортными артериями и потоками нефти. Утрата позиций в этих значимых логистических системах может привести к ослаблению доминирующей роли США в энергетической, экономической и финансовой сферах. Соответственно, власти США стремятся усилить свое влияние на стратегически важных энергетических рынках с целью сохранения собственного контроля над ними, использования в собственных интересах уязвимости других крупных участников и дальнейшей блокировки ближневосточных, российских,

китайских и иных инициатив по выстраиванию более справедливых отношений.

Контроль США над мировым нефтяным рынком за последний век эволюционировал от прямого управления ресурсами до сложной системы влияния через валютную политику, финансовую инфраструктуру и международные институты. Одним из инструментов влияния на мировой рынок нефти является контроль формирования цен.

Ценообразование в целом может быть объяснено через призму двух концептуальных подходов: трудовой теории стоимости и теории маржинализма. Их синтез в неоклассической теории предполагает, что равновесная цена формируется на пересечении спроса и предложения [2]. В случае с невозобновляемыми природными ресурсами добывающая компания может рассчитывать на извлечение ренты Рикардо, определяемой как разница в затратах на добычу и транспортировку до потребителя между разными месторождениями, и ренты Хотеллинга – премии за дефицит ресурса в условиях ограниченного предложения [3]. На рынке физической энергии эти концепции задают «коридор цен», где нижняя граница определяется издержками производства (cost-plus), а верхняя – предельной полезностью со стороны покупателя (стоимость замещения альтернативными энергоносителями). Однако приведенные теоретические основы ценообразования могут лишь отчасти объяснить историю изменения цен на мировом рынке нефти.

После подписания Ахнакаррского соглашения в 1928 г. и до начала 1970-х годов олигополия из семи компаний («семь сестер») Международного нефтяного картеля (МНК) устанавливала цены в одностороннем порядке, а доминирующим механизмом ценообразования являлся механизм cost-plus, привязанный к издержкам маржинальных производителей в США. За пределами США большую часть мировой добычи обеспечивали добывающие подразделения компаний, входящих в МНК. Низкая себестоимость добычи ближневосточной нефти (около 2 долл. США/барр.) при одновременной реализации конечным потребителям нефтепродуктов по рыночным ценам обеспечивала этим компаниям получение сверхприбыли за счет фактического присвоения природной ренты.

МНК просуществовал 45 лет, что в 5–10 раз превышает среднюю продолжительность существования картелей в XX в. [4]. Удержание олигополии стало возможным благодаря полной непрозрачности рынка и концессионным соглашениям – передаче прав на недра без обязательств по разработке, которые блокировали выход на рынок новых игроков. После образования в 1960 г. ОПЕК и национализации в 1970-е годы активов МНК странами ОПЕК монопольное ценообразование картеля МНК сменилось, по сути, таким же картельным

ценообразованием, но уже стран ОПЕК [5], которые скоординировано сокращали поставки нефти, стремясь увеличить свои доходы за счет поддержания высоких официальных отпускных цен.

Ограничение мирового предложения нефти обусловило переход от трансфертного ценообразования cost-plus к рынку наличного товара (spot) [6]. Если в первой половине 1970-х годов на долю разовых сделок наличного товара приходилось не более 5–8% международной торговли нефтью, то в первой половине 1980-х годов – не менее 40–50% [7]. Тем временем в 1974–1975 гг. США заключили соглашение с Саудовской Аравией, по которому нефть продавалась исключительно за доллары, а избыток нефтедолларов направлялся на покупку американских казначейских облигаций и активов. Это привязало спрос на доллар к глобальной нефтяной торговле, сделав его незаменимой мировой валютой.

В середине 1980-х гг. страны-импортеры стали применять меры, направленные против диктата ОПЕК – это, в частности, формирование стратегических и коммерческих товарных запасов нефти для демпфирования перерывов в поставках, создание МЭА, замещение нефти альтернативными энергоресурсами. Более того, сформировался избыток альтернативного предложения за счет значительного роста производства нефти вне ОПЕК. Наличие многочисленных альтернативных поставщиков нефти способствовало постепенному переходу рынка от ценообразования наличного товара (spot) к ценообразованию «нетбэк» – стоимости замещения у конечного потребителя. Формирование цен на нефть переместилось на биржи и оторвалось от реальной нефтяной экономики. В настоящее время объем «бумажной» нефти (торгуемых контрактов) многократно превышает объем физической, что делает рынок уязвимым для спекулятивных атак и манипуляций через искажение торговой информации, сговор крупных участников рынка, спуфинг[2] и т. д.

Организация торговли и ценообразования на энергоресурсы и другие сырьевые товары является фундаментом обеспечения покупательной способности доллара США на международном уровне. Как любой инструмент имеет свою область применения, так и влияние США на мировой нефтяной рынок с использованием подконтрольных им субъектов и объектов биржевой деятельности имеет свои ограничения. И когда эффективность такого влияния оказывается недостаточной, США прибегают к управлению и ограничению на политическом или даже военном уровне.

[2] Спуфинг (от английского spoof – обман, подделка) – это кибератака, при которой мошенники маскируются под других людей или компании.

За последние 100 лет экономические санкции стали важнейшим инструментом достижения внешнеполитических целей. В основном их используют развитые страны, обладающие мощной экономической и технологической базой. Лидером среди стран – инициаторов санкций стали США: из 174 случаев применения санкций в XX – начале XXI в. 109 случаев приходится на Америку. Экономическое превосходство и ведущая роль в мировых финансах дают возможность США оказывать давление на экономически более слабых игроков, добиваясь уступок по вопросам внешней и внутренней политики.

По данным SWIFT, по состоянию на конец 2025 г. основной валютой международных торговых расчетов между странами является доллар США, доля которого составляет около 80%[3]. На его долю также приходится почти 60% валютных резервов в мире[4]. Статус доллара как мировой резервной валюты, а также основной международной торговой валюты обеспечивает США массу преимуществ – от возможности финансировать значительный платежный дефицит и дефицит бюджета за счет эмиссии без инфляции, т. е. фактически за счет бесплатного кредита третьих стран, до контроля над существенной частью мировых финансовых и торговых потоков. Но есть и обратная сторона: США вынуждены увеличивать долларовую денежную массу пропорционально росту мировой торговли, темпы которой уже длительное время превышают темпы роста американской экономики.

Учитывая накапливающийся дисбаланс, возможны три варианта дальнейшего развития ситуации. В первом варианте США могут продолжать наращивание долларовой денежной массы для обслуживания международной торговли, что примерно через 15–20 лет приведет к удвоению текущего отношения долга США к ВВП. Накопленный объем необеспеченной долларовой денежной массы станет неуправляемым, что сделает страну крайне уязвимой в финансовом отношении к любым внешним шокам. Второй вариант предполагает, что США отказываются от доминирования доллара в международных взаиморасчетах и резервах и, как следствие, теряют все преимущества его статуса мировой валюты, а с ним и все свои конкурентные преимущества в международной торговле. И третий вариант – США могут пытаться сдерживать темпы роста международной торговли путем введения санкций и торговых ограничений под любыми предлогами против крупнейших торговых агентов, одновременно стремясь разго-

[3] SWIFT. RMB Tracker. January 2026. – Brussels: SWIFT, 2026. https://www.swift.com/ru/node/11096 (дата обращения: 15.01.2026).

[4] Currency Composition of Official Foreign Exchange Reserves (COFER): International Monetary Fund (IMF). Washington, DC: IMF, 2026. https://data.imf.org/en/datasets/IMF.STA:COFER (дата обращения: 18.01.2026).

нять темпы роста собственной экономики за счет притока капитала из прочих стран. Угрожая применением санкций, США продолжат агрессивно навязывать свою валюту как основное средство международной торговли.

Какого сценария придерживаются США – вполне очевидно. В результате этого выбора приоритетными целями западных, прежде всего американских, санкций стали энергетика, внешняя торговля и технологическое развитие тех стран, экономический потенциал или перспективы развития которых являются драйвером мировой экономики и торговли. Яркий и наглядный текущий пример – Западная Европа, которая на относительно доступных и дешевых российских энергоресурсах смогла к началу 20-х годов текущего века увеличить свои экономический и финансовый потенциалы до такой степени, что они стали сопоставимы с США, а евро стал представлять определенную угрозу доминированию американского доллара в сфере международных расчетов и резервов. Однако в результате последовательных и планомерных шагов США в формировании санкционной политики против России, при активной поддержке властей ЕС, Европа лишилась одного из ключевых своих конкурентных преимуществ – стабильных и недорогих поставок российских углеводородов. Евросоюз в 2021–2025 гг. потратил на импорт газа более 550 млрд евро. Это соизмеримо с совокупными расходами Европы на импорт газа за предыдущие 14 лет, когда Россия была ведущим поставщиком газа в Европу[5]. Дефицит энергии и волатильность цен на энергетических рынках обусловили процессы деиндустриализации – остановки производств в промышленности или переноса производственных операций из Европы в другие государства. Значительнее других пострадали энергоемкие отрасли европейских стран, такие как химическая промышленность, производство стекла, металла, удобрений, керамики и цемента, целлюлозно-бумажная промышленность, а также автомобилестроение и машиностроение. Как итог – страны Евросоюза, в первую очередь Германия, теряют статус мировых технологических лидеров и ведущих производителей.

Данный пример наглядно иллюстрирует, насколько важным для США является контроль над мировым рынком энергоресурсов. США всегда стремились и будут стремиться ограничивать или как минимум контролировать как энергетические источники третьих стран (потому что потенциально они могут развиваться независимо от США), так и торговлю энергоресурсами (потому что могут развиваться страны-партнеры, получающие энергоресурсы).

[5] Евростат. Европейская комиссия. https://ec.europa.eu/eurostat/web/international-trade-in-goods/database (дата обращения: 15.01.2026).

Вводимые под надуманными предлогами санкции и прочие ограничения против некоторых стран – экспортеров энергоресурсов дают возможность США достигать сразу нескольких целей. Во-первых, постепенное вытеснение конкурентов с энергетического рынка позволяет американским компаниям наращивать собственное производство и экспорт энергоресурсов. Во-вторых, такая стратегия способствует снижению доходов и экономического потенциала прямых конкурентов США в энергетической сфере. В-третьих, она усиливает энергетическую и экономическую зависимость энергодефицитных стран от политики США и сдерживает их развитие.

Колониальная природа западных санкций отчетливо прослеживается на примере Ирана и Венесуэлы. Так, в ответ на усиление требований Ирана учитывать его национальные интересы и национализацию Англо-иранской нефтяной компании в 1950-х гг. Великобритания при поддержке США ввела бойкот на иранскую нефть и нефтепродукты. Вскоре за санкциями последовала операция американской и британской разведок по свержению иранского премьера Мохаммеда Мосаддыка. Меньше чем через год после его свержения был образован Международный консорциум по разработке иранской нефти, в котором 40% досталось британской компании, 40% – группе американских фирм, 14% – компании Shell и 6% – французским пайщикам. Современная история санкций против Ирана, начавшаяся в 1979 г., характеризуется постоянно нарастающим объемом и тяжестью вводимых ограничений. В 1996 г. Конгресс США принял санкционный законопроект (Iran Sanctions Act) против Ирана, основной удар которого наносился по энергетическому сектору Ирана. Он запрещал крупные инвестиции в иранский энергетический сектор, поставки технологий, судов, оказание транспортных и страховых услуг по доставке нефтепродуктов.

Помимо давления на Иран, Вашингтон на протяжении долгого времени последовательно наращивал санкционное давление в отношении еще одного экспортера нефти – Венесуэлы. Наряду с санкциями против правительства Венесуэлы, начиная с 2017 г. США ввели ограничения в отношении венесуэльской государственной нефтедобывающей компании PDVSA. С учетом значимости для страны доходов от экспорта нефти, давление на PDVSA означало неминуемое сокращение экспортных доходов и деградацию нефтяной отрасли. В конце 2025 г. США фактически ввели морскую блокаду Венесуэлы и захватили несколько танкеров. 3 января 2026 г. американские вооруженные силы напали на Венесуэлу и захватили президента Николаса Мадуро. Реальные цели данной операции были впоследствии раскрыты как самим президентом США Д. Трампом, так и госсекретарем М. Рубио. Во-первых, США стремились предотвратить сотрудничество Вене-

суэлы с главными стратегическими соперниками Америки (Китаем, Ираном и Россией) и, во-вторых, вернуть контроль над нефтяными ресурсами Венесуэлы. Президент Трамп несколько раз в своих публичных заявлениях обвинял Венесуэлу в «краже американских активов», особенно в нефтяной отрасли. После свержения Мадуро США фактически установили контроль над нефтегазовым сектором Венесуэлы.

В 2014 г. Запад начал санкционную войну против России, в отношении которой на сегодняшний день введено больше ограничений, чем в отношении Ирана, Венесуэлы, Сирии и КНДР вместе взятых. Один из основных ударов пришелся на российскую энергетику и на возможности России экспортировать энергоносители. Первой страной, которая ввела запрет на импорт российских энергоносителей, в том числе нефти и нефтепродуктов, стали Соединенные Штаты Америки – соответствующий указ президент США Дж. Байден подписал 8 марта 2022 г. В начале июня 2022 г. Евросоюз принял очередной пакет санкций против России, который предусматривал запрет на морской импорт нефти из Российской Федерации начиная с 5 декабря 2022 г., нефтепродуктов – начиная с 5 февраля 2023 г.[6] Этот пакет санкций также запретил европейским компаниям оказывать «техническое содействие, посреднические услуги, или финансирование, или финансовую поддержку» (с учетом страхования и перестрахования) в отношении транспортировки в третьи страны, включая перегрузку с судна на судно, нефти и нефтепродуктов российского происхождения. 2 декабря 2022 г. страны G7 и Австралия достигли договоренности о введении начиная с 5 декабря ценового потолка на уровне 60 долл. США /барр. на экспорт нефти по морю из России в третьи страны. Аналогичные ограничения были объявлены и в отношении экспорта Россией нефтепродуктов, для которых был установлен потолок цен на уровне 100 долл. США/ барр. для дизтоплива, бензина, газойля, вакуумного газойля и авиатоплива и на уровне 45 долл. США/ барр. – для мазута и нафты.

Во второй половине 2025 г. ЕС в рамках очередного, 18-го, пакета антироссийских санкций снизил ценовой потолок на российскую нефть до 47,6 долл. США/ барр. К ограничениям присоединились Великобритания, Норвегия, Япония, Новая Зеландия. Введенные ограничения разрешали европейским компаниям предоставлять торговые, брокерские и транспортные услуги для перевозки российской нефти третьим странам только в том случае, если цена покупки нефти в России была не выше установленного уровня. Согласно рекомендациям

[6] Russia's aggression against Ukraine: EU adopts sixth package of sanctions. Council of the European Union. https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2022/06/03/russia-s-aggression-against-ukraine-eu-adopts-sixth-package-of-sanctions/ (дата обращения: 18.01.2026).

США и Великобритании, штрафы должны будут уплачивать покупатели, продавцы, трейдеры и брокеры, в отношении которых будет установлено, что они нарушили введенное ограничение по стоимости российской нефти. Данные действия – не что иное, как беспрецедентная интервенция США и ЕС на мировом рынке нефти и попытка экспроприации части природной ренты.

Для увеличения собственной доли на мировом рынке нефти без потери доходности США постоянно требуется усиливать собственные конкурентные преимущества, чему способствует в том числе и постепенное расширение перечня антироссийских санкций. Так, в начале 2025 г. США объявили очередной масштабный пакет ограничений против нефтегазового сектора российской экономики, включающий блокирующие санкции в отношении крупнейших вертикально интегрированных нефтяных компаний, а также меры против отдельных добывающих проектов, флота, страховых компаний, топменеджеров и др. В октябре 2025 г. Минфин США объявил о введении дополнительных санкций в отношении России: под ограничения попали крупнейшие нефтяные компании «Роснефть» и «ЛУКОЙЛ». Также санкционированными считаются все их дочерние компании. По мнению истеблишмента США, деятельность или участие в энергетическом секторе экономики Российской Федерации уже является достаточным основанием для введения санкций США в отношении любого лица.

Еще одним инструментом западной политики является продвижение ложных нарративов под эгидой контролируемых Западом международных организаций. Среди них, например, идея энергетического перехода. Она направлена прежде всего на укрепление однополярной структуры миропорядка с доминирующей западной цивилизацией, дискриминацию остального мира и изъятие технологической ренты. По своей сути «зеленый» переход является еще одной формой неоколониализма в отношении развивающихся и неугодных стран. Объявленная программа энергоперехода является залегендированным мощным санкционным барьером для 88% населения Земли – для всех, кто не входит в «золотой миллиард», или тех, кто должен быть исключен из него. Это, по сути, необъявленные санкции, которые между тем применяются [8]. При этом Запад в целом, и США в частности, отказываются нести какую-либо ответственность за существенный объем парниковых газов, выброшенных в атмосферу их промышленностью за предшествующее столетие. Характерно то, что администрация президента США Д. Трампа выступает не против «зеленого» перехода вообще, а против его реализации на американской территории и связанных с этим международных обязательств, понимая при этом, что ничего хорошего для американской экономики это не несет.

Таким образом, стратегия США заключается в том, чтобы последовательно препятствовать энергетическому и технологическому развитию потенциальных конкурентов, постепенно сокращая как их число, так и их возможности. Следовательно, под угрозой находятся и все страны-партнеры, получающие надежные поставки нефти и нефтепродуктов по доступной цене из Ирана и России.

Российская нефтяная отрасль под санкционным давлением: максимальное использование возможностей рынка

Если упрощенно классифицировать применяемые в настоящее время на мировом рынке способы конкурентной борьбы, то можно выделить несколько основных типов: недобросовестная, добросовестная ценовая и добросовестная неценовая конкуренция. Ранее в стремлении сдерживать развитие стран социалистического лагеря, а потом и стран развивающегося мира Запад преимущественно использовал методы добросовестной конкуренции в силу экономической слабости этих стран. Однако в последние годы, на фоне роста экономической мощи ряда развивающихся стран и неспособности успешно состязаться с ними в конкурентной борьбе, западные страны перешли к откровенному нарушению ими же установленных международных правил торговли и к использованию методов недобросовестной конкуренции. Недобросовестная конкуренция заключается в применении нерыночных ограничительных мер, лишающих других участников рынка возможности совершения операций на рынке. Этот подход активно и широко применяется западными странами в виде разнообразных санкций и односторонних ограничений в отношении России, Ирана, Венесуэлы и других стран.

Ограничив импорт российских жидких углеводородов в Европу, западные страны вынудили Россию ускорить диверсификацию направлений экспортных поставок нефти и нефтепродуктов. Именно ускорить, так как Российская Федерация в целом, и компания «Роснефть» в частности, уже вели продолжительную, планомерную и успешную работу в этом направлении. Понимая, что азиатский рынок обладает самыми большими перспективами по наращиванию потребления энергоресурсов, в России был инициирован и реализован ряд инфраструктурных и инвестиционных проектов, которые способствуют организации надежных и экономически эффективных поставок российских углеводородов в восточном направлении, в АТР: ВСТО, проект «Восток Ойл» и порт «Бухта Север», газопровод «Сила Сибири», судостроительный комплекс «Звезда», Северный морской путь, Восточный полигон железных дорог и т. д.

Предпринимаемые российскими компаниями шаги в направлении обеспечения устойчивого энергоснабжения, укрепления долгосрочных партнерств и поддержки социально-экономического развития находят живой интерес и полноформатную поддержку партнеров из развивающихся стран, что укрепляет позиции России на международной арене и формирует рынки для сбыта российских энергоресурсов. Для повышения доступности энергии в развивающихся странах Россия сочетает разные форматы взаимодействия с партнерами – это могут быть как прямые экспортные поставки российских энергоресурсов, так и создание долгосрочных партнерств, направленных на локализацию и совместную добычу энергетических ресурсов, развитие логистической инфраструктуры и производство энергии, обеспечение финансовой поддержки и др. И хотя некоторые предпринимаемые российской стороной шаги не получили логического продолжения в виде успешно реализованных проектов, в основном по независящим от участвующих сторон причинам, тем не менее они способствовали расширению деловых возможностей России через формирование новых деловых связей, бизнес-идей, проектов и укрепление доверия.

В Африке «Роснефть» участвует в разработке месторождения на шельфе Средиземного моря. Также в проектах на шельфе Египта в Суэцком заливе участвует «Зарубежнефть». «Лукойл» участвует в проектах по добыче углеводородов на шельфе Египта, Камеруна, Нигерии, Ганы и Республики Конго, «Газпром» – в проекте в Алжире, «Газпром нефть» – в Экваториальной Гвинее. Примером совместной деятельности российских и национальных нефтегазовых компаний развивающихся стран являются и проекты на Ближнем Востоке.

В развивающихся странах АТР российские компании участвовали или продолжают участвовать в проектах как по добыче, так и по переработке нефти. Так, компания «Зарубежнефть» с 2021 г. формирует газовый кластер во Вьетнаме и Индонезии. В Индии «Роснефть» имеет долю в одном из самых современных в мире НПЗ и в одной из самых крупных в стране сетей АЗС.

Энергетическое сотрудничество не ограничивается только нефтегазовыми компаниями. В проектах топливно-энергетических комплексов развивающихся стран участвуют и другие российские энергетические компании. Так, «РусГидро» участвует в проектировании и строительстве гидроэлектростанций, а также в проведении работ по совершенствованию и повышению надежности объектов ГЭС в Киргизии, Таджикистане, Узбекистане, Казахстане, Эквадоре. «Росатом» ведет строительство АЭС в Турции, Египте, Индии, Бангладеш, Китае.

Оценивая перспективы развития рынков жидких углеводородов азиатских стран, необходимо особо отметить укрепление отношений с Индией. «Роснефть» приобрела долю в индийском НПЗ, что обуслов-

лено заинтересованностью в надежном индийском рынке сбыта своей нефти. Таким образом, каждая из сторон получила как возможности, так и гарантии в сохранении надежных торговых отношений. Образовалась прочная связь поставщика с потребителем, причем на условиях взаимного выигрыша: поставщик гарантированно имеет рынок сбыта, а потребитель – надежного поставщика по приемлемой цене.

Одним из следующих действий по укреплению торговых связей стало заключение долгосрочных договоров на поставку нефти. Именно о таком контракте объявил первый вице-премьер Правительства Российской Федерации А.В. Новак в ходе российско-индийских переговоров во время визита в Россию премьер-министра Индии Н. Моди в начале июля 2024 г. Далее, в ходе визита в Индию президента Российской Федерации В.В. Путина в декабре 2025 г., была согласована программа развития стратегических направлений экономического сотрудничества двух стран до 2036 г., а также достигнуты договоренности об активизации переговоров о создании зоны свободной торговли между Индией и Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) и о развитии логистики международного транспортного коридора «Север – Юг» и морского коридора «Владивосток – Ченнаи» [9]. И хотя в начале февраля 2026 г. президент США Д. Трамп заявил о договоренности с Индией о ее отказе от импорта российской нефти, по сообщениям СМИ, индийские официальные власти этого не подтверждали.

Таким образом, Россия активно применяла и продолжает успешно применять инструменты добросовестной конкуренции для увеличения своей доли на новых рынках. Добросовестная ценовая конкуренция заключается в обеспечении надежного канала гарантированных поставок по приемлемой для потребителя цене.

В вопросе оценки эффективности и результативности переориентации российского нефтяного экспорта невозможно оставить в стороне такие факторы, как цена нефти и объемы экспорта. Если ориентироваться на котировки Urals, формируемые Argus, нефть из России поставлялась в Индию по ценам, превышавшим ценовой потолок, как минимум с лета 2023 г., что свидетельствовало о правильности действий Правительства Российской Федерации и российских нефтяных компаний и о несостоятельности проводимой западными странами санкционной политики.

Превышение новой котировки Urals установленного G7 ценового потолка для российской нефти совершенно неудивительно и обусловлено тем, что мировой нефтяной рынок, несмотря на попытки Запада его фрагментировать и даже частично изолировать от российской нефти, в целом сохранил свою связанность. Дело в том, что теоретически в процессе ввода каких-либо ограничений (санкций) первоначально может возникать некоторая разница цен на нефть между реги-

ональными рынками (ценовой спред), что стимулирует трейдеров осуществлять арбитражные сделки и обеспечивает перераспределение товарных потоков между этими рынками.

Теоретически эффективность регулирующей (балансирующей) функции цены посредством арбитражного механизма зависит как от величины спреда межрегиональных цен, так и от общего состояния баланса мирового рынка нефти. Что касается фундаментальной сбалансированности спроса и предложения нефти на мировом рынке, то в этот период она поддерживалась благодаря выполнению участниками соглашения ОПЕК+ целевых уровней добычи нефти и принятия добровольных обязательств по дополнительному сокращению добычи в рамках этого соглашения. Сохранение небольшого дефицита предложения[7] в объеме 0,1–0,3 млн барр./сут. в 2022–2024 гг. в целом способствовало поддержанию эффективности функционирования арбитражного механизма.

В конечном итоге такой арбитраж устраняет региональные дисбалансы, способствуя сокращению ценовых спредов между рынками. Попытки западных стран санкционными инструментами бороться против самой природы рынка заведомо обречены на провал. Антироссийские санкции снизили возможности России по поставкам нефти в Европу и США, но полностью исключить поставки российских энергоресурсов остальным субъектам рынка они не могут.

Стоит особо подчеркнуть, что динамика добычи и экспорта российской нефти в период 2022–2025 гг. определялась не западными санкциями, а выполнением Россией своих обязательств в рамках соглашения об ограничении добычи ОПЕК+. При этом российские компании в полной мере исполняли свои контрактные обязательства как с зарубежными партнерами, так и на внутреннем рынке. Существенного падения объемов добычи и экспорта российской нефти, на которое были рассчитаны западные санкции, допущено не было. К 2025 г. добыча нефти несколько уменьшилась и составила 511,5 млн т, что всего на 2,5% ниже уровня 2021 г., до введения масштабных антироссийских санкций. Экспорт российской нефти в 2025 г. и вовсе превысил на 1,4% уровень экспорта нефти в 2021 г.

Говоря о результативности российской стратегии и тактики на нефтяном рынке, нельзя оставить в стороне вопрос бюджетной эффективности предпринятых шагов. Рассматривая более детально динамику нефтяной части нефтегазовых доходов, можно отметить следующее. В 2022 г. совокупный объем ее поступлений в федеральный бюджет составил 7,7 трлн руб., увеличившись по отношению к 2021 г. на

[7] История переговоров ОПЕК+ о стабилизации нефтяного рынка. ТАСС. 1 июня 2024 г. https://tass.ru/info/8665041 (дата обращения: 24.01.2026).

Таблица 2

Добыча и экспорт нефти в России (2021–2025 гг.)

	2021	2022	2023	2024	2025
Добыча нефти, млн т	524,5	535,2	530,6	516,0	511,5
в % к предыдущему году	102,3	102,0	99,1	97,2	99,1
Экспорт нефти, млн т	225,1	242,2	234,3	228,4	228,3
в % к предыдущему году	96,8	107,6	96,7	97,5	99,96

8,3%. Позитивную роль здесь сыграл ценовой фактор. Конечно, рост частично был связан и с физическим увеличением добычи и экспорта нефти, составившим соответственно 2% и 7,6% (см. табл. 2). Но это заметно меньше роста нефтяных налоговых отчислений.

В 2023 г. объем поступлений нефтяной части нефтегазовых доходов в федеральный бюджет сократился до 6,58 трлн руб., или на 14,6% по отношению к 2022 г., что было обусловлено в основном общемировой ценовой волатильностью и, в частности, снижением уровня мировой среднегодовой цены нефти Brent на 18,2%, до 83 долл США/барр., а не малозначительным сокращением объемов добычи и экспорта нефти. Но уже в 2024 г., несмотря на небольшое снижение добычи и экспорта нефти в России в рамках соблюдения соглашения ОПЕК+, объем нефтяных поступлений в федеральный бюджет вырос почти на 30% и превысил 8,5 трлн руб., что примерно на 20% выше уровня поступлений в 2021 г.

Некоторое влияние на рост поступлений нефтяных налогов в федеральный бюджет в 2024 г., конечно, оказало завершение налогового маневра, реализующего перераспределение налоговой нагрузки с экспорта на добычу нефти. В рамках этого налогового маневра поступления от пошлин на экспорт нефти и нефтепродуктов последовательно сокращались в течение 2019–2023 гг. с полным обнулением ставки пошлины в 2024 г., а доходы от НДПИ на нефть соответствующим образом увеличивались[8].

В 2025 г. вследствие снижения цен на нефть, укрепления курса рубля и усиления санкционного давления нефтегазовые доходы федерального бюджета уменьшились на 24% по сравнению с уровнем 2024 г. – до 8,48 трлн руб. В том числе нефтяная составляющая доходов сократилась на 23% и составила 6,55 трлн руб. Базовый уровень нефтегазовых доходов собрать удалось, однако бюджет дважды пересматри-

[8] Сведения о формировании и использовании дополнительных нефтегазовых доходов федерального бюджета в 2018-2025 годах. Минфин России. https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=122094 (дата обращения: 18.01.2026).

вался в течение 2025 г., в том числе в части дополнительных нефтегазовых доходов целевой показатель был пересмотрен с 1812 млрд руб. в исходном проекте бюджета до 84,1 млрд руб.

В 2026 г. Минфин России планирует собрать 8,92 трлн руб. нефтегазовых доходов при условиях среднегодовой цены сорта Urals 59 долл./барр. и курсе 92,2 руб. за 1долл. США. Планируется, что этот объем будет ниже базового уровня, в результате чего бюджет недополучит 38,5 млрд руб. В январе 2026 г. объем недополученных нефтегазовых доходов составил 182,2 млрд руб.

Стратегия России на энергетических рынках – сотрудничество и развитие

Текущая стратегия России на энергетических рынках вообще, и на нефтяном в частности, по большому счету сохранила свою преемственность по отношению к советскому периоду, когда она в значительной мере была сформирована как естественная реакция на стремление США к геополитическому доминированию. Благодаря ресурсному потенциалу и своему географическому положению Россия играет особую роль в развитии энергокомплексов по вектору «Европа – страны АТР», да и вообще в мировой энергетике, внося ощутимый вклад в поддержание устойчивого баланса спроса и предложения углеводородов на международных рынках[9].

Учитывая опыт Советского Союза, в том числе негативный, в построении международных блоков и понимая историческую неотвратимость возникновения новых центров силы в мире по мере их опережающего экономического развития, Россия отказалась от блокового мышления периода холодной войны. Блоковый подход на идеологической основе влечет определенное ограничение политического суверенитета для стран-участников, что значительно ограничивает число стран – потенциальных партнеров.

В таких условиях наиболее эффективной стратегией противостояния сходящей с исторической сцены моноцентричной модели мира может быть только увеличение количества центров силы и стран, превосходящих ее по темпам развития. Глобализация способствовала вовлечению большего числа новых стран в процесс быстрого экономического роста, что стало историческим базисом перехода к полицентричному миру, где различные центры силы конкурируют между собой и формируют самостоятельные стратегические решения.

[9] Country Analysis Brief: Russia. www.eia.gov. 29.04.2024. https://www.eia.gov/international/content/analysis/countries_long/Russia/pdf/russia.pdf (дата обращения: 18.01.2026).

И именно такой «клубный» подход на основе взаимовыгодного сотрудничества по национальным интересам является наиболее перспективным и способным заинтересовать значительное число потенциальных участников. Актуальность и востребованность этого исторически неизбежного процесса отражается в постоянно увеличивающемся числе стран, желающих участвовать в работе таких объединений, как ШОС, БРИКС и подобных им, организация работы которых предлагает участникам возможности развивать и укреплять экономические и политические связи на основе равенства и взаимной выгоды, а также решать глобальные проблемы совместными усилиями.

По состоянию на 2024 г. на страны БРИКС, с учетом расширения состава в 2024–2025 гг., в совокупности приходилось около 48% мирового населения, около 39% мирового ВВП по паритету покупательной способности[10]. Еще до расширения своего состава в 2024–2025 гг. объединение БРИКС являлось как крупнейшим производителем, так и крупнейшим потребителем ископаемых топливно-энергетических ресурсов: в 2023 г. – 76% мирового потребления угля и 70% его производства. Страны БРИКС произвели 22% и потребили 24% мировой добычи природного газа. На страны объединения приходится 28% мирового потребления нефтепродуктов и 21% мировой добычи нефти[11]. С учетом расширенного с 2024 г. состава объединения его роль в мировой энергетике только возросла.

Объединение БРИКС, являясь одним из первых проявлений формирующегося полицентричного мира, вместе с тем очень неоднородно по уровню экономического развития его участников. Страны БРИКС, особенно в его расширенном составе, радикально отличаются по энергетической самообеспеченности, структуре топливно-энергетического баланса, энергетической инфраструктуре, организационным моделям внутренних энергетических рынков. Также следует принимать во внимание, что в некоторых странах БРИКС значительная часть населения все еще не имеет доступа к современным источникам энергии. Залог устойчивого развития БРИКС состоит в скорейшем и всемерном устранении энергетической и технологической бедности максимально возможного числа партнеров, особенно среди крупнейших развивающихся стран, а также в эффективной торговле, в том числе энергоресурсами, внутри объединения. Для достижения энергобезопасности необходимо обеспечить достаточность, доступность и надежность источников энергии. При этом именно развивающиеся страны будут

[10] World Development Indicators (WDI). Всемирный банк. https://data.worldbank.org/indicator (дата обращения: 18.01.2026).

[11] World Energy Balances. www.iea.org. 2025. https://www.iea.org/data-and-statistics/data-product/world-energy-balances (дата обращения: 18.01.2026).

основными драйверами потребления нефти в ближайшие десятилетия. Уже к 2030 г. рост спроса в этой группе стран совокупно должен обеспечить 95% мирового прироста потребления. Наибольший рост спроса на нефть ожидается в странах Азии[12].

Для ускоренного экономического роста и промышленного развития многим энергодефицитным развивающимся странам требуются надежные поставки энергоресурсов по приемлемым ценам. В 2015 г. международное сообщество поставило перед собой амбициозную цель – «Обеспечение всеобщего доступа к недорогим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии для всех» – с задачей достичь ее в 2030 г.[13] И основная стратегия России на мировом нефтяном рынке – участвовать в международных инициативах, касающихся устойчивого развития мировой энергетики, обеспечивая энергетическую безопасность как внутри страны, так и на международном уровне, что включает стабильное энергоснабжение, снижение рисков поставки энергоресурсов и повышение эффективности внешнеэкономической деятельности российских энергетических компаний.

Именно ускоренный рост экономик стран АТР, как и развитие организации БРИКС, обусловили осуществление поворота России на Восток, а точнее, создали объективные условия и предпосылки для формирования еще одного вектора экономического сотрудничества России [10]. Ведь поворот начался со строительства ВСТО и инвестиций в нефтегазовый сектор Индии задолго до закрытия европейских рынков для нашей страны.

Важной, можно сказать, фундаментальной составляющей восточного вектора развития России стала энергетическая компонента. Крупнейшими потребителями энергоресурсов в составе БРИКС являются Китай и Индия. Поставляя этим и другим развивающимся странам увеличивающиеся объемы нефти, нефтепродуктов и природного газа, Россия активно способствует их экономическому развитию.

При этом Россия, будучи ответственным участником международных отношений, по-прежнему придерживается принятых обязательств по поставкам энергоресурсов и в развитые страны Европы, Азии и Америки и готова их выполнять и в дальнейшем на недискриминационных условиях. Россия также заинтересована в расширении участия в международной деятельности по обеспечению устойчивого развития глобальной энергетики. Тем не менее навязываемые западными странами условия недобросовестной конкуренции, например в форме введенного европейскими странами эмбарго на поставки

[12] World Oil Outlook 2045. https://publications.opec.org/woo. 2023. https://publications.opec.org/woo/archive/chapter/112/1783 (дата обращения: 18.01.2026).

[13] Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. ООН. https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/energy/ (дата обращения: 18.01.2026).

российских жидких углеводородов, привели к прекращению доступа на традиционный для российской нефтяной отрасли европейский рынок. Более того, с использованием таких мер, как ценовой потолок, отказ в страховании судов и введение санкций в отношении российских перевозчиков, западные страны пытаются ограничить и возможности морских поставок российских энергоресурсов.

В этих условиях решение стратегической задачи по укреплению Россией занимаемых на международных рынках углеводородов позиций невозможно представить без полноценной диверсификации направлений поставок энергоресурсов в пользу быстрорастущих рынков дружественных стран. *Восточный вектор развития становится целью и приоритетом российского топливно-энергетического комплекса, жизненно важным для его существования и развития.*

В утвержденной в 2025 г. Энергетической стратегии России на период до 2050 г.[14] отмечается необходимость решения задачи формирования и развития общего рынка нефти и нефтепродуктов Евразийского экономического союза, а также реализация инициативы президента Российской Федерации В.В. Путина – «Большого Евразийского Партнерства», которая включает в себя интеграцию логистических, производственных, энергетических и финансовых связей.

Кроме того, сопряжение развития ЕАЭС и БРИКС представляется одним из наиболее перспективных и многообещающих проектов для становления сотрудничества крупных блоков государств. Российская Федерация, как общий элемент двух объединений, имеет уникальные возможности по построению новой архитектуры конструктивных международных экономических отношений на основе общих целей и ценностей этих объединений. Прежде всего – это стремление к укреплению экономических связей, решению проблем безопасности и повышению влияния стран-участниц за счет координации совместных действий.

Одной из перспективных областей взаимовыгодного сотрудничества в сфере энергетики может стать справедливый и эволюционный энергетический переход, т. к. все участники БРИКС поставили перед собой цели по достижению углеродной нейтральности. В направлении реализации энергетического перехода всеми странами БРИКС проводится большая, но в основном обособленная работа на принципах учета национальных возможностей. Очевидно, что страны объединения уделяют большое внимание диверсификации структуры топливно-энергетического баланса, увеличению доли использования низко- и безуглеродных источников энергии. При этом важно подчеркнуть, что энергетический

[14] Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2050 года. Минэнерго России. https://minenergo.gov.ru/ministry/energy-strategy?ysclid=mm7wk6n4wp433997699 (дата обращения: 18.01.2026).

переход не может быть навязан и реализован за счет одномоментного отказа от традиционных источников энергии, поскольку такой отказ сопряжен с серьезными рисками для энергетической безопасности, экономики и социальной стабильности. На примере Европы видим, что резкое сокращение использования традиционных источников энергии привело к росту цен, инфляции и снижению конкурентоспособности промышленности. Важно также учитывать социальные последствия отказа от традиционных источников для регионов, особенно Ближнего Востока, и отраслей, зависящих от ископаемого топлива.

Универсального рецепта энергетического перехода, который подходил бы всем странам, не существует. Страны самостоятельно выбирают свой путь и скорость энергетического перехода исходя из учета национальных условий, факторов и критических рисков, в том числе связанных с расширением применения возобновляемых источников энергии, стремясь в то же время достичь своих заявленных климатических целей. При осуществлении справедливого энергетического перехода необходимо руководствоваться стратегией, в которой традиционные источники энергии продолжают играть важную роль, особенно в обеспечении надежности и доступности энергии. Это является необходимым условием достижения заявленных климатических целей без ущерба для национальных интересов и сбалансированного социально-экономического развития стран.

* * *

По результатам анализа в целом можно сделать вполне обоснованный вывод, что реализованные российскими компаниями стратегические и тактические решения в различных, в том числе кризисных, ситуациях на нефтяном рынке оказались верными. Это позволило своевременно выполнить переориентацию нефтяных потоков и не допустить значительного падения добычи и экспорта российской нефти. Кроме того, предотвратив существенное увеличение дисконта на российскую нефть по сравнению с ценой на другие сорта нефти на целевых рынках, данные решения обеспечили устойчивость бюджетной системы Российской Федерации за счет достаточно стабильных поступлений нефтяной части нефтегазовых доходов.

Что касается будущего текущей конфигурации мирового нефтяного рынка, то можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что западные страны, «заморозив» российские активы и введя санкции против российской энергетики, сделали еще один шаг к разрушению глобальной системы торговли энергоресурсами, взаимных инвестиций и энергетической безопасности. Причем той системы, «которую создавали сами и которая многие десятилетия обеспечивала их процветание, позволяла потреблять больше, чем они зарабаты-

вают, через долги и обязательства привлекать деньги со всего мира»[15]. А это значит, что мировым энергетическим рынкам еще предстоит значительно трансформироваться, чтобы отвечать интересам формирующегося полицентричного мира и обеспечивать равную энергетическую безопасность в новом мире.

ЛИТЕРАТУРА/ REFERENCES

1. Statistical Review of World Energy 2025. Energy Institute. London, 2025. https://www.energyinst.org/statistical-review/home.
2. *Marshall A.* Principles of Economics. 8th ed., London: Macmillan and Co., 1920.
3. *Hotelling H.* The Economics of Exhaustible Resources. Journal of Political Economy. 1931. Vol. 39(2). Pp. 137–175.
4. *Levenstein M.C., Suslow V.Y.* What Determines Cartel Success? // Journal of Economic Literature. 2006. Vol. 44. No. 1. Pp. 43–95.
5. *Брагинский О.* Цены на нефть: история, прогноз, влияние на экономику // Российский химический журнал (Журнал Российского химического общества им. Д. И. Менделеева). 2008. Т. LII. № 6. С. 25–36. [*Braginsky O.* Oil prices: history, forecast, impact on the economy // Russian Chemical Journal (Journal of the Russian Chemical Society named after D.I. Mendeleev). 2008. Vol. LII. No. 6. Pp. 25–36. (In Russ.).]
6. *Хлопов О.А.* Особенности влияния ОПЕК на международную энергетическую безопасность // Власть. 2014. № 10. С. 79–83. [*Khlopov O.A.* Features of OPEC's influence on international energy security // Vlast. 2014. No. 10. Pp. 79–83. (In Russ.).] https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-vliyaniya-opek-na-mezhdunarodnuyu-energeticheskuyu-bezopasnost.
7. *Конопляник А.* Куда исчезли справочные цены? // Нефть России. 2000. № 7. [*Konoplyanik A.* Where have the reference prices gone? // Russian Oil. 2000. No. 7. (In Russ.).] https://konoplyanik.ru/ru/publications/264/264.htm.
8. *Григорьев Л.М., Хейфец Е.А.* Нефтяной рынок: конфликт между подъемом и энергетическим переходом // Вопросы экономики. 2022. № 9. С. 5–33. [*Grigoryev L.M., Kheifets E.A.* Oil market: Conflict between recovery and energy transition // Voprosy Ekonomiki. 2022. No. 9. Pp. 5–33. (In Russ.).] DOI: 10.32609/0042-8736-2022-9-5-33.
9. *Акинфиев В.К.* Соглашение ОПЕК+: анализ последствий для России // Энергетическая политика. 2020. № 1 (143). С. 43–51. [*Akinfiev V.K.* OPEC+ Agreement: an analysis of consequences for Russia // Energy Policy. 2020. No. 1 (143). Pp. 43–51. (In Russ.).] https://energy-policy.ru/v-k-akinfiev-soglashenie-opek-analiz-p/neft/2020/01/10/?ysclid=mm7sskoqxq243152287
10. *Шуплецов А.Ф., Буньковский Д.В.* Диверсификация российского экспорта нефти и нефтепродуктов // Известия Байкальского государственного университета. 2016. Т. 26. № 6. С. 889–895. [*Shupletsov A.F., Bunkovsky D.V.* Diversification of the Russian oil export and oil products // Bulletin of Baikal State University. 2016. Vol. 26. No. 6. Pp. 889–895. (In Russ.).] DOI: 10.17150/2500-2759.2016.26(6).889-895.

[15] *Путин В.В.* Встреча с руководством МИД России. 14 июня 2024 г. http://kremlin.ru/events/president/news/74285 (дата обращения: 09.12.2025).

Дата поступления рукописи: *20.11.2025 г.*
Дата принятия к публикации: *24.02.2026 г.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Сечин Игорь Иванович – кандидат экономических наук, главный исполнительный директор ПАО «НК «Роснефть», Москва, Россия
ORCID: 0009-0006-0204-5888
postman@rosneft.ru

ABOUT THE AUTHOR

Igor I. Sechin – Cand. Sci. (Econ.), Chief Executive Officer, Rosneft Oil Company, Moscow, Russia
ORCID: 0009-0006-0204-5888
postman@rosneft.ru

THE GLOBAL OIL MARKET AND RUSSIA'S ENERGY STRATEGY UNDER SANCTIONS

The West's desire to maintain global economic dominance and curb the growth of developing countries has made the global energy market, and the oil market in particular, an arena of geopolitical confrontation. The study found that, under sanctions pressure, a key element of Russia's energy strategy was the reorientation of oil exports to fast-growing Asian markets, which helped offset the loss of European customers. Despite the introduction of price caps and logistics restrictions, export volumes remained stable thanks to existing and established infrastructure, as well as long-term contracts with partners. A combination of market diversification, a flexible tax policy, and strengthened partnerships with countries considered undesirable by the West ensured Russia's resilience under sanctions. At the same time, it is important to recognize that pressure on Russia, as well as the risks of further fragmentation of global energy markets, are increasing. In this regard, there is a rising need to take measures to minimize these risks, including the development of alternative financial mechanisms that reduce dependence on the dollar system.

Keywords: *global energy, oil, sanctions, cooperation, strategy, Russia, China, India, Europe, USA.*
JEL: F01.

А.С. ЧЕТВЕРИКОВА
кандидат экономических наук, руководитель Центра европейских исследований ФГБНУ «Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН»

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ ЕС: ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКСПОРТНЫХ ПОТОКОВ

В статье представлен анализ развития внешней торговли Евросоюза за последние десятилетия. Продемонстрированы основные тенденции, включая ослабление позиций ЕС в мировой торговле. На основе индекса выявленных сравнительных преимуществ (RCA) оценены тренды в конкурентоспособности экспорта государств – членов ЕС. Показаны ключевые различия между группами стран, в том числе появление новых лидеров и относительную стабильность позиций крупных экономик. Основываясь на динамике RCA, делается вывод, что интеграция вишеградских стран в ЕС не имела явного положительного эффекта на их экспортные возможности с точки зрения конкурентоспособности. Продемонстрировано, что наиболее конкурентными экспортными товарами у стран – членов ЕС в отдельные годы являются товары за рамками их традиционной ключевой международной отраслевой специализации. С учетом трех показателей (индекс Херфиндаля–Хиршмана, доля ключевых товаров в общем экспорте, количество экспортных товаров) выявлены группы стран с различными тенденциями в диверсификации их экспорта.

Ключевые слова: *Евросоюз, страны – члены Евросоюза, внешняя торговля, динамика экспорта, конкурентоспособность, специализация экспортных потоков, диверсификация экспортных потоков.*

УДК: 339.5

EDN: QECCSC

DOI: 10.52180/2073-6487_2026_1_156_172

За последние 30 лет внешняя торговля Евросоюза претерпела значительные изменения, которые коснулись не только вопросов регулирования, институциональных аспектов, развития внутреннего европейского рынка, но и внешних факторов, влияющих на европейскую торговлю. Усилились позиции новых игроков, в первую очередь Китая, что нашло отражение и в трансформационных процессах в ЕС. Изменилась институциональная среда и механизмы регулирования мировой торговли, обострились проблемы протекционизма и торговых войн [1]. Внешние вызовы, включая мировой финансово-экономиче-

ский кризис, а особенно пандемия и украинский кризис, предопределили смену европейских приоритетов и способствовали обострению вопросов экономической безопасности.

Внешнеторговый сектор – один из важных общеевропейских приоритетов, оказывающих влияние и на другие стратегические цели Евросоюза. Дисбалансы и замедление во внешней торговле негативно сказываются на европейской экономике в целом. ЕС заинтересован в сохранении и повышении конкурентоспособности своей продукции, которая далеко не постоянна как в отношении типов товаров, так и самих европейских стран-производителей.

Тенденции развития внешней торговли ЕС

Евросоюз остается в тройке мировых торговых лидеров: его доля в экспорте 14,6%, в импорте – 13,2%[1]. Товарооборот составил более 5 трлн евро по итогам 2024 г. После мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. торговый баланс ЕС характеризовался положительной величиной, которая в 2024 г. превысила 146 млрд евро. Исключением стал кризисный 2022 г., когда страны интеграционного объединения активно закупали минеральное сырье по высоким ценам.

Динамика развития внешней торговли Евросоюза в целом сравнима с мировой, хотя в определенные периоды и уступала ей. С 1996 по 2024 г. средний рост экспорта ЕС составил 4,5%, импорта – 4,4%[2]. В результате позиции ЕС в мировой товарной торговле, включая торговлю внутри интеграционного объединения, постепенно ослабевают: в 2024 г. его доля в мировом экспорте сократилась на 8,6 п.п. по сравнению с 1995 г. и составила 29,2%, в импорте – падение на 7,9 п.п. и 27,8% соответственно[3]. Определенную роль в этом играют и трансформации самого Евросоюза, включая выход Великобритании. При этом снижение позиций ЕС происходит значительно более быстрыми темпами, чем у США, на фоне усиления новых игроков, в первую очередь Китая. Изменения в условиях мировой торговли, когда европейские акторы все чаще наталкиваются на нетарифные ограничения и тарифные риски, не способствуют европейским успехам. Интегрированность же внешнеторгового сектора ЕС в мировой значительно выросла за

[1] Без учета внутриевропейской торговли. Eurostat. Share of European Union EU27 (from 2020) in the World Trade. https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/ext_lt_introeu27_2020__custom_17346761/default/table?lang=en (дата обращения: 31.10.2025).

[2] Расчеты на основе Eurostat. Gross domestic product (GDP) and main components (output, expenditure and income). https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/nama_10_gdp__custom_16905409/default/table?lang=en (дата обращения: 31.10.2025).

[3] Unctad. Merchandise: Total trade and share, annual. https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.TradeMerchTotal (дата обращения: 31.10.2025).

последние десятилетия. Евросоюз является ключевым торговым партнером для 80 стран.

Изменения коснулись и основных внешнеторговых партнеров самого ЕС. Хотя ключевые из них остались преимущественно теми же, их значимость для интеграционного объединения изменилась. В частности, ослабли позиции Японии, частично Норвегии и Швейцарии. Вследствие украинского кризиса Россия практически исчезла из внешней торговли Евросоюза. Турция, напротив, достигла «небывалых высот», чему среди прочего способствовал санкционный режим. После Брекзита Великобритания превратилась в одного из лидирующих игроков для ЕС в сфере торговли.

Другой важной тенденцией стало превращение Китая во второго после США внешнеторгового партнера Евросоюза. Этому явному усилению зависимости последних десятилетий от конкурентов в лице Китая и США ЕС пытается противостоять и /или получать в обмен выгоды в других сферах. В последние годы стали формироваться механизмы противодействия, в первую очередь в отношении Китая. Однако с 2002 г. доля Китая и США в экспорте ЕС выросла на 5,2 п.п., вплотную приблизившись к 30% экспорта ЕС, в импорте – на 12,5 п.п., достигнув 35% импорта ЕС в 2024 г.[4] И если экспортная динамика связана с постепенным увеличением роли Китая на протяжении всего периода и изменением тренда в сторону увеличения со второй половины 2010-х гг. в отношении США, то в импорте лидирующая роль принадлежит именно Китаю, который является ключевым партнером по импорту ЕС последние 20 лет. При этом США не способны опередить Китай в сфере европейского импорта.

Таким образом, существующие не одно десятилетие дисбалансы в торговых отношениях с двумя текущими основными партнерами только нарастают. В случае с США ситуация улучшается в сторону ЕС: в частности, размер положительного торгового баланса за последние два десятилетия практически утроился и вплотную приблизился к отметке в 200 млрд евро. На этом фоне сохраняется множество противоречий между партнерами, приводящих к введению ограничений во взаимной торговле [2, с. 129]. В отношении Китая, помимо политических разногласий, сохраняется проблема стойкого превалирования импорта [3], которая только усугубляется: размер дефицита торгового баланса увеличился почти в пять раз и в 2024 г. превысил 305 млрд евро.

Помимо территориальной, изменяется отраслевая структура внешнеторгового сектора Евросоюза [4, с. 26–28]. В целом она стано-

[4] Eurostat. Extra-EU trade by partner. https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/ext_lt_maineu__custom_16915746/default/table?lang=en (дата обращения: 31.10.2025).

вится более диверсифицированной на уровне отдельных секторов. Так, доля трех ключевых секторов импорта ЕС (машины и оборудование, прочие промышленные товары, минеральное сырье) хоть незначительно, но сократилась. В рамках экспорта аналогично уменьшалась доля прочих промышленных товаров и более ярко выражено сокращение машин и оборудования. Снижается доля сырья в импорте. Общей тенденцией стало увеличение доли химической продукции как в импорте, так и экспорте. В рамках экспорта увеличивается доля пищевой продукции. При этом сохраняются отраслевые дисбалансы в торговле с отдельными странами, включая ключевых партнеров. Так, основой торговых отношений с Китаем являются машины и оборудование, доля которых в импорте Евросоюза превышает 55%. В торговле с США данный тип продукции также является основным, однако его доля ниже 40%[5]. В торговле с США в последние годы наиболее заметен тренд на увеличение энергетической составляющей импорта ЕС, чья доля за последнее десятилетие увеличилась почти втрое и превысила 23% в 2024 г.

Еще одним трендом стало увеличение значимости внутреннего рынка для ЕС в рамках внешнеторгового сектора. Развитие единого европейского рынка и снижение существующих барьеров является одной их приоритетных задач интеграционного объединения, что способствует в том числе превалированию внутренней торговли. На нее приходилось более 60% как экспорта, так и импорта Евросоюза, хотя этот показатель и не отличается постоянной позитивной динамикой. Выход из Европейского союза Великобритании, которая давала «значимый интеграционный эффект», расширение ЕС, последствия применения санкционных механизмов приводили к ослаблению внутренних торговых потоков. Однако учитывая реализуемую политику, приоритетность внутреннего рынка для интеграционного объединения в дальнейшем сохранится.

Евросоюз все сильнее интегрируется в мировую торговлю. Степень открытости за последние три десятилетия заметно увеличилась. Доля экспорта в ВВП возросла более чем на 22 п.п. и составила 50,7% ВВП в 2024 г., доля импорта – на 20 п.п. и 46,3% соответственно. В этой связи текущие риски в мировой торговле, включая тарифные войны, разрыв цепочек поставок, сравнимый с периодом пандемии, проблемы с деятельностью ВТО, негативно сказывающиеся на темпах развития

[5] Eurostat. China-EU – international trade in goods statistics. https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=China-EU_-_international_trade_in_goods_statistics#SE_MAIN_TT (дата обращения: 31.10.2025). USA-EU – international trade in goods statistics. https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=USA-EU_-_international_trade_in_goods_statistics#SE_MAIN_TT (дата обращения: 31.10.2025).

международной торговли [5, с. 12], и пр., являются серьезным вызовом для интеграционного объединения и его экономического роста. Помимо проблем с экономической безопасностью и динамикой развития, актуален вопрос конкурентоспособности на мировых рынках, что непосредственно связано с особенностями экспортных потоков.

Особенности экспортной специализации

Конкурентоспособность в отношении торговых потоков прежде всего связана с экспортом, который, в свою очередь, согласно многочисленным исследованиям [6], может оказывать положительное воздействие и на экономический рост в целом. Как уже было сказано выше, экспортные позиции Евросоюза в мире постепенно ослабевают, что среди прочего может быть связано и с изменением специализации экспорта ЕС и его стран-членов[6].

Особо динамичное развитие экспорта в последние десятилетия демонстрировали наиболее открытые экономики – Ирландия (см. табл. 1). На другом полюсе – крупнейшие европейские экономики, которые уже не первый год, вследствие масштабов экспорта, особенностей экономического развития и ряда других факторов, уступают по динамике общеевропейскому уровню: Германия – «промышленное сердце Европы» – с середины 2010-х гг., Франция и Италия – с 2000-х гг. На вишеградские страны, за исключением Польши и Венгрии, негативно повлияли пандемия и дальнейшие кризисные процессы, замедлившие их внешнеторговые потоки [7].

Характер изменений экспортных потоков может быть оценен с помощью индекса выявленных сравнительных преимуществ RCA[7] на основе формулы Б. Баласса [8, p. 105–106]. Он не является единственным возможным показателем специализации, для оценки которой разработаны и другие оценочные методы [9]. Однако RCA, несмотря на некоторые критические оценки, выделение ряда его ограничений и попытки предложить альтернативы [10; 11], продолжает использоваться, в том числе UNCTAD, для анализа специализации страны в мировой торговле. В ряде работ RCA применялся для оценки торговых отношений ЕС с США, Турцией и другими странами в целом или

[6] В статье анализируются крупнейшие страны ЕС, являющиеся «старыми» странами-членами (Германия, Италия, Франция), небольшие экономики с ярко выраженной открытостью (Ирландия, Люксембург) и «новые» страны-члены с открытой экономикой (Венгрия, Польша, Словакия, Чехия).

[7] Формула Б. Баласса $RCA_{ij} = (x_{ij}/X_i)/(x_{mj}/X_m)$, где RCA_{ij} – значение индекса страны i в экспорте товаров j, x_{ij} – экспорт из страны i товара j, X_i – общий экспорт из страны i, x_{mj} – мировой экспорт товара j, X_m – мировой экспорт. При $RCA_{ij} \geq 1$ товар обладает выявленным сравнительным преимуществом.

Таблица 1

Экспорт Евросоюза и ряда его стран-членов

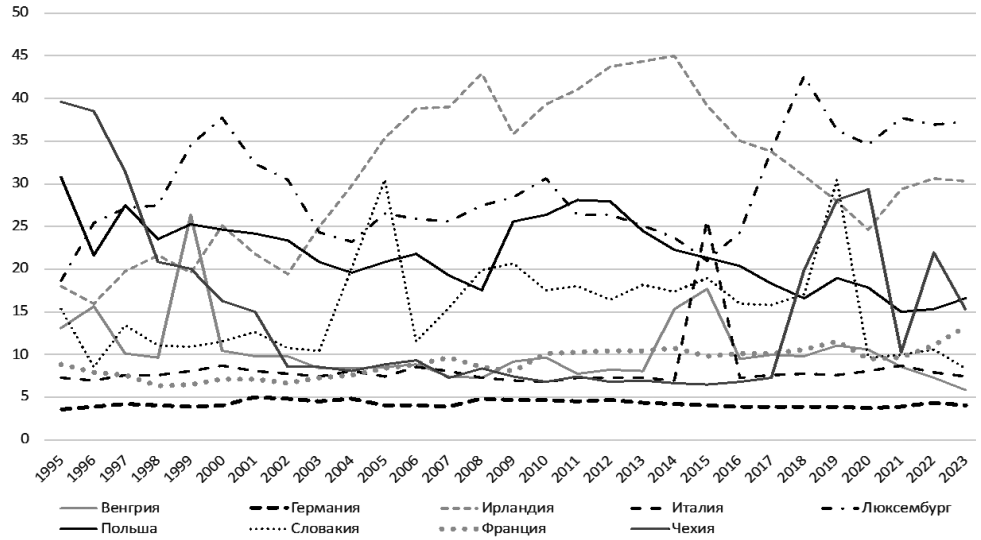
Страна	Динамика экспорта, среднее за период*, %						Объем, млрд евро	% от ЕС	Доля в ВВП, %
	1996–1999	2000–2004	2005–2009	2010–2014	2015–2019	2020–2024	2024		
ЕС	7,3	5,8	2,2	5,3	4,6	2,2	9074,8	100,0	50,4
Венгрия	12,0	12,7	8,9	5,8	5,6	5,9	153,9	1,7	75,4
Германия	7,6	7,1	2,8	5,9	3,1	0,2	1793,7	19,8	41,4
Ирландия	17,1	9,3	4,3	6,7	14,3	8,7	810,3	8,9	144,0
Италия	2,0	3,4	–0,7	4,2	3,0	2,0	714,9	7,9	32,5
Люксембург	11,9	7,1	3,3	5,8	3,9	0,6	160,1	1,8	191,5
Польша	8,8	10,1	7,3	7,0	7,4	4,9	442,7	4,9	52,2
Словакия	4,9	13,5	7,3	9,2	4,4	1,3	111,3	1,2	85,5
Франция	7,6	4,3	0,5	4,6	3,4	1,8	989,6	10,9	33,9
Чехия	6,2	12,7	7,6	7,4	4,4	1,7	220,9	2,4	68,9

* Рассчитано на основе стоимостного выражения, в постоянных ценах.

Источник: рассчитано автором *по*: Eurostat. https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/nama_10_gdp__custom_16878136/default/table?lang=en (дата обращения: 31.10.2025).

на отдельных товарных рынках [12; 13; 14]. В частности, на его основе были продемонстрированы худшие позиции Евросоюза, чем у США: ЕС обладает меньшим числом товаров со сравнительными преимуществами, чем Соединенные Штаты [12, p. 255].

Можно сказать, что чем RCA больше, тем конкурентоспособнее продукт на мировом рынке. Динамика наибольшего RCA, характерная для отдельного вида товаров, в государствах – членах ЕС (см. рис. 1) свидетельствует о существенных трансформациях, произошедших за последние десятилетия. Во-первых, изменились страны, обладающие максимальным значением индекса: Чехия и Польша уступили место Люксембургу и Ирландии. Примечательно, что само значение RCA сохраняется примерно в тех же пределах 30–45 у лидирующих в тот или иной момент игроков. Во-вторых, новым лидерам в лице Люксембурга и Ирландии присущи относительно длинные тренды (падения или роста) в динамике RCA, что не характерно для вишеградских стран, отличающихся меньшей открытостью экономик: у Венгрии, Словакии и Чехии отмечаются короткие всплески роста / падения индекса. В-третьих, Германия, Франция и Италия, для которых характерна пониженная открытость экономики, сохраняют «низкие» значения индекса на протяжении всего периода, свидетельствующие о не столь высокой конкурентоспособности экспортных товаров по сравне-

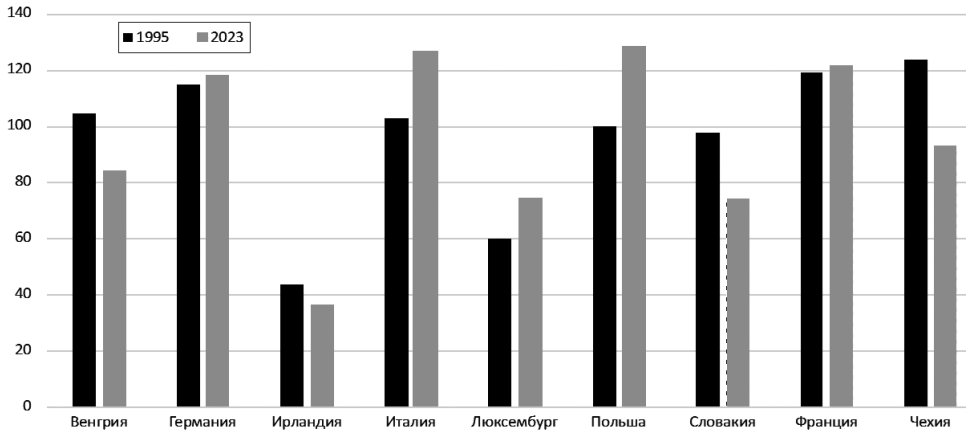

Источник: Unctad. RCA index. https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.RCA (дата обращения: 28.08.2025).

Рис. 1. Динамика максимального RCA в отдельных странах ЕС, 1995–2023 гг.

нию с другими странами. Особенно показательно положение Германии, чей максимальный RCA не превышал пяти. У Франции, например, отмечались периоды с RCA более десяти.

Однако позиции страны в совокупности определяются не только максимальной конкурентоспособностью того или иного вида товаров, но и количеством подобных товаров. В ЕС страны, где больше товаров с RCA>1, более экономически благополучны [15]. В этом отношении лидерство за крупнейшими экономиками: Польшей, Италией, Францией и Германией, у которых число товарных групп с RCA≥1 в настоящее время находится в пределах 118–128 (см. рис. 2). Кроме того, эти четыре страны, а также Люксембург увеличили число товаров с RCA≥1 по сравнению с серединой 1990-х гг. У Венгрии, Ирландии, Словакии и Чехии отмечается падение. Если принимать во внимание, что, во-первых, значение максимального RCA у всех вишеградских стран сократился практически вдвое в 2023 г. по отношению к 1995 г. (см. рис. 1), и они были таковыми единственными среди рассматриваемых государств (у других стран увеличение RCA составило 4,0–99,5%), и, во-вторых, число товарных групп с RCA≥1 также сократилось на 20% у трех из четырех вишеградских экономик (см. рис. 2), то сложно говорить о полной и успешной встроенности Венгрии, Словакии и Чехии во внешнеторговые связи Евросоюза. Исключение составляет, пожалуй, только Польша. Динамика RCA свидетельствует, что интеграция в ЕС негативно повлияла на их экспортные возможности, что расхо-

Источник: Unctad. RCA index. https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.RCA (дата обращения: 28.08.2025).

Рис. 2. Число товарных позиций (SITC Rev. 3 до третьего уровня классификации) с RCA≥1 в отдельных странах ЕС, 1995 и 2023 гг.

дится с общепринятыми представлениями. Вишеградские страны стали поставлять на внешние рынки менее конкурентоспособную продукцию и такой продукции стало меньше, то есть можно говорить о том, что эти государства стали более узкоспециализированными и растеряли часть своих экспортных возможностей. Частично это связано с изменением сфер их экспортной специализации.

Отраслевая специализация, характерная для наиболее конкурентоспособных экспортных товаров, не была постоянна для большинства рассматриваемых стран (см. табл. 2). Вследствие нового этапа развития и ориентации на внешних игроков и рынки ряд государств кардинальным образом поменяли свою экспортную специализацию. Наиболее наглядно это демонстрируют небольшие открытые экономики, сделавшие ставку в своем развитии на ТНК. В частности, Ирландия с конца 1990-х гг. переориентировалась на химическую продукцию, как наиболее конкурентоспособную в рамках своего экспорта, – это преимущественно соединения, состоящие из органических и неорганических веществ, нуклеиновые кислоты, эфирные масла, парфюмерные и ароматизирующие вещества. В Венгрии смена экспортной специализации обозначилась в конце 1990-х гг., когда страна начала переключаться на поставки машиностроительной продукции. С 2003 г. для машин и транспортного оборудования было характерно максимальное значение индекса выявленных сравнительных преимуществ. Исключения составляли отдельные годы, когда наибольший RCA отмечался у прочих промышленных товаров и промышленных товаров. Таковым стал и 2023 г. В Словакии машиностроительная продукция (приемники телевизионного сигнала) как ведущая экспорт-

Таблица 2

Номенклатура экспортной специализации отдельных стран ЕС (на основе максимального индекса RCA)

Страна	1995		2023	
	Сектор	Товары	Сектор	Товары
Венгрия	Сырье*	Древесное топливо и древесный уголь	Промышленные товары	Изделия из кожи
Германия	Химические вещества	Пластмассы в виде моноволокна	Химические вещества	Пластмассы в виде моноволокна
Ирландия	Пищевые продукты и живые животные	Пищевые продукты и препараты	Химические вещества	Эфирные масла, парфюмерные и ароматизирующие вещества
Италия	Промышленные товары	Строительные материалы из глины, огнеупорные строительные материалы	Промышленные товары	Прочие текстильные ткани
Люксембург	Промышленные товары	Пруток, катанка, ушки, профили и сортовой прокат из черных металлов	Промышленные товары	Рельсы и железнодорожные строительные конструкции из черных металлов
Польша	Минеральное топливо**	Кокс, полукокс	Минеральное топливо**	Кокс, полукокс
Словакия	Промышленные товары	Изделия из чугуна, нелегированной стали, получаемые плоской прокаткой	Машины и транспортное оборудование	Приемники телевизионного сигнала
Франция	Минеральное топливо**	Электрический ток	Сырье*	Растительные текстильные волокна
Чехия	Минеральное топливо**	Брикеты, лигнит, торф	Различные готовые изделия	Кинематографическая пленка

* сырье непродовольственное, кроме топлива.

** минеральное топливо, смазочные масла и аналогичные материалы.

Источник: Unctad. RCA radar plots. https://unctadstat.unctad.org/EN/RcaRadar.html (дата обращения: 28.08.2025).

ная позиция появляется с середины 2000-х гг., что сохраняется до сих пор. Однако в отдельные годы максимальный RCA был характерен для такого товара, как монеты. В Чехии минеральное топливо как наиболее конкурентный экспортный товар был заменен более сложной продукцией лишь с середины 2000-х гг. Максимальное значение индекса было характерно для промышленных товаров (рельсы и железнодорожные строительные конструкции из черных металлов) и химических веществ (взрывчатые вещества и пиротехнические средства), которые стали иногда вытеснять сырье. В 2010-е гг. к ним добавились прочие промышленные товары (кинематографическая пленка).

Таким образом, наиболее конкурентными экспортными товарами, согласно максимальному RCA, в отдельные годы являются товары за рамками традиционной ключевой отраслевой международной специализации некоторых стран. Например, вишеградские страны поставляют на экспорт в качестве наиболее конкурентной не автомобилестроительную продукцию, являющуюся одной из отраслей их специализации в рамках ЕС.

Оценка номенклатуры экспортной специализации на основе максимального RCA позволяет говорить о том, что наибольшей стабильностью в отношении конкурентоспособных экспортных поставок отличались Польша, Люксембург и Германия (см. табл. 2). У Польши кокс и полукокс были единственным главным экспортируемым товаром, согласно RCA, на протяжении последних 30 лет. Для Люксембурга свойственна неизменность основного сектора и даже групп товаров специализации на протяжении всех трех десятилетий. Для Германии было характерно в начале 2000-х гг. превалирование нефтяных газов и прочих газообразных углеводородов в качестве ключевого экспорта. Однако со второй половины 2000-х гг. вновь химическая продукция, преимущественно та же, что и в 1990-е гг., стала основной.

Франция и Италия как крупные экономики отличались разным уровнем стабильности в отношении экспортных потоков с максимальным RCA. Италия наиболее конкурентоспособна была в рамках промышленных товаров. Ее основная специализация – строительные материалы из глины, в отдельные 2000-е гг. – кинематографическая пленка. С 2010-х гг. страна переключилась на кожу, прочие текстильные ткани; мясо и готовые в пищу мясные субпродукты. Франция с 2000 г. поставляла непродовольственное сырье (растительные текстильные волокна), с 2010 г. – машины и транспортное оборудование (летательные аппараты и связанное с ними оборудование; космические летательные аппараты) или все то же непродовольственное сырье.

Таким образом, анализ номенклатуры экспортной специализации на основе максимального RCA (хотя и имеет ограничения в отношении полноты характеристики экспортной специализации) показывает, что

разные страны – члены ЕС демонстрируют неодинаковую динамику и разный характер специализации своих наиболее конкурентных экспортных товаров. Наиболее явно прослеживаются различия между крупными экономиками с меньшей степенью открытости и небольшими государствами, выстроившими логику своего экономического развития вокруг внешних игроков и рынков.

Отраслевая диверсификация экспорта

Другой важной характеристикой экспорта является его диверсификация, также способствующая экономическому росту [16; 17]. Согласно общеизвестным методам, степень диверсификации возможно оценивать с помощью индекса Херфиндаля–Хиршмана[8], отражающего степень продуктовой концентрации, и доли ключевых товаров в общем экспорте. Наравне с вышеуказанными показателями анализ номенклатуры ключевого экспорта позволит более комплексно посмотреть на процессы его диверсификации у отдельных стран ЕС.

Для европейских государств были характерны разные тенденции изменения степени диверсификации экспорта (см. табл. 3). Одну группу стран представляют те члены интеграционной группировки, диверсификация экспорта которых явным образом ослабла. Она представлена теми же открытыми экономиками, выявленными выше в рамках анализа RCA. У Венгрии, Ирландии, Словакии и Чехии значительно вырос индекс Херфиндаля–Хиршмана и доля пяти ключевых товаров в общем экспорте[9]. У всех вышеперечисленных стран индекс превышает 0,1, а у Словакии и Ирландии – 0,2, что свидетельствует о сравнительно высоком уровне концентрации в рамках экспортных потоков. Кроме того, у Ирландии доля пяти ключевых экспортных товаров в общем экспорте превышала 63%. При этом, как показывают исследования, вишеградские страны имели проблемы с диверсификацией экспорта и на этапе интеграции в ЕС [18].

Германию и Францию также вновь возможно отнести к одной группе. Они демонстрировали умеренное уменьшение диверсификации экспорта. При этом у обеих стран сравнимы как показатели индекса, так и доли ключевых товаров.

Третью группу представляют страны, где наблюдалось усиление диверсификации по тому или иному показателю. У Италии снизи-

[8] Индекс Херфиндаля–Хиршмана может принимать значение от 0, советующего минимальной концентрации, то есть максимальной диверсификации, до 1, соответствующей максимальной концентрации.

[9] Во многих случаях наблюдается практически удвоение показателей как по индексу Херфиндаля–Хиршмана, так и по доле в общем экспорте.

Таблица 3

Диверсификация экспорта отдельных стран ЕС

Страна	Количество товаров*		Индекс Херфиндаля–Хиршмана (индекс концентрации)		Ключевые товары, % от общего экспорта	
	1995	2023	1995	2023	1995	2023
Венгрия	249	253	0,056	0,121	15,2 прочее мясо; электромашины; поршневые двигатели; алюминий; женская одежда;	31,87 автомобили и пр. транспорт; электромашины; автодетали; медикаменты; приборы для электросхем
Германия	257	257	0,082	0,097	17,86 автомобили и пр. транспорт; автодетали; электромашины; приборы для электросхем; пр. машины и оборудование	24,23 автомобили и пр. транспорт; медикаменты; автодетали; мед. фарм. продукция; приборы для электросхем
Ирландия	239	246	0,169	0,290	39,15 машины для автообработки данных; и детали для них; соединения орг. / неогр.**; музыкальные инструменты; медикаменты	63,3 мед. фарм. продукция; соединения орг. / неогр.**; медикаменты; эфирные масла; медицинские инструменты
Италия	256	258	0,055	0,062	16,55 мебель; обувь; автомобили и пр. транспорт; пр. машины; автодетали	16,19 медикаменты; автомобили и пр. транспорт; нефтяные масла; автодетали; пр. машины
Люксембург	234	241	0,116	0,105	23,92 пруток, катанка; музыкальные инструменты; плоский прокат; пр. изделия из пластмасс; резиновые покрышки	26,19 пруток, катанка; резиновые покрышки; пр. изделия из пластмасс; спец. пряжа и ткани; автомобили и пр. транспорт

Окончание табл. 3

Страна	Количество товаров*		Индекс Херфиндаля–Хиршмана (индекс концентрации)		Ключевые товары, % от общего экспорта	
	1995	2023	1995	2023	1995	2023
Польша	249	254	0,080	0,063	24,48 мебель; уголь; женская одежда; медь; суда, катера	18,06 автодетали; электромашины; мебель; пр. изделия из пластмасс; автомобили и пр. транспорт
Словакия	228	249	0,092	0,256	23,03 плоский прокат; нефтяные масла и нефтепродукты; текстильная пряжа; бумага, картон; автодетали	43,97 автомобили и пр. транспорт; автодетали; телеком оборудование; приемники телевизионного сигнала; электромашины
Франция	258	258	0,060	0,070	18,33 автомобили и пр. транспорт; летательные аппараты; автодетали; алкогольные напитки; парфюмерия	20,45 летательные аппараты; медикаменты; автомобили и пр. транспорт; парфюмерия; двигатели и моторы
Чехия	249	253	0,045	0,134	14,24 сортовой прокат; автомобили и пр. транспорт; металлические изделия; электромашины; автодетали	34,94 автомобили и пр. транспорт; телеком оборудование; автодетали; машины по обработке данных; электромашины

* SITC Rev. 3 до третьего уровня классификации.

** соединения, состоящие из органических / неорганических веществ.

Источник: Unctad. https://unctadstat.unctad.org/datacentre/ (дата обращения: 28.08.2025).

лась доля ключевых товаров в экспорте, у Люксембурга – индекс Херфиндаля–Хиршмана, у Польши снизились оба этих показателя. При этом Польша и Италия демонстрируют большее сходство в характеристиках уровня диверсификации друг с другом. У обеих стран индекс около 0,06 и доля ключевых товаров ниже 20%.

Анализ номенклатуры лидирующих экспортных товаров показывает, что современными основными направлениями специализации ключевого экспорта рассматриваемых европейских государств являются машиностроение, химическая, легкая, деревообрабатывающая, пищевая промышленность, металлургия, ТЭК. Основной тенденцией в рамках номенклатуры ключевых экспортных товаров стало уменьшение ее диверсификации (см. табл. 3). Исключение составляют Германия и Люксембург, где, исходя из изменений номенклатуры пяти ключевых товаров, можно говорить о том, что важнейшие экспортные товары стали относиться к большему числу отраслей, чем в середине 1990-х гг.: в Германии исключительно машиностроительная продукция была дополнена фармацевтической, в Люксембурге – среди ключевого экспорта появилась текстильная продукция. У Франции сохранился тот же уровень. У остальных стран наблюдалась фактическая концентрация ключевых статей экспорта все в меньшем числе секторов. Наиболее ярким примером этого стала Словакия, которая в середине 1990-х гг. экспортировала продукцию следующих отраслей: металлургической, машиностроительной, химической, деревообрабатывающей, легкой промышленности, а сейчас – исключительно машиностроительную. Аналогичное превалирование одного сектора характерно и для Чехии. Чуть меньшая выраженность узкой специализации характерна для Венгрии и Ирландии. Тем самым, небольшие открытые экономики, сильно зависящие от иностранного капитала, фактически стали специализироваться на одной отрасли: в данном случае машиностроении или химической промышленности.

На уровне отдельных товаров большинство стран сохранили три из пяти ключевых экспортных продукта, независимо от секторальных тенденций. Наиболее кардинальным образом поменялись ключевые товары у Венгрии, Ирландии, Польши и Словакии – только один товар продолжает оставаться в числе ключевых, как и в середине 1990-х гг.

Заключение

Внешнеторговый сектор Евросоюза продолжает претерпевать значительные изменения. На фоне усиления интеграции в мировой рынок происходит ослабление его позиций и сохранение дисбалансов. Трансформируются как сами внешнеторговые потоки, так

и значение торговых партнеров, включая явное усиление позиций Китая, что, в свою очередь, угрожает экономической безопасности ЕС. Стремление Евросоюза к сохранению конкурентоспособности неотрывно связано с изменениями внешнеторгового сектора, особенно экспорта. Примеры отдельных европейских стран подтверждают, что существуют значительные расхождения в характеристиках их экспортных потоков. Явные различия прослеживаются между крупными и небольшими экономиками с разной степенью открытости. Крупные страны – члены ЕС отличаются умеренным увеличением диверсификации экспорта, пониженной конкурентоспособностью экспортных товаров, но при наличии большего числа подобных товаров. Малые открытые экономики, напротив, демонстрировали явное усиление концентрации в рамках экспортных потоков, падение высокой (по сравнению с 1990-е гг.) конкурентоспособности экспортных товаров и снижение их общего числа. Подобные страны становятся все более узкоспециализированными в своем экспорте. При этом сами экспортные товары становятся менее конкурентоспособными, что имеет место в отношении вишеградских стран, но не присуще Ирландии и Люксембургу, где конкурентоспособность выросла. В целом самые конкурентоспособные экспортные товары, согласно максимальному RCA, в отдельные годы не совпадают с традиционной ключевой экспортной международной специализацией отдельных стран. Разнонаправленная трансформация экспортных потоков стран-членов ЕС продолжится, оказывая влияние на позиции интеграционного объединения в целом.

ЛИТЕРАТУРА/ REFERENCES

1. *Оболенский В.П.* Турбулентность в международной торговле: реакция России // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. № 3. С. 60–77. [*Obolenskiy V.P.* Turbulence in international trade: Russia's reaction // The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2020. No. 3. Pp. 60–77. (In Russ.).] DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10029. EDN: TPVLUB.
2. *Портанский А.П.* ЕС – США: новые барьеры в торговле // Современная Европа. 2023. № 4. С. 119–131. [*Portanskiy A.P.* EU – US: new barriers to trade // Contemporary Europe. 2023. No. 4. Pp. 119–131. (In Russ.).] DOI: 10.31857/S020170832304006X. EDN: BWHUZR.
3. *Буторина О.В.* Торговля Евросоюза с Китаем: проблема дефицита // Современная Европа. 2023. № 7. С. 5–20. [*Butorina O.V.* EU trade with China // Contemporary Europe. 2023. No. 7. Pp. 5–20. (In Russ.).] DOI: 10.31857/S020170832307001X. EDN: RYBPYQ.
4. *Гладков И.С.* Внешнеторговые связи Европейского Союза: трансформация за первые 20 лет XXI века (2001–2020 гг.) // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2021. № 3 (31). С. 17–30. [*Gladkov I.S.* Foreign trade relations of the European Union: transformations for the first 20 years of the XXI

century (2001—2020) // Economic and socio-humanitarian research. 2021. No. 3 (31). Pp. 17–30. (In Russ.).] DOI: 10.24151/2409-1073-2021-3-17-30. EDN: AVGEAE.
5. *Загашвили В.С.* Мировая торговля в условиях кризиса глобализации // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68. № 11. С. 5–14. [*Zagashvili V.S.* World trade in the conditions of globalization crisis // World economy and international relations. 2024. Vol. 68. No. 11. Pp. 5–14. (In Russ.).] DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-11-5-14. EDN: CLOMVT.
6. *Singh T.* Does international trade cause economic growth? A survey // The World Economy. 2010. Vol. 33. No. 11. Pp. 1517-1564. DOI: 10.1111/j.1467-9701.2010.01243.x.
7. *Куликова Н.В.* Пандемия COVID-19: социально-экономические вызовы и ответные меры в странах Центрально-Восточной Европы в условиях европейской интеграции / Отв. ред. Н.В. Куликова. М.: ИЭ РАН, 2021. [*Kulikova N.V.* Pandemic COVID-19: Socio-Economic Challenges and Responses in the Central and Eastern European Countries in the Context of European Integration / Ex. editor N.V. Kulikova. M.: Institute of Economics of the RAS, 2021. (In Russ.).] EDN: SXSZNP.
8. *Balassa B.* Trade liberalization and "revealed" comparative advantage // The Manchester School. 1965. Vol. 33. No. 2. Pp. 99–123.
9. *Laursen K.* Revealed comparative advantage and the alternatives as measures of international specialization // Eurasian Bus Rev. 2015. No. 5. Pp. 99–115. DOI: 10.1007/s40821-015-0017-1.
10. *De Benedictis L., Tamberi M.* Overall specialization empirics: techniques and applications // Open economies review. 2004. No. 15. Pp. 323–346.
11. *Leromain E., Orefice G.* New Revealed Comparative Advantage Index: dataset and empirical distribution. CEPII Working Paper. 2013.
12. *Obadi S.M.* Revealed comparative advantage and competitiveness in the EU-28 and the USA // Economic Review. 2016. Vol. 45. No. 2. Pp. 243–259.
13. *Serin V., Civan A.* Revealed comparative advantage and competitiveness: a case study for Turkey towards the EU // Journal of Economic and Social Research. 2008. Vol. 10. No. 2. Pp. 25–41.
14. *Balogh J.M., Jambor A.* Determinants of revealed comparative advantages: the case of cheese trade in the European Union // Acta Alimentaria. 2017. Vol. 46. No. 3. Pp. 305–311. DOI: 10.1556/066.2016.0012.
15. *Adigwe E.O.* A Comparative analysis of competitive trade in a cluster market of the European Union: the Revealed Comparative Advantage (RCA) Index // Our economy. 2022. Vol. 68. No. 1. Pp. 14–24. DOI: 10.2478/ngoe-2022-0002.
16. *Dennis A., Shepherd B.* Trade Facilitation and Export Diversification // The World Economy. 2011. Vol. 34. No. 1. Pp. 101–122.
17. *Ribeiro A.P., Carvalho V., Santos P.* Export-led growth in Europe: Where and what to export? // The International Trade Journal. 2016. Vol. 30. No. 4. Pp. 319–344. DOI: 10.1080/08853908.2016.1197806.
18. *Ergum S.J., Yilmaz B.* The foreign trade pattern and foreign trade specialization of candidates of the European Union Ezoneplus / Jean Monnet Centre of Excellence. Working Paper No. 19. 2003.

Дата поступления рукописи: *10.11.2025 г.*
Дата принятия к публикации: *24.02.2026 г.*

,

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Четверикова Анна Сергеевна – кандидат экономических наук, руководитель Центра европейских исследований ФГБНУ «Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН», Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-4793-4145
chetverikova@imemo.ru

ABOUT THE AUTHOR

Anna S. Chetverikova – Cand. Sci. (Econ.), Head of the Center for European Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the RAS (IMEMO), Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-4793-4145
chetverikova@imemo.ru

THE EU FOREIGN TRADE: TRANSFORMATION OF EXPORT FLOWS

The article presents an analysis of foreign trade's development of the EU for the last decades. The main tendencies including the weakening of the EU positions in world trade are shown. Using the Revealed Comparative Advantage Index (RCA), trends in export competitiveness of the EU member states have been assessed. The key differences between groups of countries including the emergence of new leaders and relatively stable positions of large economies are identified. Based on RCA's dynamics the conclusion is made that the EU integration of the Visegrad countries hasn't had a clear positive effect on its export opportunities in terms of competitiveness. It is demonstrated that the most competitive export goods of the EU member states are not always goods of their main traditional global sector specialization. Taking into account three indicators (Herfindahl-Hirschman Index, share of key goods in total export, quantity of export goods) groups of countries with different tendencies in its export diversification are identified.

Keywords: *European Union, EU member states, foreign trade, export dynamics, competitiveness, export flow specialization, export flow diversification.*

JEL: F10.

Д.С. ЛЕСНОЙ
аспирант Института Европы РАН

СТРУКТУРНАЯ ДИВЕРГЕНЦИЯ И ОТРАСЛЕВАЯ СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ АРКТИЧЕСКИХ РЕГИОНОВ ЕС

В статье анализируется эволюция экономических структур арктических регионов Европейского союза – Северной и Восточной Финляндии, Среднего Норрланда и Верхнего Норрланда (Швеция) в сравнении с национальными экономиками в 2000–2023 гг. Определены сущностные черты северной периферии ЕС, проявляющиеся низкой плотностью населения, ресурсной зависимостью и ограниченной отраслевой диверсификацией. Рассчитаны показатели общей структурной дивергенции и коэффициенты локализации экономик регионов. Показано, что это создает основу для уточнения долгосрочных тенденций в смене отраслевой специализации. Результаты показывают, что все три региона сохраняют дифференцированные экономические отраслевые профили по сравнению с национальными экономиками. Сделан вывод о причинах расхождения структур вследствие глубокой специализации в сельском и лесном хозяйстве, рыболовстве, а также добывающих отраслях промышленности. Экономика Северной и Восточной Финляндии демонстрирует умеренную конвергенцию по отношению к экономике страны в целом, а также постепенную диверсификацию, Средний Норрланд – стабильное, но умеренное расхождение. На их фоне отраслевая структура Верхнего Норрланда является наиболее структурно нестабильной, что отражает глубокую зависимость от промышленности и чувствительность к циклам мирового рынка ресурсов. Автор делает вывод об инерционности путей развития в арктических регионах ЕС, сохранении ресурсозависимого характера экономик и «эффекта колеи», что осложняет реализацию структурной политики по диверсификации периферийных слабозаселенных территорий. Результаты исследования также позволят получить представление о сохраняющихся региональных сравнительных преимуществах и зависимости от ресурсов, которые являются ключевыми темами в области регионального экономического развития и исследований арктической политики.

Ключевые слова: *арктические регионы Европейского союза, структурная дивергенция, отраслевая специализация, зависимость от ресурсов, периферийные регионы.*

УДК: 332.1, 339.926

EDN: CIWKRO

DOI: 10.52180/2073-6487_2026_1_173_190

Введение

Вступление Финляндии и Швеции в Европейский союз (ЕС) в 1995 г. расширило территориальный охват Союза до Северного полярного круга и формально интегрировало некоторые из самых малонаселенных и географически отдаленных районов Европы в политические рамки ЕС. В ходе переговоров о вступлении был принят Протокол № 6[1], предоставляющий специальную поддержку из структурных фондов наименее густонаселенным регионам обеих стран. Этот протокол официально признал географические особенности северной периферии и включил их потребности в архитектуру политики сплочения ЕС. Это фактически институционализировало малонаселенные северные районы "Northern Sparsely Populated Areas" (NSPA)[2] в качестве признанной политической категории в рамках ЕС, создав прецедент для их рассмотрения в качестве отдельных периферийных регионов. В данном исследовании арктические регионы ЕС определяются как территории статистических единиц уровня NUTS 2[3] Северной и Восточной Финляндии, Верхнего Норрланда и Среднего Норрланда в Швеции соответствуют механизмам его региональной политики.

Арктические регионы Европейского союза занимают примерно 11%[4] от общей площади суши ЕС-27. В 2023 г. на них приходилось только 0,49%[5] его населения и 0,56%[6] его ВВП. Этот разительный контраст между пространственной протяженностью и демографическим и экономическим весом иллюстрирует глубокую территориальную асимметрию, которая определяет развитие арктических территорий

---

1 Протокол № 6 о специальных положениях в отношении цели 6 в рамках структурных фондов в Финляндии, Норвегии и Швеции (1994 г.) устанавливает временную цель 6 в рамках структурных фондов ЕС для поддержки регионов с чрезвычайно низкой плотностью населения (≤ 8 жителей/км²) в Финляндии, Норвегии и Швеции в 1995–1999 гг. https://eur-lex.europa.eu/eli/treaty/acc_1994/act_1/pro_6/sign/eng (дата обращения: 21.10.2025).

2 Northern Sparsely Populated Areas Network: https://www.nspa-network.eu/about-us/ (дата обращения: 21.10.2025).

3 NUTS (*Nomenclature des unités territoriales statistiques*) Номенклатура территориальных единиц для целей статистики. Иерархическая система стандартов для территориального деления стран в статистических целях. Уровень NUTS 2 используется ЕС как основной инструмент региональной политики для определения регионов, имеющих право на получения финансовой поддержки из структурных фондов.

4 Площадь по регионам NUTS 2 [Reg_area3] Евростат https://ec.europa.eu/eurostat (дата обращения: 21.10.2025).

5 Население на 1 января Регион NUTS 2 [demo_r_d2jan] Евростат https://ec.europa.eu/eurostat (дата обращения: 21.10.2025).

6 ВВП по текущим рыночным ценам по регионам NUTS 2 [nama_10r_2gdp] Евростат https://ec.europa.eu/eurostat (дата обращения: 21.10.2025).

ЕС. В экономическом плане они по-прежнему характеризуются высокой степенью зависимости от отраслей, основанных на природных ресурсах, в частности горнодобывающей промышленности, лесопользования, энергетики и металлообработки, в то время как наукоемкие и передовые секторы услуг играют сравнительно скромную роль [1]. В совокупности эти территории являются примером северной ресурсной экономики Европы, наделенной богатыми природными ресурсами, но сталкивающейся со структурными ограничениями. Их многолетняя зависимость от добывающих отраслей промышленности поддерживает конкурентоспособность, но усиливает зависимость от выбранного пути специализации и ограничивает диверсификацию. В литературе эти регионы часто представляются как периферийные и малонаселенные территории, сталкивающиеся с постоянными проблемами развития, что находит отражение в аналитических работах европейского исследовательского центра Нордрегио [2], а также в исследованиях Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) [3]. В российской литературе арктические регионы России характеризуются сходным образом, в том числе в работах Н.Ю. Замятиной и А.Н. Пилясова [4]. В других работах они описываются также как экономики, основанные на ресурсах, характеризующиеся ограниченной диверсификацией и структурной инерционностью, что показано в докладе Нордрегио, посвященном финскому региону Лапландии [5], а также в аналитическом материале ОЭСР по шведскому арктическому региону Норрботтен [6]. Сходные характеристики арктических регионов выявляются и в исследованиях российской Арктики, представленных в работе А.Н. Пилясова и А.В. Котова [7]. Несмотря на это, практически ни в одном исследовании не проводилась систематическая оценка того, как секторальный состав экономики арктических регионов ЕС с течением времени отклонялся от национального уровня или сближался к нему, а также какие отрасли промышленности способствовали формированию этих долгосрочных моделей дифференциации. Понимание этой динамики имеет решающее значение для интерпретации устойчивости, адаптивности и зависимости от выбранного пути развития региональных экономик Арктики ЕС. В данном исследовании не проводится прямая оценка политики сплочения, но она служит основой для понимания структурных характеристик и траекторий развития этих регионов[7].

В данном исследовании сделана попытка оценки отклонения секторальной структуры арктических регионов ЕС от структур соответству-

[7] Политика сплочения Европейского союза (Cohesion Policy) — система мер, направленная на повышение благосостояния регионов ЕС и сокращение межрегионального экономического разрыва.

ющих национальных экономик Финляндии и Швеции в долгосрочной перспективе, а также выявления отраслей, определяющих процессы структурной дивергенции. Анализ охватывает период 2000–2023 гг. и основан на данных о валовой добавленной стоимости (ВДС) по видам экономической деятельности. В методологическом плане исследование сочетает использование евклидова расстояния (*ED*) для измерения общей структурной дивергенции и коэффициента локализации (*LQ*) для выявления и интерпретации отраслевой специализации, формирующей эти различия.

Обзор литературы

Региональные экономики развиваются в результате динамичных и кумулятивных процессов структурных изменений. Они отражают взаимодействие экономических, географических и институциональных сил во времени. Структурные изменения означают постепенную реконфигурацию производственной базы экономики, изменение относительной важности отраслевых секторов (сельское хозяйство, промышленность, услуги и др.), по мере адаптации регионов к технологическому прогрессу, экономической интеграции и социальным преобразованиям. Пути регионального развития определяются исторической последовательностью инвестиций, фазами индустриализации, развитием институтов, которые создают устойчивые экономические модели [8]. Более ранние структурные конфигурации ограничивают последующую адаптацию, поскольку регионы опираются на унаследованные активы, а зачастую не развивают новые траектории. Подходы эволюционной экономики расширили эту точку зрения, утверждая, что региональная устойчивость и адаптивность зависят от пространственного распределения знаний, компетенций и возможностей [9]. Таким образом, экономические структуры различаются не только из-за внешних потрясений или политических вмешательств, но и потому, что регионы обладают разными способностями комбинировать и реорганизовать существующие ресурсы в новые производственные конфигурации.

В периферийных и ресурсозависимых регионах эти процессы взаимодействуют, усиливая значимость их специфичных черт развития. Ауты [10] определяет эту динамику как форму структурной зависимости, при которой обильные природные ресурсы создают сравнительное преимущество, но одновременно вытесняют другие секторы, приводя к тому, что он называет эффектом «ресурсного проклятия». Со временем изобилие ресурсов может закрепить регионы в сфере первичного производства, сделав их уязвимыми к колебаниям на мировых сырьевых рынках и сдерживая диверсификацию. Институциональные факторы усугубляют эти тенденции: слабые инновационные

сети, ограниченный обмен знаниями и относительная географическая изоляция усугубляют «институциональный голод», еще больше ограничивая способность экономик периферийных регионов осваивать более высокодоходные и наукоемкие виды деятельности [11]. Следовательно, хотя сочетание природных ресурсов и исторических моделей инвестирования обеспечивает прочную экономическую базу, оно также усиливает долгосрочную структурную устойчивость и неравномерную интеграцию в национальную и глобальную экономику.

Структурные изменения описывают сдвиг относительной важности секторов экономики в рамках региональной или национальной экономики [12]. Со временем регионы могут испытывать структурную конвергенцию, приводя свои отраслевые характеристики в соответствие с более широкими национальными тенденциями, или структурную дивергенцию, отражающую сохранение или усиление региональной специфики. Дивергенция может свидетельствовать о растущей специализации или структурной «жесткости», что в обоих случаях имеет последствия для региональной адаптивности и устойчивости [13]. В периферийных контекстах, таких как арктическая часть ЕС, структурная дивергенция часто является результатом сочетания ограниченного доступа к рынкам, низкой плотности населения и зависимости от узкого набора ресурсоемких секторов. В результате эти регионы могут оставаться экономически обособленными даже в условиях более широкого расширения сектора услуг или технологических преобразований в национальных экономиках.

Согласно концепции сравнительных преимуществ, регионы специализируются на производстве товаров, в которых они обладают относительными преимуществами в эффективности, которые могут быть обусловлены ресурсным обеспечением или затратами факторов производства [14]. Современное развитие новой экономической географии показывает, как экономия от масштаба и пространственная агломерация усиливают такие модели, приводя к географической концентрации отраслей [15]. В шведской и финской Арктике сравнительное преимущество исторически было связано с обильными запасами древесины, полезных ископаемых и гидроэнергии, которые сформировали как промышленную структуру, так и модели расселения. Однако с точки зрения эволюционной экономики сравнительные преимущества не являются статичными: они могут развиваться посредством обучения, инноваций и создания новых возможностей [16]. Там, где инновации слабы или институциональная поддержка диверсификации ограничена, природные ресурсы могут, напротив, закрепить регионы на исторически определенных путях развития.

Эта динамика отражена в концепции «зависимости от выбранного пути», которая подчеркивает, как исторические модели экономиче-

ской деятельности и институциональная структура ограничивают будущие варианты развития. Как впервые утверждал Давид [17], экономические системы могут оказаться «запертыми» в определенных технологиях или траекториях развития из-за самоусиливающихся механизмов. В региональном контексте эта блокировка может проявляться в виде укоренившихся производственных систем и жестких институциональных рамок, как показано в исследовании Грабхерьс [18] о промышленном спаде в Рурской области. Такая структурная инерция может ограничивать распространение знаний и снижать способность к промышленному обновлению, делая регионы уязвимыми для отраслевых потрясений или долгосрочного спада на рынках ресурсов [19]. Работы в области эволюционной экономической географии показывают, что для преодоления замыкания необходимо развитие связанного отраслевого разнообразия, рекомбинации существующих возможностей для создания новых отраслей или внешние вмешательства, поддерживающие передачу знаний и институциональные изменения [16]. Более того, воспринимаемое будущее влияние региональных акторов также может играть решающую роль в формировании и переориентации путей регионального развития [20].

Таким образом, структурная дивергенция и отраслевая специализация рассматриваются как взаимосвязанные аспекты региональной экономической эволюции. Под структурной дивергенцией понимается процесс расхождения между отраслевой структурой экономики региона и общенациональными показателями, что отражает как историческую траекторную зависимость, так и текущую адаптацию. Отраслевая специализация определяет, какие отрасли в наибольшей степени способствуют этой дивергенции, указывая, возникает ли отличие из-за зависимости от ресурсов, промышленного потенциала или расширения сектора услуг.

Основываясь на этих теоретических ожиданиях относительно устойчивой зависимости от исторического пути развития и сравнительных преимуществ, основанных на ресурсах, в исследовании выдвигается гипотеза о том, что арктические регионы ЕС в Финляндии и Швеции со временем стали более структурно отличаться от национальных экономик, что отражает продолжающееся доминирование секторов, основанных на ресурсах и производстве товаров.

Методология

Количественная оценка и сравнение структурных различий между арктическими регионами ЕС и их национальными экономиками, а также выявление отраслевых специализаций проводится в два этапа.

1. Измерение годовых изменений структурных различий (2000–2023 гг.) с использованием значений ED, основанных на доле секторальной валовой добавленной стоимости.

2. Анализ эволюции отраслевой специализации с помощью *LQ* с обобщением долгосрочных тенденций и использованием статистических показателей среднего значения, изменчивости и Trend Slope (β).

С помощью этих методов мы показываем, как экономика арктических регионов ЕС эволюционировала в структурно-экономическом плане на протяжении двух десятилетий и сравниваем с национальными траекториями. Анализ проводится на данных годовой валовой добавленной стоимости, выраженной в базовых ценах, классифицированной по разделам NACE Rev. 2.1 (A–U)[8] для регионов NUTS 2 Северной и Восточной Финляндии, Среднего Норрланда и Верхнего Норрланда. Соответствующие данные о ВДС на национальном уровне для Финляндии и Швеции были также получены из региональных экономических данных Евростата для обеспечения эталонных структур для сравнения[9]. Набор данных охватывает период 2000–2023 гг. и представляет полный спектр гармонизированных региональных экономических данных, доступных на момент написания. Все данные по ВДС были получены от Евростата, что обеспечивает сопоставимость между странами в соответствии с едиными бухгалтерскими определениями.

Использование ВДС оправдано ее способностью отражать производственную структуру региональных экономик, поскольку она представляет собой стоимость производства за вычетом промежуточного потребления, тем самым измеряя чистый вклад каждого сектора в экономику. Этот показатель дает прямое представление о том, какие отрасли генерируют стоимость и стимулируют региональный рост. Поэтому он является наиболее подходящим показателем для оценки структурных различий и специализации.

В исследовании используется синтез оценок *ED* и *LQ* для измерения структурных различий и отраслевой специализации между каждым арктическим регионом и соответствующей национальной экономикой. Для этой модели все значения ВДС были преобразованы в доли отдельных секторов в общей ВДС как для региональной, так и для национальной экономики, что обеспечило сопоставимость независимо от размера региона. В анализе используются классификации NACE Rev. 2.1 верхнего уровня для обеспечения согласованности и охвата всех стран и лет.

---

[8] NACE Rev. 2.1 – это действующая стандартная система классификации видов экономической деятельности, используемая в Европейском союзе, сопоставимая с российской ОКВЭД 2.

[9] Валовой добавленной стоимости по базовым ценам по регионам NUTS 2 [nama_10r_3gva] Евростат https://ec.europa.eu/eurostat (дата обращения: 16.10.2025).

Евклидово расстояние измеряет степень структурных различий между региональными и национальными экономическими структурами в каждом году, по формуле:

$$ED_t = \sqrt{\sum_{i=1}^{n} (s_{i,r,t} - s_{i,n,t})^2},$$

где $s_{i,r,t}$ и $s_{i,n,t}$ обозначают долю сектора i в общей ВДС для региона r и его национальной экономики n в момент времени t.

Более высокие значения ED указывают на большую дивергенцию (более выраженную региональную структуру), в то время как более низкие значения свидетельствуют о конвергенции в сторону национальной структуры. Эволюция ED в период 2000–2023 гг. дает долгосрочную оценку структурной дифференциации.

Коэффициент локализации измеряет отраслевую специализацию по отношению к национальной экономике, по формуле:

$$LQ_{i,t} = \frac{\left(\frac{s_{i,r,t}}{\sum_i s_{i,r,t}}\right)}{\left(\frac{s_{i,n,t}}{\sum_i s_{i,n,t}}\right)},$$

где $s_{i,r,t}$ и $s_{i,n,t}$ обозначают долю сектора i в общей валовой добавленной стоимости для региона r и его национальной экономики n в момент времени t.

$LQ > 1$ указывает на концентрацию (специализацию) выше среднего, а $LQ < 1$ обозначает недопредставленность. LQ рассчитывались ежегодно для всех доступных секторов и суммировались для каждого региона с использованием трех показателей:

Средний LQ – средний уровень специализации за период времени.

Стандартное отклонение (SD) – изменчивость или волатильность специализации.

Тренд специализации ($\beta_{\%\text{ в год}}$) – отражает направление и интенсивность изменения отраслевой специализации во времени. На первом этапе для каждого сектора и региона коэффициент линейного тренда (β) оценивался методом наименьших квадратов на основе годовых значений LQ за период 2000–2023 гг. На втором этапе данный коэффициент был масштабирован относительно среднего значения LQ за рассматриваемый период, что позволило выразить тренд в виде среднего годового процентного изменения.

$$\beta_{\%\text{ в год}} = \frac{\beta}{\overline{LQ}} \times 100.$$

Этот комбинированный подход обеспечивает двухуровневый взгляд на структурные изменения: *ED* отражает макроуровневые различия между региональными и национальными экономиками, а *LQ* показывают микроуровневую динамику секторов, определяющую эти различия. Двойная структура позволяет детально изучить, как и почему экономические структуры арктических регионов отличаются от своих национальных аналогов.

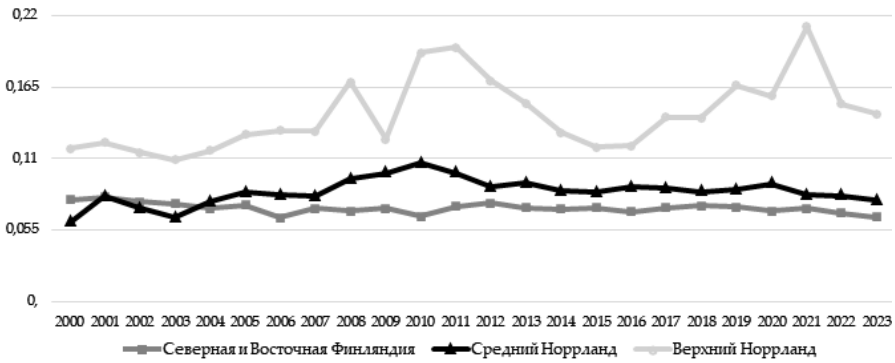
Анализ ограничен доступностью и уровнем агрегирования региональных данных в региональных счетах Eurostat. Он содержит агрегированные секторальные категории: (промышленность (кроме строительства и обрабатывающие производства)), (оптовая и розничная торговля, транспорт, деятельность в сфере размещения и питания), (профессиональная, научная и техническая деятельность; административная и вспомогательная деятельность), (государственное управление, оборона, образование, здравоохранение и социальная деятельность) и (искусство, развлечения и отдых; прочая деятельность в сфере услуг; деятельность домашних хозяйств и экстратерриториальных организаций и органов), что ограничивает детализацию внутри этих широких групп, особенно неудачным является отсутствие дезагрегированных данных по горнодобывающей промышленности. Более дезагрегированные данные доступны в Статистическом управлении Финляндии, но не в Статистическом управлении Швеции[10] . Несмотря на эти ограничения, набор данных Евростата остается наиболее полным и гармонизированным источником для межнационального анализа региональных структурных изменений в рамках ЕС.

Результаты

На рис. 1 представлена динамика *ED* между каждым арктическим регионом ЕС и его соответствующей национальной экономикой за период 2000–2023 гг. Значения *ED* измеряют степень структурного расхождения, то есть насколько экономическая структура каждого региона отличается от национального эталона в данном году.

На протяжении всего периода исследования значения *ED* остаются относительно высокими, что свидетельствует о том, что арктические регионы ЕС сохраняют отличные структурные профили по сравнению с национальными экономиками, поскольку даже самые низкие значения указывают на значительный уровень дифференци-

[10] Статистическое управление Швеции не публикует данные о валовой добавленной стоимости на уровне NUTS 2, а вместо этого публикует данные о валовом региональном внутреннем продукте (ВРВП), который не сопоставим с ВДС.

Источник: составлено автором по данным о валовой добавленной стоимости по базовым ценам по регионам [nama_10r_3gva] Евростат. https://ec.europa.eu/eurostat (дата обращения: 16.10.2025).

Рис. 1. Структурная дивергенция арктических субнациональных регионов ЕС, измеренная с использованием евклидового расстояния

ации. Северная и Восточная Финляндия характеризуется самыми низкими, но при этом достаточно стабильными значениями *ED*, которые находятся в диапазоне 0,064–0,080 и со временем демонстрируют небольшой спад, что указывает на умеренную конвергенцию с национальной структурой Финляндии. Средний Норрланд занимает промежуточное положение со значениями в диапазоне 0,060–0,107 и плавной тенденцией к росту, что соответствует постепенному отклонению от национальной структуры Швеции. Верхний Норрланд является наиболее структурно отличительным и наиболее нестабильным из трех регионов, его значения *ED* колеблются от 0,109 до 0,212, с четкой восходящей траекторией и несколькими выраженными пиками, особенно в 2008–2011 гг. и снова в 2021 г. Эти колебания указывают на то, что экономическая структура Верхнего Норрланда не только остается сильно отличающейся от среднего показателя по Швеции, но и с течением времени подвергается периодическим эпизодам усиления дифференциации, демонстрируя долгосрочное усиление расхождения.

Таким образом, арктические регионы ЕС по-прежнему демонстрируют устойчивую структурную специфику, несмотря на активную региональную политику, попытки развития инновационных производств с течением времени, что свидетельствует о четком градиенте структурной дифференциации между субнациональными регионами: Северная и Восточная Финляндия остаются наиболее интегрированными и конвергентными, Средний Норрланд демонстрирует умеренную и стабильную дивергенцию, а Верхний Норрланд – дивергенцию, но более нестабильную, что отражает постоянное и периодически

усиливающееся отклонение от национальной структуры. Этот вывод обеспечивает основу для следующего этапа анализа, в ходе которого с помощью анализа *LQ* исследуются секторальные источники дивергенции и региональные модели специализации.

Средние значения *LQ* описывают долгосрочный уровень отраслевой специализации, а *SD* отражает волатильность, а тренд ($\beta_{\%\text{ в год}}$) направление и темпы структурных изменений (см. табл. 1).

Таблица 1

Результаты анализа LQ для арктических регионов ЕС на основе годовых долей ВДС за период 2000–2023 гг.

Регион/ отрасль	Северная и Восточная Финляндия			Средний Норрланд			Верхний Норрланд		
	Среднее *LQ*	*SD*	$\beta_{\%\text{ в год}}$	Среднее *LQ*	*SD*	$\beta_{\%\text{ в год}}$	Среднее *LQ*	*SD*	$\beta_{\%\text{ в год}}$
Сельское хозяйство, лесоводство и рыболовство	2,07	0,06	0,30	2,68	0,40	0,78	1,69	0,26	–1,30
Промышленность (кроме строительства и обрабатывающие производства)	1,22	0,13	1,04	2,13	0,33	–1,27	4,01	0,66	1,64
Обрабатывающие производства	0,99	0,04	–0,20	0,88	0,08	0,21	0,79	0,09	1,10
Строительство	1,09	0,06	0,39	1,10	0,06	–0,10	1,17	0,06	–0,01
Оптовая и розничная торговля, транспорт	0,82	0,04	0,65	0,91	0,03	0,00	0,86	0,06	–0,15
Информация и коммуникации	0,50	0,06	–1,59	0,87	0,10	–0,34	0,72	0,18	–3,31
Финансовая и страховая деятельность	0,60	0,04	–0,24	0,73	0,06	–0,66	0,47	0,06	–1,73
Деятельность в сфере недвижимости	1,05	0,03	0,16	0,83	0,04	0,37%	0,67	0,07	–1,08
Профессиональная, научная и техническая деятельность	0,74	0,04	0,51	0,60	0,03	–0,25	0,68	0,05	0,28
Государственное управление, оборона, образование, здравоохранение и социальные услуги	1,21	0,03	–0,29	1,17	0,05	0,50	1,16	0,07	–0,67
Прочие услуги	1,01	0,07	–0,91	1,17	0,05	–0,14	0,91	0,05	–0,47

Источник: составлено автором по данным о валовой добавленной стоимости по базовым ценам по регионам [nama_10r_3gva] Евростат. https://ec.europa.eu/eurostat (дата обращения: 16.10.2025).

Результаты по всем трем регионам показывают устойчивую отраслевую дифференциацию по отношению к национальной экономике. Большинство секторов демонстрируют значения *LQ*, заметно отклоняющиеся от единицы, что указывает на устойчивую региональную специализацию, а не на полное структурное выравнивание. Ресурсоемкие и производственные секторы, в частности сельское хозяйство, лесоводство и рыболовство, а также промышленность (за исключением строительства и обрабатывающие производства) демонстрируют стабильно высокие средние значения *LQ* во всех арктических регионах, в то время как наукоемкие и финансовые услуги остаются значительно ниже средних показателей по стране.

Северная и Восточная Финляндия сохраняют стабильный, но зависимый от ресурсов отраслевой профиль, сформированный долгосрочными преимуществами в сфере первичной и промышленной деятельности и за счет неразвитости сферы услуг. Сектор сельского хозяйства, лесоводства и рыболовства остается наиболее доминирующей специализацией региона со средним *LQ* = 2,07 и очень низкой изменчивостью. Положительный наклон тренда подтверждает, что относительный вес этого сектора в региональной экономике со временем немного увеличился, усиливая структурную непрерывность ресурсной базы северной Финляндии. Вторая по значимости область концентрации, промышленность (за исключением строительства и обрабатывающие производства), также демонстрирует сильные позиции, но выделяется высокой волатильностью, являясь крупнейшей среди всех секторов Северной и Восточной Финляндии, с относительно сильной восходящей тенденцией. Эта комбинация факторов свидетельствует о том, что, хотя промышленная деятельность в целом увеличила свою относительную долю, это произошло неравномерно. Кроме того, значительно высокую специализацию демонстрирует также вид деятельности «государственное управление». Напротив, несколько секторов услуг остаются структурно недооцененными, причем информационно-коммуникационный сектор имеет самый низкий средний *LQ*, самую быструю тенденцию к снижению и низкую волатильность. Эта комбинация постоянного снижения и ограниченной изменчивости указывает на устойчивое, укоренившееся отставание в цифровых и технологически интенсивных видах деятельности, что позволяет предположить, что этот разрыв является скорее структурным, чем циклическим. Аналогичным образом, финансовая и страховая деятельность показывают небольшой спад ввиду недостаточной представленности. Профессиональные и административные услуги остаются ниже паритета, несмотря на небольшие положительные ежегодные сдвиги. Эти сектора в совокупности подчеркивают ограниченное распространение передовых бизнес-услуг в региональной экономике.

Средний Норрланд демонстрирует более поляризованный и волатильный секторальный профиль, определяемый сильной специализацией в деятельности, основанной на ресурсах, и меньшей долей в сфере передовых услуг. Сектор сельского хозяйства, лесоводства и рыболовства остается одной из наиболее выраженных сильных сторон региона, с высоким средним значением (LQ = 2,68) и относительно большой вариативностью, в то время как положительный наклон тренда указывает на то, что относительная значимость этого сектора со временем немного возросла, усилив зависимость региона от первичного производства. Промышленный сектор (за исключением строительства и производства) также демонстрирует значительную специализацию, но с высокой волатильностью и отрицательным наклоном тренда, что свидетельствует о том, что, хотя промышленность остается важной составляющей региональной экономики, ее относительный вклад постепенно снижается, отражая последствия реструктуризации и технологических изменений в перерабатывающей промышленности Швеции. Напротив, несколько секторов сферы услуг остаются структурно слабыми: информационно-коммуникационная деятельность, финансовая и страховая деятельность, а также профессиональные и административные услуги ограниченно присутствуют по сравнению со средними показателями по стране, с низкой волатильностью и умеренной стагнацией. Таким образом, в Среднем Норрланде наблюдается ограниченное распространение передовых бизнес-услуг и цифровых услуг, а структурные разрывы остаются в основном неизменными с течением времени.

Верхний Норрланд представляет собой наиболее концентрированную и нестабильную экономическую структуру среди арктических регионов ЕС, характеризующуюся крайней специализацией в промышленной деятельности и малой распространенностью секторов услуг. Промышленный сектор (за исключением строительства и обрабатывающие производства) доминирует в региональной экономике, с средним LQ = 4,01, высокой волатильностью и сильным положительным трендом, что подтверждает продолжающуюся и даже углубляющуюся зависимость от добычи полезных ископаемых, металлургии и энергоемкого производства. Это сочетание очень высокого значения LQ и большой изменчивости отражает структуру, которая является одновременно высокоспециализированной и чувствительной к внешним рыночным циклам, поскольку промышленное производство колеблется в зависимости от мирового спроса на сырьевые товары. Сектор сельского хозяйства, лесоводства и рыболовства также остается значительно выше национальной интенсивности, но демонстрирует тенденцию к снижению индекса интенсивности, что свидетельствует о постепенном сокращении его относительной доли. Напротив, в сфере услуг финансовая и страховая деятельность остается на

второстепенных позициях и продолжает демонстрировать тенденцию к снижению, что подчеркивает сохраняющийся разрыв в финансовом посредничестве. Информационные и коммуникационные услуги также недостаточно представлены и демонстрируют наиболее резкую отрицательную тенденцию (с относительно высоким *SD*), что указывает на устойчивое сокращение цифровых и наукоемких функций. Профессиональные и административные услуги остаются ниже паритета, несмотря на небольшой положительный сдвиг, в то время как другие рыночные услуги удерживаются на низком уровне.

Помимо уже устоявшейся тенденции к сильной специализации в сельском хозяйстве, лесном хозяйстве и рыболовстве, а также в промышленности (за исключением обрабатывающей промышленности и строительства) во всех регионах, прослеживаются и другие заметные закономерности. Строительство, государственное управление, образование и здравоохранение демонстрируют стабильную специализацию во всех арктических регионах ЕС, с показателями *LQ* около или чуть выше единицы и с небольшими колебаниями во времени, что отражает их стабильную и важную роль в региональной экономике. Напротив, профессиональные и административные услуги систематически недопредставлены: во всех регионах показатели *LQ* значительно ниже единицы и демонстрируют лишь минимальный рост, что подчеркивает постоянную слабость в сфере бизнеса и инновационной деятельности. Наиболее однородная тенденция наблюдается в информационно-телекоммуникационном секторе, а также финансах и страховании, которые недостаточно специализированы и переживают спад во всех регионах, причем отрицательные тенденции указывают на постепенное сокращение их и без того ограниченного присутствия. Эти закономерности показывают, что, хотя арктические регионы сохраняют стабильные позиции в строительстве и сфере общественных услуг, они имеют общий структурный разрыв в высокодоходных, наукоемких секторах, что усиливает их зависимость от традиционных и производственных видов деятельности и во многом объясняет их долгосрочное отклонение от национальных экономических структур.

Обсуждение

Результаты показывают, что арктические регионы не сближаются с национальными экономическими структурами, а сохраняют устойчивое и, в некоторых случаях, растущее отклонение. Это расхождение обусловлено прежде всего сильной и устойчивой специализацией в сельском хозяйстве, лесном хозяйстве, рыболовстве и промышленности (за исключением строительства и обрабатывающие производства), в то время как наукоемкие и финансовые услуги по-прежнему недоста-

точно представлены. В совокупности *эти выводы демонстрируют, что структурная особенность экономики арктических регионов ЕС не является временной, а уходит корнями в долгосрочные пути развития, основанные на использовании ресурсов.*

Можно говорить о глубоко укоренившейся зависимости от выбранного пути. Экономические структуры северных регионов Финляндии и Швеции развивались вокруг природных ресурсов, промышленной инфраструктуры и институциональных механизмов, которые усиливали существующие траектории развития. После своего создания эти секторы создают самоусиливающиеся преимущества за счет инвестиций, навыков и региональной идентичности, которые стабилизируют традиционные отрасли, но сдерживают диверсификацию [16; 17; 18]. В результате, экономики арктических регионов ЕС демонстрируют то, что Хассинк [19] описывает как жесткую устойчивость: эти регионы остаются продуктивными и стабильными, но при этом сопротивляются преобразованиям. Стабильность специализации, основанной на ресурсах, объясняет сохраняющееся структурное расхождение, наблюдаемое во всех трех регионах.

Слабое развитие наукоемких и финансовых услуг добавляет еще один слой к этой дивергенции. Во всех арктических регионах такие виды деятельности, как информация и коммуникации, а также финансовая и страховая деятельность, демонстрируют стабильно низкие и снижающиеся коэффициенты локализации. Это подтверждает феномен «институциональной нехватки» [11]: ограниченные инновационные сети, низкая плотность населения и низкий рыночный спрос сдерживают распространение передовых бизнес-услуг. Хотя строительство и общественные услуги обеспечивают занятость и стабильность на местном уровне, они не способствуют росту производительности или структурной модернизации. Результатом этого дисбаланса является сильная первичная и промышленная база, но слабые третичные структуры, что объясняет, почему арктические регионы не последовали за национальным сдвигом в сторону сервис-ориентированной экономики.

С эволюционной точки зрения, эти модели иллюстрируют региональную «зацикленность». Северная и Восточная Финляндия демонстрируют умеренную конвергенцию, что свидетельствует о некоторой адаптивной способности, связанной с децентрализованным управлением и инновационной политикой Финляндии. Однако Средний Норрланд и Верхний Норрланд по-прежнему глубоко укоренились в промышленной траектории развития. В частности, в Верхнем Норрланде чрезмерная концентрация в промышленных секторах и подверженность глобальным сырьевым циклам иллюстрируют региональный вариант «ресурсного проклятия» Ауты [10]: богатство ресурсов обеспечивает конкурентоспособность, но сдержи-

вает диверсификацию. Таким образом, факты указывают на то, что структурные различия углубились именно потому, что исторические основы экономики Арктики, добыча и переработка ресурсов остались доминирующими.

Заключение

В исследовании была выдвинута гипотеза, что арктические регионы ЕС в Финляндии и Швеции со временем стали более структурно отличаться от национальных экономик, что отражает продолжающееся доминирование ресурсоемких и товаропроизводящих секторов, и данные подтверждают эту гипотезу. Количественная оценка структурных различий и отраслевая специализация арктических регионов ЕС показала устойчивое и, в некоторых случаях, растущее отклонение от национальных экономических структур, что отражает сохраняющуюся зависимость от ресурсоемких секторов. Северная и Восточная Финляндия демонстрируют умеренную конвергенцию и диверсификацию, в то время как Средний и Верхний Норрланд остаются структурно отличными, причем последний демонстрирует выраженную волатильность, связанную с концентрацией промышленности. Во всех регионах наукоемкие и финансовые услуги остаются недоразвитыми, что подчеркивает структурный разрыв, ограничивающий долгосрочную адаптивность. *Эти выводы подтверждают, что сравнительное преимущество арктических регионов ЕС по-прежнему основано на природных ресурсах, а не на передовых отраслях*.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Gløмsrød S., Duhaime G., Aslaksen I.* (eds.) The Economy of the North – ECONOR 2025. Sustainable Development Working Group, Arctic Council. 2025.
2. *Gløersen E., Dubois A., Copus A., Schürmann C.* Northern Peripheral, Sparsely Populated Regions in the European Union and in Norway. Nordregio Report. 2006:2.
3. OECD. Navigating Global Transitions in European Arctic Regions: Lessons from 14 Northern Sparsely Populated Areas. OECD Regional Development Studies. OECD Publishing. 2025. DOI: 10.1787/a2de0bf6-en.
4. *Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н.* Российская Арктика: к новому пониманию процессов освоения. М.: URSS, 2019. [*Zamyatina N.Yu., Pilyasov A.N.* Russian Arctic: Towards a New Understanding of Development Processes. Moscow: URSS, 2019. (In Russ.).]
5. *Grunfelder J., Norlén G., Mikkola N., Rispling L., Teräs J., Wang S.* State of the Lapland Region. Nordregio. 2017.
6. OECD. Rethinking regional attractiveness in the Norrbotten County of Sweden. OECD Publishing. Regional Development Papers. 2023.
7. *Пилясов А.Н., Котов А.В.* Российская Арктика-2035: полимасштабный прогноз // Экономика региона. 2024. № 2. С. 369–394. [*Pilyasov A.N., Kotov A.V.* Russian

Arctic-2035: Multi-scale Forecast // Economy of Regions. 2024. No. 2. Pp. 369–394.] DOI: 10.17059/ekon.reg.2024-2-3. EDN: XEPSNM.
8. *Martin R., Sunley P*. Path dependence and regional economic evolution // Journal of Economic Geography. 2006. Vol. 6. No. 4. Pp. 395–437. DOI: 10.1093/jeg/lbl012.
9. *Boschma R*. Towards an evolutionary perspective on regional resilience // Regional Studies. 2015. Vol. 49. No. 5. Pp. 733–751. DOI: 10.1080/00343404.2014.959481.
10. *Auty R.M*. Resource abundance and economic development. Oxford University Press. 2001.
11. *Tödtling F., Trippl M*. One size fits all? Towards a differentiated regional innovation policy approach // Research Policy. 2005. Vol. 34. No. 8. Pp. 1203–1219. DOI: 10.1016/j.respol.2005.01.018.
12. *Chenery H.B*. Patterns of industrial growth // The American Economic Review. 1960. Vol. 50. No. 4. Pp. 624–654.
13. *Martin R*. Regional economic resilience, hysteresis and recessionary shocks // Journal of Economic Geography. 2012. Vol. 12. No. 1. Pp. 1–32. DOI: 10.1093/jeg/lbr019.
14. *Ricardo D*. On the principles of political economy and taxation. 1817.
15. *Krugman P*. Geography and trade. Cambridge. MIT Press. 1991.
16. *Boschma R., Frenken K*. Technological relatedness, related variety and economic geography. In: Cooke P., Asheim B., Boschma R., Martin R., Schwartz D., Tödtling F. (eds.) Handbook of regional innovation and growth. Edward Elgar. 2011.
17. *David P.A*. Clio and the economics of QWERTY // The American Economic Review. 1985. Vol. 75. No. 2. Pp. 332–337.
18. *Grabher G*. The weakness of strong ties: The lock-in of regional development in the Ruhr area. In: Grabher G. (ed.) The embedded firm: On the socioeconomics of industrial networks. Routledge, 1993. Pp. 255–277.
19. *Hassink R*. How to unlock regional economies from path dependency? From learning region to learning cluster // European Planning Studies. 2005. Vol. 13. No. 4. Pp. 521–535. DOI: 10.1080/09654310500107134.
20. *Grillitsch M., Sotarauta M*. Trinity of change agency, regional development paths and opportunity spaces // Progress in Human Geography. 2020. Vol. 44. No. 4. Pp. 704–723. DOI: 10.1177/0309132519853870.

Дата поступления рукописи: *10.11.2025 г.*
Дата принятия к публикации: *24.02.2026 г.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Лесной Денис Станиславович – аспирант Института Европы РАН, Москва, Россия
ORCID: 0009-0002-4589-598X
dlesnoygorbachev@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Denis S. Lesnoy – Postgraduate Student at the Institute of Europe of the RAS, Moscow, Russia
ORCID: 0009-0002-4589-598X
dlesnoygorbachev@gmail.com

STRUCTURAL DIVERGENCE AND SECTORAL SPECIALIZATION OF EU ARCTIC

The article analyses the evolution of economic structures in the Arctic regions of the European Union – Northern and Eastern Finland, Central Norrland and Upper Norrland (Sweden) – in comparison with national economies in 2000–2023. The essential features of the EU's northern periphery are established, manifested in low population density, resource dependence, and limited sectoral diversification. Indicators of overall structural divergence and localization coefficients of regional economies are calculated. The results show that all three regions maintain differentiated economic sector profiles compared to the national economies. A conclusion is made about the reasons for the structural divergence due to deep specialization in agriculture, forestry, fisheries and extractive industries. The economies of Northern and Eastern Finland show moderate convergence with the national economy as a whole, as well as gradual diversification, while Central Norrland exhibits stable but moderate divergence. Against this backdrop, the sectoral structure of Upper Norrland is the most structurally unstable, reflecting its deep dependence on extractive industry and sensitivity to global resource market cycles. Based on these results, the author concludes that there is inertia in the development paths of the EU's Arctic regions, with economies remaining resource-dependent and a 'treadmill effect' complicating the implementation of structural policies to diversify peripheral, sparsely populated territories. The results of the study also provide insight into the continuing regional comparative advantages and resource dependence, which are key topics in the field of regional economic development and Arctic policy research.

Keywords: *Arctic regions of the European Union, structural divergence, sectoral specialization, resource dependence, peripheral regions.*

JEL: R11, R12, F00.

ФИНАНСЫ

Ф.Е. БОБРОВНИК
магистрант экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

О.С. ВИНОГРАДОВА
кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов и кредита экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

А.Г. МИРЗОЯН
старший преподаватель кафедры экономики инноваций экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

СВЯЗЬ ПУБЛИКАЦИЙ ИНВЕСТИЦИОННЫХ TELEGRAM-КАНАЛОВ С ДОХОДНОСТЬЮ АКЦИЙ ПУБЛИЧНЫХ РОССИЙСКИХ КОМПАНИЙ

В данном исследовании представлены результаты анализа связи публикаций инвестиционных каналов с доходностью акций публичных российских компаний в контексте решения вопроса о необходимости регулирования инвестиционных Telegram-каналов, публикующих как финансовые новости, так и сигналы для инвесторов. Для анализа использовалась выборка из пяти российских каналов с рекомендациями, стратегиями и демонстрациями портфелей. Оценивалось влияние публикаций на доходность акций публичных компаний с использованием методов обработки текста, машинного обучения (метод опорных векторов, случайный лес, нейронные сети) и эконометрических подходов (модели авторегрессии, событийный анализ). Публикации классифицировались по четырем типам: без сигнала, сигнал о покупке, сигнал о продаже или удержании. Было выявлено, что в 11% случаев публикации с сигналом становились причиной изменения стоимости акций. Это подтверждает предположение о способности крупных инвестиционных каналов влиять на рынок, однако доля таких случаев невелика. Как следствие, авторы приходят к выводу, что потребность в жестком регулировании Telegram-каналов с точки зрения ограничения их влияния на финансовый рынок пока незначима.

Ключевые слова: *регулирование фондового рынка, динамика цен акций, инвестиционные сигналы, событийный анализ, избыточная доходность, российский фондовый рынок, влияние социальных сетей, частные инвесторы, Telegram-каналы, эконометрическое моделирование.*

УДК: 336.76, 004.9, 330.322

EDN: LBMQBG

DOI: 10.52180/2073-6487_2026_1_191_217

Введение

Инвестиционные Telegram-каналы охватывают широкую аудиторию, в основном состоящую из непрофессиональных частных инвесторов, не обладающих полноценными знаниями или опытом принятия решений на фондовом рынке[1]. Согласно изданию ТАСС, в 2025 г. доля физических лиц в объеме торгов акциями на Московской Бирже составила 70,7%[2]. Несмотря на то, что частные инвесторы обладают меньшим индивидуальным капиталом по сравнению с крупными игроками, множество частных инвесторов, чьи действия координируются сигналом о покупке или продаже акций, потенциально могут влиять на котировки финансовых инструментов[3]. Влияние подобных координированных действий частных инвесторов порождает вопросы о границе между коллективным поведением и рыночной манипуляцией.

Наличие манипулятивных действий было замечено не только в России, но и в других странах [2], вместе с этим регуляторами разных стран ведутся дискуссии о необходимости контроля деятельности Telegram-каналов[4] и определения правовой базы [17]. В настоящий момент ЦБ РФ отмечает важность регулирования, но указывает на наличие сложностей в доказательстве факта манипуляции[5].

Цель данного исследования заключается в определении влияния сигналов, публикуемых в инвестиционных Telegram-каналах, на доходность акций российских компаний и анализе необходимости регулирования деятельности инвестиционных Telegram-каналов. За последние несколько лет Telegram[6] стал набирать популярность у пользователей из Российской Федерации. По данным на второй квартал 2025 г. Telegram'ом пользуется 74% населения России старше 12 лет[7]. По мере

---

1 Фондовый рынок в персидских оттенках. Банковское обозрение.https://bosfera.ru/bo/fondovyy-rynok-v-persidskih-ottenkah (дата обращения: 29.01.2026).

2 ТАСС. Частные инвесторы в 2025 году вложили в ценные бумаги на Мосбирже 2,5 трлн руб. https://tass.ru/ekonomika/26148183 (дата обращения: 29.01.2026).

3 Невидимая рука рынка: как анонимы в Telegram научились двигать котировки и почему это опасно. https://www.forbes.ru/finansy-i-investicii/392643-nevidimaya-ruka-rynka-kak-anonimy-v-telegram-nauchilis-dvigat-kotirovki?ysclid=ln6k6u15ap782739114 (дата обращения: 29.01.2026).

4 Банк России. Обзор рисков финансовых рынков. 2023. № 7 (июль). https://cbr.ru/Collection/Collection/File/45205/ORFR_2023-07.pdf (дата обращения: 29.01.2026).

5 Мы решительно будем пресекать манипулирование на фондовом рынке. https://cbr.ru/press/event/?id=9680 (дата обращения: 29.01.2026).

6 Telegram представляет собой международную цифровую платформу, зарегистрированную за пределами Российской Федерации, однако широко используемую в российском информационном пространстве.

7 Mediascope Аудитория Telegram во втором квартале 2025: [Telegram канал]. https://t.me/mediascopedata/464 (дата обращения: 29.01.2026).

увеличения популярности данного мессенджера, в нем начали появляться различные каналы, в том числе каналы, посвященные инвестициям и экономике. Telegram-каналы обеспечивают возможность доступа к актуальной финансовой информации, на основе которой инвесторы могут принимать решения, т.е. новости способны передавать сигнал, инициирующий осуществление действий со стороны участников этих каналов, в частности, игроков фондового рынка.

Статья состоит из трех частей. В первой части приведен обзор научной литературы и сформулированы предположения исследования. Во второй части описана методология исследования и используемые данные. В третьей части представлены результаты, полученные с помощью эмпирических моделей.

Обзор литературы и гипотезы исследования

Влияние текстовой информации, в том числе финансовых, политических новостей и публикаций в социальных сетях, на фондовый рынок активно исследуется в научной литературе. Одна из первых работ [11], посвященных данной теме, определяет факторы, изменяющие цены акций. Авторы приходят к выводу, что треть различий в доходности акций обусловлена новостными публикациями. Аналогичные выводы получают авторы статей для региональных рынков [14] и для различных отраслей [16; 1]. Множество исследований, посвященных анализу «настроений новостей» [6; 12; 23], подтверждают гипотезы о значимом влиянии тональности новостей на изменение стоимости акций. В работах [9; 10; 30] исследователи отмечают, что публикации негативных новостей вызывают снижение цены акций, причем негативная информация распространяется быстрее позитивной [8]. В других исследованиях [7; 19] авторы приходят к выводу, что учет индикаторов настроений финансовых новостей повышает качество прогнозов будущих цен акций.

Социальные сети обладают значимым влиянием на изменение цен акций и криптовалюты [13; 22], причем наибольшее влияние отмечается у новостей, размещенных в Telegram [20]. Новости, публикуемые Telegram-каналами, основанными на стратегии искусственного изменения спроса и предложения на рынке криптовалюты, оказывают значимое влияние на изменение стоимости монеты и фактически манипулируют рынком [24; 25].

В работе, посвященной исследованию влияния Telegram на российский фондовый рынок [5], автор приходит к заключению, что Telegram-каналы оказывают значимое влияние на изменение стоимости акций российских компаний. О возможности воздействия подобных каналов на инвесторов и рынок еще в 2023 г. предупреждал Центральный Банк

РФ в обзоре рисков финансовых рынков[8]. В данном обзоре утверждается, что Telegram-каналы и блогеры предоставляют различные рекомендации своей аудитории, что приводит к увеличению вероятности принятия читателями канала конкретных инвестиционных решений.

Вопрос о необходимости регулирования деятельности в социальных сетях, влияющей на динамику фондового рынка, стоит перед регуляторами разных стран [28; 29]. Например, в США Комиссия по ценным бумагам и биржам (SEC) является основным регулятором, занимающимся предотвращением манипуляций на фондовом рынке, включая те, которые осуществляются через социальные сети. Комиссия по ценным бумагам и биржам обладает возможностью проводить расследования о фактах манипуляции на фондовом рынке и подавать в суд на нарушителя, как, например, произошло с сообщениями Илона Маска и компанией Tesla[9]. Также после событий с компанией GameStop в 2021 году [2] Комиссии пришлось адаптировать подход к регулированию, рассматривая социальные сети как новый канал влияния на рынок. Китайская комиссия по регулированию ценных бумаг (CSRC) ведет активный мониторинг манипуляций на фондовом рынке, применяя в том числе машинное обучение для выявления подозрительных торговых схем, связанных с резкими скачками цен на фоне информационных вбросов. Уже в 2014 и 2016 гг. данной CSRC были введены санкции против брокеров и трейдеров, использовавших соцсети для распространения ложных новостей [29]. В Европейском Союзе действует Регламент о рынке финансовых инструментов MiFID II[10], который регулирует финансовую рекламу, включая влияние социальных сетей. В Великобритании Управление по финансовому регулированию (FCA) требует, чтобы инвестиционные советы в соцсетях содержали явные дисклеймеры, предотвращающие введение инвесторов в заблуждение[11]. Заметно наличие общей мировой тенденции, состоящей в том, что регуляторы начинают учитывать влияние социальных сетей, однако отсутствует унифицированный подход к регулированию.

Авторы различных исследований указывают на необходимость контроля за деятельностью социальных сетей – в противном случае послед-

[8] Банк России. Обзор рисков финансовых рынков. 2023. № 7 (июль). https://cbr.ru/Collection/Collection/File/45205/ORFR_2023-07.pdf (дата обращения: 29.01.2026).

[9] Elon Musk Settles SEC Fraud Charges; Tesla Charged With and Resolves Securities Law Charge [сайт]. https://www.sec.gov/newsroom/press-releases/2018-226 (дата обращения: 29.01.2026).

[10] MiFID II Compliance Checklist: Everything You Need to Do [сайт]. https://info.complylog.com/ebook-mifid-ii-compliance-checklist (дата обращения: 29.01.2026).

[11] UK watchdog interviews 20 social media 'finfluencers' under caution [сайт]. https://www.theguardian.com/business/2024/oct/22/uk-watchdog-interviews-20-social-media-finfluencers-under-caution (дата обращения: 29.01.2026).

ствия могут быть соизмеримы с результатом манипуляций на криптовалютном рынке [27]. Основные рекомендации авторов сводятся к повышению уровня финансовой грамотности инвесторов [2; 17; 27; 4], что особенно актуально для российского фондового рынка, среди участников которого высока доля частных инвесторов. Также рекомендуется четкое определение понятия манипуляции, усиление контроля за обсуждениями в социальных сетях и использование современных технологий, таких как искусственный интеллект, для мониторинга информационного фона.

В своем исследовании мы называем публикациями, содержащими сигнал, такие публикации инвестиционных Telegram-каналов, в которых могут содержаться рекомендации о покупке или продаже ценных бумаг, собственные стратегии инвестирования авторов, демонстрация собственных сделок или состава портфеля. В качестве сигналов рассматривается прямое указание на покупку, продажу или удержание некоторого актива («$UWGN...не стоит торговать этой акцией»[12]), утверждение о недооценке или переоценке некоторого актива («Акции МТС (MTSS) рекордно переоценены относительно ОФЗ, могут упасть на 10%»), утверждение о направлении будущего роста цены некоторого актива («Whoosh (WUSH): справедливая цена 315 руб. за акцию, потенциал роста +50%»), собственные торговые сделки авторов («$ROSN закрыл около нуля всю позицию»), собственные составы портфелей авторов («Из позиций сейчас удерживаю $MGTSP $AMEZ $AFKS...»), личное мнение авторов о некотором активе («$MGNT...позицию держу, думаю можем пойти выше»), советы о том, на какие активы стоит обратить внимание («Прошу вас обратить внимание на акции Совкомфлота. Сегодня они растут на рекордных оборотах аж на 4,5%»).

Появление публикаций, содержащих сигнал, может объясняться несколькими причинами. С одной стороны, публикация торговых стратегий может повлечь за собой приток новой аудитории в канал, что позволит авторам монетизировать канал, предлагая платные курсы или выставляя в канале рекламу. С другой стороны, возможны попытки манипулирования ценой для получения выгоды от спекуляции акциями. В отчете ЦБ РФ[13] указано, что существуют как случаи целенаправленного создания ценового тренда с помощью Telegram-каналов, так и случаи, в которых существующему событию в ходе его освещения добавляется массовости. В таком случае потенциальными выгодоприобретателями оказываются авторы каналов: они могут извлечь выгоду за счет покупки актива по цене, предшествующей появлению тренда, и продажи данного актива по завышенной стоимости позже.

[12] Приведенные в этом предложении примеры взяты из собранных нами данных.

[13] Банк России. Обзор рисков финансовых рынков. 2023. № 7 (июль). https://cbr.ru/Collection/Collection/File/45205/ORFR_2023-07.pdf (дата обращения: 29.01.2026).

Гипотеза 1. *Частота публикаций, содержащих сигнал о покупке (продаже), положительно (отрицательно) связана с доходностью цен акций российских публичных компаний.*

С одной стороны, публикации способны оказывать влияние на изменение стоимости акций из-за крупной аудитории непрофессиональных частных инвесторов, воспринимающих публикацию как руководство к действию. С другой стороны, сами публикации могут быть следствием рыночных тенденций и возникать в ответ на изменение цен акций. Сигналы о покупке акций могут быть связаны с ростом цен следующим образом: если аудитория инвестиционных Telegram-каналов воспринимает подобную публикацию как призыв к действию, это приведет к увеличению спроса на данную акцию и росту ее цены. И наоборот, при появлении тенденции к росту цены акции, авторы Telegram-каналов сообщают об этом своей аудитории – в таком случае увеличение цены может быть причиной возникновения публикации, содержащей сигнал о покупке. При этом сигнал об удержании может быть связан как с падением, так и с ростом цен: если он является следствием роста или падения цен, то его появление должно нивелировать наблюдающуюся тенденцию. Если же он появляется независимо от динамики цен акций, то он не должен оказывать воздействие на рынок. Исходя из этого, мы не выдвигаем отдельной гипотезы связи частоты публикаций, содержащих сигнал к удержанию, с доходностью акций. Для проверки первой гипотезы мы строим авторегрессионные модели с экзогенными переменными (Autoregressive Integrated Moving Average with Exogenous variables, далее – ARIMAX) на дневных данных.

Гипотеза 2. *Появление публикации, содержащей сигнал о покупке (продаже), приводит к появлению положительной (отрицательной) избыточной доходности акций российских публичных компаний*. Данная гипотеза проверяется при помощи событийного анализа с использованием минутных данных. Мы принимаем данную гипотезу, если как минимум в 25% случаев появление публикаций, содержащих сигнал, предшествует возникновению избыточной доходности (при этом до появления сообщения избыточная доходность отсутствует).

Таким образом, на основе результатов, полученных при проверке выдвинутых гипотез, данное исследование стремится дать ответ на вопрос о необходимости регулирования действий инвестиционных Telegram-каналов в России.

Описание данных и методология исследования

Для проведения исследования было отобрано пять инвестиционных Telegram-каналов. При отборе каналов использовались следующие критерии: 1) в канале присутствует более 40 тысяч подписчиков; 2) публи-

куются не только финансовые новости, но и собственные рекомендации, советы или мнения по поводу акций российских компаний; 3) настройки приватности канала позволяют выгрузить публикуемые сообщения за рассматриваемый период; 4) канал существует на протяжении как минимум двух лет. Информация о каждом канале приведена в Приложении в табл. П1. Сбор всех публикаций осуществлялся с помощью алгоритма получения текстовых данных[14] на языке программирования Python. Был создан корпус, в котором насчитывается 63938 публикаций.

В данном исследовании вводятся четыре класса публикаций по характеру их содержания: 1) новостная публикация, не содержащая сигнал; 2) публикация, содержащая сигнал о покупке актива; 3) публикация, содержащая сигнал о продаже актива; 4) публикация, содержащая сигнал об удержании актива.

Для исследования были отобраны исторические данные о ценах акций семи публичных российских компаний: АК «Алроса» (ПАО) – ALRS, МКПАО «Яндекс» – YDEX, ПАО «ГК Самолет» – SMLT, ПАО «Сбербанк» – SBER, МКПАО «Озон» – OZON, ПАО «ЛУКОЙЛ» – LKOH, ПАО «НК Роснефть» – ROSN в период с самой ранней публикации инвестиционных Telegram-каналов – 5 апреля 2017 года – до 13 октября 2023 г., причем число наблюдений для разных компаний отличается по причине того, что некоторые компании начали размещать акции на бирже позже, чем другие (см. табл. 1).

Таблица 1

Список компаний

Название компании	Тикер	Количество публикаций	Количество публикаций, содержащих сигнал		
			покупка	продажа	удержание
АК «Алроса» (ПАО)	ALRS	716	15	13	5
МКПАО «Яндекс»	YDEX	1285	29	10	6
ПАО «ГК Самолет»	SMLT	916	28	4	0
ПАО «Сбербанк»	SBER	2941	31	11	3
МКПАО «Озон»	OZON	682	8	3	1
ПАО «ЛУКОЙЛ»	LKOH	1554	30	10	6
ПАО «НК Роснефть»	ROSN	1169	22	20	12

Примечание: под количеством публикаций подразумевается общее число публикаций, содержащих упоминание о компании.
Источник: составлено авторами.

[14] Написание алгоритма происходило на основе статьи: https://skillbox.ru/media/code/parsim-dannye-v-telegram-na-python-chast-1/?ysclid=ltfyvn7vyq10805914 (дата обращения: 29.01.2026).

В выборку попали те компании, для которых насчитывалось достаточное для анализа количество публикаций в рассматриваемых Telegram-каналах (минимум 500 публикаций с упоминанием компании, из которых как минимум три публикации с сигналом о покупке и три публикации с сигналом о продаже). С помощью сервиса «Финам.ру»[15] для каждой компании из списка были выгружены как дневные цены за выбранный период, так и минутные за тот же период, если в этот период акции компании размещались на публичных торгах. В качестве дневной цены использовалась цена закрытия торгов, в качестве минутных цен использовалась цена на момент окончания минуты. Цены акций всех компаний были переведены в доходности. Для каждой компании временной ряд доходности акций прошел проверку на стационарность на 1% уровне значимости.

Каждая публикация была разделена на отдельные слова (токенизация), были удалены знаки препинания и стоп-слова (слова, не несущие смысловой нагрузки, например, союзы, предлоги, вспомогательные слова), полученные слова были приведены к словарной форме (лемматизация). Затем была произведена векторизация текста на основе значений частоты упоминания термина в публикации и частоты упоминания термина во всем корпусе публикаций (Term Frequency – Inverse Document Frequency / TF-IDF), аналогично подходу [21]. После была создана обучающая выборка из 1000 публикаций, каждой из которых вручную присваивался класс на основании ее содержания. В случае если публикация не несла никакого сигнала по отношению к какой-либо акции, такой публикации присваивался класс, согласно которому публикация считается обычной новостной публикацией, не содержащей сигнал, такой же подход применялся в работе [25]. На основе полученных векторизованных публикаций и вектора классов был использован алгоритм случайного леса (Random Forest) для выявления 100 слов, наиболее влияющих на вероятность попадания публикации в тот или иной класс. Случайный лес представляет собой ансамбль деревьев решений. Каждое дерево строится на отдельной подвыборке и определяет вероятность, с которой конкретная публикация содержит сигнал определенного вида. После построения отдельных деревьев их прогнозы усредняются. Список наиболее влиятельных слов представлен в Приложении в табл. П2. Отдельное слово не позволяет идентифицировать сигнал в публикации, однако, наличие определенных слов повышает вероятность того, что публикация содержит сигнал [22]. Для определения класса не размеченных вручную публикаций

[15] Экспорт котировок Финам.ру. https://www.finam.ru/quote/forts/rts/export/?ysclid=lu4687syxx856266784 (дата обращения: 29.01.2026).

использовались модели машинного обучения: метод опорных векторов (Support Vector Machine / SVM), случайный лес и нейронные сети [18; 31]. Метод опорных векторов основан на поиске границы, которая на основе текстовых признаков наилучшим образом разделяет публикации, содержащие различные виды сигналов. Все используемые модели машинного обучения относятся к классу классификаторов, задача которых заключается в присвоении каждой публикации одного из классов. Каждый алгоритм использовал размеченную вручную выборку в качестве тренировочных данных, на которых модель определяла связь между текстовыми признаками публикаций и соответствующими классами сигналов. На основе обученных моделей были определены типы сигналов в оставшихся публикациях. В результате создавались прогнозы значений-классов для всех остальных публикаций (не попавших в выборку обучения) с помощью объединения результатов выбранных алгоритмов: публикации присваивался тот класс, который был выбран большинством моделей, а в случае разногласия всех трех моделей выбирался класс, предсказанный методом опорных векторов из-за наиболее высокой точности прогнозов данного метода. Также после получения прогнозных значений все публикации, отнесенные в класс содержащих сигнал, были вручную проверены на предмет отсутствия неверно определенных публикаций.

Для проверки поставленных гипотез использовались модели авторегрессии с экзогенными переменными (ARIMAX) на дневных данных и событийный анализ на минутных данных. Для моделей авторегрессии в качестве зависимой переменной использовалась доходность акций компании, в качестве независимых переменных использовались переменные, соответствующие количеству появлений публикаций, содержащих сигнал соответствующего класса, в течение дня, дневная доходность индекса Московской Биржи, темп прироста дневного объема торгов акций, цена за баррель нефти марки Brent, обменный валютный курс USD/RUB, доходность государственных облигаций (ОФЗ). Включение доходности индекса Московской Биржи необходимо для учета рыночной доходности, остальные переменные используются в качестве контрольных [3; 26], поскольку отражают ключевые макроэкономические и рыночные условия, влияющие на ценообразование, их включение позволяет точнее выделить эффект интересующего нас события. Объем торгов может служить индикатором ликвидности и изменяющихся настроений инвесторов, цена нефти напрямую влияет на экономику России и акции сырьевых компаний, курс USD/RUB отражает влияние валютных колебаний на стоимость активов, особенно для экспортеров и импортеров, а доходность ОФЗ определяет альтер-

нативную стоимость капитала, влияя на привлекательность фондового рынка[16,17].

Спецификация ARIMAX моделей имеет следующий вид:

$$r_t = \delta + \sum_{i=1}^{p} \alpha_i r_{t-i} + \sum_{j=1}^{q} \beta_j \varepsilon_{t-j} + \gamma_1 buy_t + \gamma_2 sell_t + \gamma_3 hold_t + \theta_1 r_t^m + \theta_2 v_t + \\ + \theta_3 oil_t + \theta_4 usd_t + \theta_5 bond_t + \varepsilon_t, \quad (1)$$

где r_t – доходность акций компании в день t, $\sum_{i=1}^{p} \alpha_i r_{t-i}$ – прошлые значения доходностей, p – порядок авторегрессии, ε_t – случайная ошибка, $\sum_{j=1}^{q} \beta_j \varepsilon_{t-j}$ – прошлые значения случайных ошибок, q – порядок скользящего среднего, buy_t – количество публикаций, содержащих сигнал о покупке акций данной компании, вышедших в день t, $sell_t$ – количество публикаций, содержащих сигнал о продаже акций данной компании, вышедших в день t, $hold_t$ – количество публикаций, содержащих сигнал об удержании акций данной компании, вышедших в день t, r_t^m – дневная доходность индекса Московской Биржи в день t, ν_t – темп прироста объема торгов акций некоторой компании в день t, oil_t – темп прироста цены за баррель нефти марки Brent в день t, usd_t – темп прироста обменного валютного курса USD/RUB в день t, $bond_t$ – темп прироста доходности государственных облигаций (ОФЗ) в день t.

При проведении событийного анализа датой реализации события считался момент выхода публикации, содержащей сигнал. Для определения оптимального размера событийного окна рассматривались различные значения, в результате чего событийное окно было установлено на уровне 15 минут, поскольку за это время рынок успевает отреагировать на событие, при этом вероятность появления в событийном окне другого события, способного повлиять на изменение доходности, ниже, чем при более широких окнах. Для каждого события проводился контроль на отсутствие в событийном окне новостных публикаций, в которых упоминается выбранная компания, аналогичная процедура осуществлялась в работе [15]. В случае появления в событийном окне новостной публикации, содержащей упоминание о компании, к которой относится событие, может возникнуть смещение эффекта из-за реакции инвесторов на новостную публикацию. Для получения эффекта от появления публикации, содержащей сигнал, из общей

[16] Банк России. Обзор рисков финансовых рынков. 2024. № 1 (январь). https://www.cbr.ru/collection/collection/file/48852/orfr_2024-01.pdf (дата обращения: 29.01.2026).

[17] Банк России. Обзор рисков финансовых рынков. 2023. № 11 (ноябрь). https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/46675/ORFR_2023-11.pdf (дата обращения: 29.01.2026).

выборки удалялись события, в событийных окнах которых появлялись новостные публикации, содержащие название или тикер компании. Контроль появления новостных публикаций осуществлялся на основании Telegram-канала РБК[18].

Для проведения событийного анализа на первом шаге доходности акций были «очищены» от влияния изменений, затрагивающих рынок в целом. Для этого рассчитывается избыточная доходность, определяемая как остатки модели парной регрессии, где в качестве независимой переменной выступает доходность индекса Московской Биржи (рыночная доходность), а в качестве зависимой – доходность акций некоторой компании (формула 2).

$$AR_{i,t} = r_{i,t} - (\hat{\alpha} + \hat{\beta} r_t^m), \tag{2}$$

где $AR_{i,t}$ – избыточная доходность (abnormal return) актива i в момент времени t, $r_{i,t}$ – доходность актива i в момент времени t, r_t^m – рыночная доходность в момент времени t, $\hat{\alpha}$, $\hat{\beta}$ – оцененные коэффициенты модели парной регрессии с зависимой переменной $r_{i,t}$ и регрессором r_t^m.

Затем вычисляется накопленная избыточная доходность:

$$CAR_{t_1:t_2} = \sum_{i=t_1}^{t_2} AR_i, \tag{3}$$

где $CAR_{t_1:t_2}$ (cumulative abnormal return) – накопленная избыточная доходность на окне $t_1 : t_2$, AR_i – избыточная доходность в момент времени i.

Проверка значимости эффекта, полученного с помощью событийного анализа, происходит на основе расчета t-критерия Стьюдента.

$$t_p = \frac{CAR_{t_1:t_2}}{SE(CAR_{t_1:t_2})}, \tag{4}$$

где t_p – расчетное значение t-критерия Стьюдента, $CAR_{t_1:t_2}$ – оцененное значение накопленной избыточной доходности на окне $t_1 : t_2$, $SE(CAR_{t_1:t_2})$ – стандартное отклонение оценки накопленной избыточной доходности на окне $t_1 : t_2$.

Для расчета стандартного отклонения используются значения доходности в обучающем окне.

$$SE(CAR_{t_1:t_2}) = \sigma \sqrt{t_2 - t_1 + 1}, \tag{5}$$

где $SE(CAR_{t_1:t_2})$ – стандартное отклонение оценки накопленной избыточной доходности на окне $t_1 : t_2$; σ – среднеквадратическое отклонение избыточной доходности на обучающем окне.

[18] Telegram-канал РБК. https://t.me/s/rbc_news (дата обращения: 29.01.2026).

$$\sigma = \sqrt{\frac{1}{t_1 - 1}\sum_{i=1}^{t_1-1}(AR_i - \overline{AR})^2}, \quad (6)$$

где t_1 – левая граница событийного окна, AR_i – избыточная доходность в момент времени i, $\overline{AR}$ – среднее значение избыточной доходности на обучающем окне.

Учитывая большое количество анализируемых событий, мы не только рассматриваем каждое событие отдельно, но и переходим к анализу связи между всеми событиями одного вида сигнала и доходностями акций конкретной компании. Для этого все сигналы группируются по виду, и для каждого сочетания сигнал/компания вычисляется средняя избыточная доходность, а затем накопленная средняя избыточная доходность:

$$AAR_{it} = \frac{1}{K}\sum_{k=1}^{K} AR_{ikt}, \quad (7)$$

где AAR_{it} – средняя избыточная доходность актива i в момент времени t, AR_{ikt} – избыточная доходность для актива i в момент времени t для события k, K – число событий.

$$CAAR_{it_1:t_2} = \sum_{t=t_1}^{t_2} AAR_{it}, \quad (8)$$

где $CAAR_{it_1:t_2}$ – средняя накопленная избыточная доходность для компании i на окне $t_1 : t_2$, AAR_{it} – средняя избыточная доходность актива i в момент времени t.

Доверительные интервалы вычисляются при помощи многократного создания выборок из исходных данных (bootstrap) следующим образом: для каждого момента времени t создается набор избыточных доходностей из исходных данных, а затем рассчитывается средняя избыточная доходность, процедура повторяется 1000 раз. После получения вектора средних значений вычисляются квантили порядка 0,025 и 0,975 для построения 95% интервала. Если ноль не попадает в получившийся интервал, то мы говорим о наличии эффекта.

Результаты оценивания моделей

Результаты оценивания авторегрессионных моделей (ARIMAX) приведены в табл. 2. Коэффициент перед количеством публикаций с сигналом о покупке положителен и значим для четырех компаний, что соответствует предположению о связи между увеличением цены и появлением публикаций, содержащих сигнал о покупке, а также подтверждает первую гипотезу о положительной связи между появлением публикации с сигналом о покупке и доходностью акции.

Коэффициент перед количеством публикаций, содержащих сигнал о продаже, отрицателен и значим для пяти компаний, что соответствует выдвинутым предположениям и подтверждает первую гипотезу об отрицательной связи между появлением публикации с сигналом о продаже и доходностью акции. Для всех случаев не наблюдается значимой связи между числом публикаций с сигналом об удержании и доходностью акций, что в целом соответствует предположению о характере связи подобного типа публикаций с ценами акций.

Таблица 2

Результаты оценивания моделей ARIMAX

	ALRS	YDEX	SMLT	SBER	OZON	LKOH	ROSN
Покупка	0,22 (0,43)	0,86*** (0,26)	1,62** (0,53)	0,77*** (0,24)	3,32*** (0,98)	0,17 (0,25)	0,28 (0,27)
Продажа	–0,99** (0,40)	–4,08*** (0,64)	–0,04 (1,49)	–0,96** (0,42)	–2,93* (1,78)	–0,72** (0,37)	–0,41 (0,27)
Удержание	0,11 (0,75)	0,01 (0,84)		–0,83 (0,87)	–2,99 (3,20)	0,77 (0,62)	–0,18 (0,32)
Доходность индекса Мосбиржи	0,77*** (0,03)	0,87*** (0,04)	0,77*** (0,07)	1,07*** (0,03)	1,07*** (0,07)	0,97*** (0,03)	0,98*** (0,03)
Темпы прироста объема торгов	0,001** (0,0004)	–0,001** (0,0004)	0,002** (0,001)	0,002** (0,0006)	0,01*** (0,001)	0,001** (0,0005)	0,001** (0,0004)
Темпы прироста цены за баррель нефти марки Brent	0,02 (0,02)	–0,03 (0,02)	0,03 (0,05)	0,02 (0,02)	–0,01 (0,06)	0,10*** (0,02)	0,10*** (0,02)
Темпы прироста обменного валютного курса USD/RUB	–0,07* (0,04)	–0,04 (0,05)	0,16* (0,09)	0,12*** (0,04)	–0,13 (0,09)	–0,11*** (0,03)	–0,04 (0,03)
Темпы прироста доходности государственных облигаций (ОФЗ)	–0,03 (0,03)	0,02 (0,03)	0,08 (0,09)	–0,07*** (0,03)	0,11 (0,10)	–0,01 (0,02)	0,07*** (0,02)
Число наблюдений	1399	1559	691	1823	673	1751	1751
BIC	5495	6702	3461	6607	3481	6009	5927

Примечание: «Покупка» – количество публикаций с сигналом о покупке для данной компании в течение дня, «Продажа» – количество публикаций с сигналом о продаже для данной компании в течение дня, «Удержание» – количество публикаций с сигналом об удержании для данной компании в течение дня; для компании SMLT отсутствуют публикации с сигналом об удержании; все переменные, используемые в модели, стационарны. «BIC» – Байесовский информационный критерий (Bayesian Information Criterion). * p-value < 0,1, ** p-value < 0,05, *** p-value < 0,01.
Источник: составлено авторами на основании расчетов.

В Приложении в табл. П3, П4, П5 приведены средние накопленные избыточные доходности акций компаний для каждого типа публикаций, полученные с помощью событийного анализа: усреднение проводилось для всех сигналов одного типа.

Для компаний «Самолет», «Озон» и «Лукойл» при появлении публикации с сигналом о покупке в событийном окне существует значимая положительная избыточная доходность, причем для компании Лукойл моменту появления публикации предшествует наличие избыточной доходности, а для компаний «Самолет» и «Озон» избыточная доходность наблюдается лишь после появления публикации. Для компаний «Алроса», «Яндекс», «Озон» и «Лукойл» при появлении публикации с сигналом о продаже существует значимая отрицательная избыточная доходность в событийном окне, причем для компаний «Яндекс» и «Лукойл» она предшествует появлению публикации, для компании «Алроса» наблюдается лишь после появления публикации, а для компании «Озон» она наблюдается как до, так и после появления публикации.

Для большинства компаний после появления публикации с сигналом об удержании отсутствует значимая избыточная доходность, исключениями являются «Яндекс» и «Лукойл», однако в случае компании «Лукойл» до появления публикации наблюдается отрицательная доходность, в то время как после появления публикации она сменяется на положительную, что может свидетельствовать о влиянии публикации данного класса.

В табл. 3 для каждого класса публикаций оценено количество случаев, в которых встречается определенное направление связи между появлением публикации данного класса и изменением доходности. Первоначально для каждого события отдельно проводился событийный анализ, чтобы определить, к какому случаю оно относится, после чего было посчитано общее количество событий для каждого случая. Случай учитывается, если избыточная доходность значима и ее знак совпадает с предполагаемым. Если хотя бы одно из двух условий не выполняется, то мы считаем, что связь отсутствует.

В половине случаев (48%) наблюдается наличие значимой избыточной доходности либо до появления публикации, либо до и после появления публикации. В первом случае можно сказать, что появление публикации вызвано изменением доходности, однако не влечет за собой предполагаемых последствий. Во втором случае появление публикации тоже может быть вызвано изменением доходности, при этом либо сама публикация усиливает существующий тренд, либо тренд продолжается независимо от появления публикации. *Оба этих случая свидетельствуют о том, что существует связь между изменением доходности и появлением публикации, содержащей сигнал.*

Однако наблюдаются и такие случаи, в которых появлению публикации не предшествует наличие значимой избыточной доходности, при этом после появления публикации она возникает. Возникновение подобных случаев может быть следствием влияния публикации, содержащей сигнал, на изменение доходности. Таким образом, появление публикации с сигналом о покупке связано с возникновением положитель-

Таблица 3

Результаты построения моделей событийного анализа для отдельных сигналов

Окно ±15 минут		Количество случаев				
		отсутствует	до	до и после	после	итого
В совокупности	покупка	90 (55%)	22	31	20	163
	продажа	29 (41%)	14	21	7	71
	удержание	22 (67%)	3	5	3	33
ALRS	покупка	5 (33%)	3	5	2	15
	продажа	4 (31%)	4	4	1	13
	удержание	3 (60%)	0	2	0	5
YDEX	покупка	15 (52%)	4	4	6	29
	продажа	5 (50%)	1	3	1	10
	удержание	3 (50%)	1	1	1	6
SMLT	покупка	14 (50%)	4	8	2	28
	продажа	1 (25%)	0	1	2	4
SBER	покупка	23 (74%)	2	1	5	31
	продажа	2 (18%)	3	5	1	11
	удержание	2 (67%)	0	1	0	3
OZON	покупка	3 (37%)	2	1	2	8
	продажа	1 (33%)	1	1	0	3
	удержание	0 (0%)	1	0	0	1
LKOH	покупка	15 (50%)	4	8	3	30
	продажа	5 (50%)	3	2	0	10
	удержание	3 (50%)	1	0	2	6
ROSN	покупка	15 (68%)	3	4	0	22
	продажа	11 (55%)	2	5	2	20
	удержание	11 (92%)	0	1	0	12

Примечание: «Отсутствует» – количество случаев, при которых ни до, ни после появления сигнала не возникало значимых избыточных доходностей, «До» – количество случаев, при которых лишь до появления сигнала наблюдалась значимая избыточная доходность, «До и после» – количество случаев, при которых как до, так и после появления сигнала возникала значимая избыточная доходность, «После» – количество случаев, при которых лишь после появления сигнала наблюдалась значимая избыточная доходность; в третьем столбце в скобках приведена доля случаев, при которых значимость отсутствует как до, так и после сигнала от общего числа случаев появления новости для данной компании, содержащей соответствующий сигнал. Рассматривается 10% уровень значимости. Событие считается значимым, если значение избыточной доходности статистически не отличается от нуля и совпадает по знаку с предполагаемым.

Источник: составлено авторами на основании расчетов.

ной избыточной доходности для компании «Алроса» в 67% случаев, для компании «Яндекс» в 48% случаев, для компании «Самолет» в 50% случаев, для компании Сбербанк в 26% случаев, для компании «Озон» в 63% случаев, для компании «Лукойл» в 50% случаев, для компании «Роснефть» в 32% случаев; появление публикации с сигналом о продаже связано с возникновением отрицательной избыточной доходности для компании «Алроса» в 69% случаев, для компании «Яндекс» в 50% случаев, для компании «Самолет» в 75% случаев, для компании «Сбербанк» в 72% случаев, для компании «Озон» в 67% случаев, для компании Лукойл в 50% случаев, для компании «Роснефть» в 45% случаев; появление публикации с сигналом об удержании связано с возникновением избыточной доходности для компании «Алроса» в 40% случаев, для компании «Яндекс» в 50% случаев, для компании «Сбербанк» в 33% случаев, для компании «Озон» в 100% случаев, для компании «Лукойл» в 50% случаев, для компании «Роснефть» в 8% случаев.

Результаты могут быть чувствительны к выбору ширины окна. Для проверки устойчивости нами был проведен событийный анализ для симметричного окна в 7 минут (см. Приложение, табл. П6) и ассиметричного окна, где учитывается 5 минут до события и 15 минут после (см. Приложение, табл. П7). Для обоих типов окон распределение количества случаев различных видов практически не отличается от исходного, что служит подтверждением устойчивости результатов.

Результаты показывают, что в 67% случаев появлению публикаций, содержащих сигнал, предшествует наличие избыточной доходности или же после появления публикаций не наблюдается значимых изменений доходности. Только в 11% случаев можно утверждать, что появление сообщения является причиной возникновения избыточной доходности. На основании этого мы не принимаем вторую гипотезу. Таким образом, *доля случаев, в которых можно с уверенностью говорить о влиянии сигнала на цены акций, невелика.*

При этом выявление факта манипуляции рынком и сбор соответствующих доказательств со стороны регулятора – это длительный и трудоемкий процесс, который не имеет большого смысла в рамках пока не значительного объема публикаций, оказывающих влияние на изменение стоимости акций. Однако Telegram-каналы все больше набирают популярность, их аудитория увеличивается, из-за чего полностью игнорировать наблюдающиеся тенденции нельзя. Мы считаем, что необходимо систематическое наблюдение за деятельностью инвестиционных каналов на предмет частоты и влияния публикуемых новостей, содержащих сигналы для инвесторов. Также важным фактором, ограничивающим возможность манипулирования фондовым рынком, является уровень финансовой грамотности населения. Необходимо проведение политики по увеличению уровня финансовой грамотности частных инвесторов, что позволит им критично относиться к информации, публикуемой в Telegram-каналах.

Заключение

Данное исследование было проведено в контексте решения вопроса о необходимости регулирования деятельности инвестиционных Telegram-каналов. Для проведения анализа были импортированы публикации Telegram-каналов, специализирующихся на трейдинге, инвестиционных стратегиях и финансовых новостях. Текстовые публикации были представлены в виде числовых признаков на основе значений частоты упоминания термина в публикации и частоты упоминания термина во всем корпусе публикаций, после чего при помощи моделей машинного обучения каждая публикация была отнесена к одному из четырех классов в зависимости от содержащегося в ней сигнала для аудитории канала. На основе полученной информации о дате и времени публикаций различных классов новостей и исторических данных о ценах российских публичных компаний с применением эконометрических методов, таких как авторегрессионные модели с экзогенными регрессорами (ARIMAX) и событийный анализ (Event Study), была оценена степень связи между публикациями, содержащими сигнал, и возникновением сверхреакции в изменении цен акций. Для построения моделей авторегрессии использовались дневные котировки, а для событийного анализа – минутные.

Полученные результаты свидетельствуют о существовании трех типов случаев, при которых существует значимая взаимосвязь между появлением публикации, содержащей сигнал, и возникновением избыточной доходности. Значимой взаимосвязью считается случай, при котором избыточная доходность статистически значимо отличается от нуля и ее знак соответствует направлению сигнала, содержащегося в публикации. Для первого типа случаев мы наблюдаем возникновение избыточной доходности только до появления публикации, содержащей сигнал, для второго типа как до, так и после, и для третьего случая только после. Для публикации, содержащей сигнал о покупке, 13% всех случаев относятся к первому типу, 19% всех случаев относятся ко второму типу и 12% всех случаев относятся к третьему типу. Для публикации, содержащей сигнал о продаже, 20% относятся к первому типу, 30% – ко второму и 10% – к третьему. Для публикации, содержащей сигнал об удержании, 9% относятся к первому типу, 15% – ко второму и 9% – к третьему.

По результатам построения моделей было получено, что только в 11% случаев можно говорить о наличии влияния сигнала на доходность акций российских компаний. *Ограниченная доля публикаций, сопровождающихся значимой реакцией рынка, указывает на то, что большинство инвестиционных публикаций не оказывает существенного влияния на динамику цен и на текущий момент не может рассматриваться*

как полноценный инструмент систематического манипулирования ценами акций. Также результаты показывают, что инвестиционные Telegram-каналы в большинстве случаев не формируют новую рыночную информацию, а скорее отражают существующие ожидания участников рынка, о чем может свидетельствовать появление избыточной доходности до выхода публикации. *В то же время рост аудитории подобных каналов обуславливает необходимость дальнейших исследований и мониторинга их деятельности.*

Приложение

Таблица П1

Описание используемых Telegram-каналов

Название канала	Число подписчиков	Дата создания	Доля публикаций, содержащих сигнал, %
Аналитика От Чехова	41 867	24.11.2019	4,9
ProfitGate – Инвестиции, Трейдинг, Экономика	88 209	07.12.2017	2,4
РынкиДеньгиВласть | РДВ	149 632	05.04.2017	3,8
Биржевик | Акции	67 869	04.01.2021	4,8
Евгений Черных и 248	102 293	26.06.2017	3,5

Источник: составлено авторами.

Таблица П2

Список наиболее влиятельных слов

акция	изменение	откат	потенциал	средневзвешенный
быть	иметься	отличный	правильно	среднесрочный
видеть	инвестиционный	отскок	предстоять	считать
выше	индивидуальный	оценка	справедливый	таргет
график	история	падение	просыпаться	торговать
дерзить	источник	перегрузить	профит	увеличиться
диапазон	купить	прикрыть	пытаться	угроза
добавить	кэш	переносить	развитие	удерживать
добирать	лонг	перспектива	редомициляция	хороший
докупать	перезаход	поздний	рекомендация	хорошо
долг	наблюдать	позиция	решать	цена
думать	негатив	пойти	рубль	шорт
есть	неделя	полностью	рынок	
зайти	неплохой	получиться	сидеть	
закрыть	нравиться	пользоваться	складываться	
идти	ожидать	портфель	спекулятивный	

Источник: составлено авторами на основании расчетов.

Таблица П3

Средняя накопленная избыточная доходность при появлении сигналов покупки

Время относительно события, мин.	ALRS	YDEX	SMLT	SBER	OZON	LKOH	ROSN
–14	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000
–13	0,011	–0,018	–0,053	0,009	0,029	0,012	–0,001
–12	–0,013	–0,071	–0,105	0,002	–0,017	0,022**	–0,017
–11	–0,011	–0,059	–0,105	–0,006	0,024	0,03***	–0,018
–10	–0,036	–0,082*	–0,047	–0,006	–0,042	0,042***	–0,022
–9	–0,045	–0,097**	–0,046	0,001	–0,046	0,047**	–0,030
–8	–0,049	–0,111**	–0,131	–0,008	–0,021	0,058**	–0,034
–7	–0,053	–0,103*	–0,241*	0,008	–0,04	0,054**	–0,074
–6	–0,066*	–0,111*	–0,242	0,010	–0,069	0,068***	–0,054
–5	–0,045	–0,122*	–0,381	–0,002	–0,019	0,074***	–0,052
–4	–0,024	–0,115	–0,365	–0,003	–0,074	0,066***	–0,056
–3	–0,121	–0,094	–0,64	–0,003	–0,069	0,047	–0,067
–2	–0,141	–0,079	–0,504	–0,006	–0,03	0,044	–0,076
–1	–0,151	–0,094*	–0,469	0,001	–0,052	0,047*	–0,050
0	0,069	–0,104	0,606	–0,011	0,396	–0,373	0,059
1	0,05	–0,145*	0,743	–0,028	0,445	–0,291	0,044
2	0,046	–0,075	0,981	0,008	0,519	–0,287	0,039
3	0,051	–0,097	0,997	0,010	0,471	–0,25	0,045
4	–0,016	–0,065	0,888	0,003	0,456	–0,27	0,077
5	0,048	–0,078	0,829	0,016	0,374	–0,303	0,058
6	0,05	–0,084	0,958**	–0,002	0,522*	–0,3	0,036
7	0,038	–0,054	0,946**	0,010	0,597*	–0,276	0,007
8	0,01	–0,043	0,956*	0,040	0,703*	–0,264	–0,040
9	0,018	–0,088	0,906*	0,046	0,823**	–0,252	–0,016
10	0,02	–0,099	0,947*	0,045	1,119*	–0,237	0,015
11	0,016	–0,102	0,988*	0,050	0,958*	–0,264	0,038
12	0,037	–0,103	1,141**	0,069	0,947*	–0,238	0,016
13	–0,005	–0,164	1,336**	0,064	0,914*	–0,242	–0,006
14	0,02	–0,163	1,469***	0,071	0,796	–0,257	–0,014
15	0,035	–0,175	1,563***	0,072	0,946*	–0,245	–0,005

Примечание: указаны значения средней накопленной избыточной доходности, * p-value < 0,1, ** p-value < 0,05, *** p-value < 0,01.

Источник: составлено авторами на основании расчетов.

Таблица П4

Средняя накопленная избыточная доходность при появлении сигналов продажи

Время относительно события, мин.	ALRS	YDEX	SMLT	SBER	OZON	LKOH	ROSN
–14	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000
–13	0,007	–0,012	0,052	–0,013	–0,043*	–0,01	0,019
–12	–0,002	0,006	0,112	–0,007	–0,097**	–0,031	0,005
–11	0,011	–0,017	0,094	0,086	–0,097**	–0,022	0,012
–10	–0,001	–0,164***	0,098	0,178**	–0,124	–0,01	0,004
–9	0,001	–0,268***	0,094	0,131*	–0,142***	–0,063	0,008
–8	0,001	–0,267***	0,109	0,055	–0,11***	–0,057	–0,023
–7	–0,003	–0,189***	–0,217	0,131	–0,061*	–0,041	0,013
–6	0,021	–0,307***	–0,214	0,19*	–0,127***	–0,043	0,033
–5	0,001	–0,181***	0,094	0,204	–0,126***	–0,103**	0,048
–4	–0,011	–0,147***	0,075	0,205**	–0,106***	–0,092**	0,043
–3	0,009	–0,049	–0,013	0,201**	–0,012	–0,129***	0,061
–2	–0,005	0,162	–0,001	0,333**	–0,028	–0,127***	0,061
–1	–0,034	0,212	–0,05	0,379**	–0,083	–0,151***	0,056
0	–0,235	0,254	0,294	0,556**	–0,091	–0,12	0,125
1	–0,22	0,126	0,304	0,64**	–0,024***	–0,145	–0,025
2	–0,335	0,198	0,364*	0,629**	0,038	–0,145	–0,079
3	–0,335*	0,025	0,167	0,568*	–0,045	–0,175	–0,027
4	–0,314*	–0,04	0,263	0,52*	–0,102	–0,154	0,100
5	–0,4**	0,009	0,307	0,533**	–0,175	–0,16	0,041
6	–0,315*	0,09	0,65	0,409**	–0,156**	–0,168	0,104
7	–0,215	0,085	0,619	0,315***	–0,107***	–0,155	0,098
8	–0,215	0,057	0,742*	0,267***	–0,093*	–0,099	–0,021
9	–0,314*	0,049	0,563*	0,225**	–0,118*	–0,087	–0,008
10	–0,349*	0,128	0,57*	0,261***	–0,145	–0,081	–0,009
11	–0,295	–0,171	0,238	0,372***	–0,089	–0,09	–0,004
12	–0,306	–0,132	0,272	0,225**	–0,104	–0,09	0,000
13	–0,259	–0,155	0,381	0,279***	–0,074	–0,093	–0,037
14	–0,179	–0,166	0,383	0,178	–0,034	–0,167	–0,003
15	–0,133	–0,091	0,482	0,072	–0,083	–0,101	0,053

Примечание: указаны значения средней накопленной избыточной доходности, * p-value < 0,1, ** p-value < 0,05, *** p-value < 0,01.

Источник: составлено авторами на основании расчетов.

Таблица П5

Средняя накопленная избыточная доходность при появлении сигналов удержания

Время относительно события, мин.	ALRS	YDEX	SBER	LKOH	ROSN
–14	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000
–13	0,026**	–0,027	–0,039	0,015***	–0,009
–12	0,032**	0,025	–0,1	–0,206***	–0,023
–11	0,01	0,116	–0,012	–0,335***	–0,031***
–10	0,055***	0,116	0,003	–0,608***	–0,027*
–9	0,04**	0,155	–0,028***	–0,503***	0,009
–8	0,056***	0,171	–0,086***	–0,482***	–0,014
–7	0,055	0,192	–0,068***	–0,528***	0,013
–6	0,049**	0,192	–0,048*	–0,468***	–0,019
–5	0,051**	0,218	–0,04**	–0,383***	–0,005
–4	0,031	0,219	–0,039	–0,416***	–0,015
–3	0,048	0,168	–0,036	–0,457***	0,01
–2	0,054	0,184	–0,144***	–0,374***	–0,011
–1	0,028	0,161	–0,109***	–0,366***	–0,009
0	0,126	0,226*	0,023	0,047***	–0,078*
1	–0,001	0,357**	–0,009	0,369***	–0,083
2	0,069	0,419***	0,08	0,233***	–0,014
3	0,165	0,337**	0,06	0,3***	–0,014
4	0,085	0,375**	0,036	0,348***	–0,037
5	0,017	0,47**	–0,017	0,359***	–0,039
6	–0,01	0,479**	–0,068	0,259***	0,023
7	–0,036	0,442**	–0,112	0,293***	–0,005
8	–0,037	0,414**	–0,011	0,264***	–0,023
9	–0,058	0,425**	0,076	0,292***	–0,048
10	–0,144	0,451*	0,086	0,14***	0,009
11	–0,134	0,463*	0,13	0,132***	–0,027
12	–0,062	0,484**	0,055	0,082***	0,02
13	0,016	0,446**	0,059	–0,133***	0,049
14	0,008	0,42**	0,051	–0,133***	0,022
15	0,061	0,476**	0,054	–0,181***	0,054

Примечание: указаны значения средней накопленной избыточной доходности, * p-value < 0,1, ** p-value < 0,05, *** p-value < 0,01.

Источник: составлено авторами на основании расчетов.

Таблица П6

Случаи появления публикаций, содержащих сигнал, событийное окно ±7 минут

Окно: ±7 минут		Количество случаев				
		отсутствует, %	до	до и после	после	итого
В совокупности	покупка	90 (55)	14	44	15	163
	продажа	34 (48)	5	25	7	71
	удержание	25 (76)	1	4	3	33
ALRS	покупка	7 (47)	1	4	3	15
	продажа	7 (54)	0	4	2	13
	удержание	3 (60)	0	2	0	5
YDEX	покупка	15 (52)	3	7	4	29
	продажа	4 (40)	1	4	1	10
	удержание	5 (83)	0	0	1	6
SMLT	покупка	12 (43)	3	10	3	28
	продажа	1 (25)	0	2	1	4
SBER	покупка	24 (77)	0	5	2	31
	продажа	5 (45)	1	5	0	11
	удержание	1 (33)	1	0	1	3
OZON	покупка	2 (25)	3	2	1	8
	продажа	1 (33)	1	1	0	3
	удержание	1 (50)	1	0	0	2
LKOH	покупка	15 (50)	2	11	2	30
	продажа	8 (80)	0	2	0	10
	удержание	5 (83)	0	0	1	6
ROSN	покупка	15 (68)	2	5	0	22
	продажа	8 (40)	2	7	3	20
	удержание	11 (92)	0	1	0	12

Источник: составлено авторами на основании расчетов.

Таблица П7

Случаи появления публикаций, содержащих сигнал, событийное окно (–5; 15) минут

Окно: (–5;15) минут		Количество случаев				
		отсутствует	до	до и после	после	итого
В совокупности	покупка	85 (52%)	11	46	21	163
	продажа	28 (39%)	4	30	9	71
	удержание	23 (70%)	0	4	6	33
ALRS	покупка	4 (27%)	3	4	4	15
	продажа	6 (46%)	0	6	1	13
	удержание	3 (60%)	0	2	0	5
YDEX	покупка	14 (48%)	1	7	7	29
	продажа	4 (40%)	0	5	1	10
	удержание	4 (67%)	0	0	2	6
SMLT	покупка	14 (50%)	0	12	2	28
	продажа	1 (25%)	0	2	1	4
SBER	покупка	21 (68%)	1	5	4	31
	продажа	3 (27%)	1	4	3	11
	удержание	1 (33%)	0	0	2	3
OZON	покупка	3 (37%)	2	2	1	8
	продажа	1 (33%)	0	2	0	3
	удержание	1 (50%)	1	0	0	2
LKOH	покупка	16 (53%)	1	11	2	30
	продажа	6 (60%)	2	2	0	10
	удержание	4 (67%)	0	0	2	6
ROSN	покупка	13 (59%)	3	5	1	22
	продажа	7 (35%)	1	9	3	20
	удержание	11 (92%)	0	1	0	12

Источник: составлено авторами на основании расчетов.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Володин С.Н., Кунина Е.Е.* Влияние новостей на стоимость акций компаний киноиндустрии США // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2017. № 4. С. 52–72. [*Volodin S.N., Kunina E.E.* The impact of news on stock price of the US film industry companies // Moscow University Bulletin. Series 6. Economics. 2017. No. 4. Pp. 52–72. (In Russ.).] DOI: 10.38050/01300105201743.
2. *Коноплева Ю.А., Пакова О.Н., Хакиров А.И.* Импульсивная толпа как новый способ манипуляций на фондовом рынке // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2021. № 3. С. 80–85. [*Konopleva Yu.A., Pakova O.N., Khakirov A.I.* The impulsive crowd as a new way of manipulating the stock market // Bulletin of the North Caucasus Federal University. 2021. No. 3. Pp. 80–85. (In Russ.).] DOI: 10.37493/2307-907X.2021.3.10.
3. *Паул Г., Шкирко Д.* Моделирование и прогнозирование курса акций Роснефти на основе различных финансовых инструментов // Фундаментальные исследования. 2020. № 12. С. 168–174. [*Paul G., Shkirko D.* Modeling and forecasting stock price of Rosneft based on various financial instruments // The Fundamental researches. 2020. No. 12. Pp. 168–174. (In Russ.).] DOI: 10.17513/fr.42928.
4. *Скопин Д.И.* Развитие рынка цифровых валют: особенности и механизмы манипулирования // Экономика и управление: проблемы, решения. 2024. № 152 (11/1). С. 124–132. [*Skopin D.I.* Development of the digital currency market: features and mechanisms of manipulation // Economics and Management: Problems and Solutions. 2024. No. 152 (11/1). Pp. 124–132. (In Russ.).] DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2024.11.01.015.
5. *Хазиев Г.А.* Влияние публикаций Telegram-каналов на динамику акций российского фондового рынка // Вестник НГУЭУ. 2021. № 4. С. 166–177. [*Khaziev G.A.* Influence of Telegram-Channel Publications on the Dynamics of Shares of the Russian Stock Market // Vestnik NSUEM. 2021. No. 4. Pp. 166–177. (In Russ.).] DOI: 10.34020/2073-6495-2021-4-166-177.
6. *Audrino F., Sigrist F., Ballinari D.* The impact of sentiment and attention measures on stock market volatility // International Journal of Forecasting. 2020. Vol. 36. No. 2. DOI: 10.1016/j.ijforecast.2019.05.010.
7. *Bi J.* Stock Market Prediction Based on Financial News Text Mining and Investor Sentiment Recognition // Mathematical Problems in Engineering. 2022. DOI: 10.1155/2022/2427389.
8. *Borjigin S., Gao T., Sun Y., An B.* For evil news rides fast, while good news baits later? A network based analysis in Chinese stock market // Physica A: Statistical Mechanics and its Applications. 2020. Vol. 551. DOI: 10.1016/j.physa.2020.124593.
9. *Capelle-Blancard G., Petit A.* Every Little Helps? ESG News and Stock Market Reaction // Journal of Business Ethics. 2019. Vol. 157. No. 2. DOI: 10.1007/s10551-017-3667-3.
10. *Chan W.C.* Stock price reaction to news and no-news: Drift and reversal after headlines // Journal of Financial Economics. 2003. Vol. 70. No. 2. DOI: 10.1016/S0304-405X(03)00146-6.
11. *Cutler D.M., Poterba J.M., Summers L.H.* What moves stock prices? // The Journal of Portfolio Management. 1989. Vol. 15. No. 3. DOI: 10.3905/jpm.1989.409212.
12. *Dahal K.R., Porkhel N.R., Gaire S., Mahatara S., Joshi R.P., Gupta A., Banjade H.R.* A comparative study on effect of news sentiment on stock price prediction with deep learning architecture // PLoS ONE. 2023. Vol. 18. No. 4. DOI: 10.1371/journal.pone.0284695.

13. *Dhawan A., Putnins T.J., Rasel A.R.* Contagious Crime: How Cryptocurrency Manipulation Spills into Stocks // SSRN Electronic Journal. 2023. DOI: 10.2139/ssrn.4506293.
14. *Duarte J.J., Montenegro González S., Cruz J.C.* Predicting Stock Price Falls Using News Data: Evidence from the Brazilian Market // Computational Economics. 2021. Vol. 57. No. 1. DOI: 10.1007/s10614-020-10060-y.
15. *Enikolopov R.*[*], *Petrova M., Sonin K.*[**] Social Media and Corruption // American Economic Journal: Applied Economics. 2018. Vol. 10. No. 1. Pp. 150–174. DOI: 10.1257/app.20160089.
16. *Fedorova E.A., Afanasyev D.O., Sokolov A.V., Lazarev M.P.* Impact of disease information (Ebola and COVID19) on the pharmaceutical sector in Russia and USA // Farmakoekonomika. 2021. Vol. 14. No. 2. Pp. 213–224. DOI: 10.17749/2070-4909/farmakoekonomika.2021.054.
17. *Hao Y., Vand B., Delgado B., Baldi S.* Market Manipulation in Stock and Power Markets: A Study of IndicatorBased Monitoring and Regulatory Challenges // Energies. 2023. Vol. 16. No. 4. P. 1894. DOI: 10.3390/en16041894.
18. *Jalal N., Mehmood A., Sang Choi G., Ashraf I.* A novel improved random forest for text classification using feature ranking and optimal number of trees // Journal of King Saud University – Computer and Information Sciences. 2022. Vol. 34. No. 6. Pp. 2733–2742. DOI: 10.1016/j.jksuci.2022.03.012.
19. *Joshi K., NB H., Rao J.* Stock Trend Prediction Using News Sentiment Analysis // International Journal of Computer Science and Information Technology. 2016. Vol. 8. No. 3. DOI: 10.48550/arXiv.1607.01958.
20. *La Morgia M., Mei A., Sassi F., Stefa J.* Pump and Dumps in the Bitcoin Era: Real Time Detection of Cryptocurrency Market Manipulations // 29th International Conference on Computer Communications and Networks (ICCCN). 2020. Pp. 1–9. DOI: 10.1109/ICCCN49398. 2020.9209660.
21. *Liu Q., Wang C., Zhang P., Zheng K.* Detecting stock market manipulation via machine learning: Evidence from China Securities Regulatory Commission punishment cases // International Review of Financial Analysis. 2021. Vol. 78. DOI: 10.1016/ j.irfa.2021. 101887.
22. *Mirtaheri M., AbuElHaija S., Morstatter F., Steeg G.V., Galstyan A.* Identifying and Analyzing Cryptocurrency Manipulations in Social Media // IEEE Transactions on Computational Social Systems. 2021. Vol. 8. No. 3. DOI: 10.48550/arXiv.1902.03110.
23. *Mohan S., Mullapudi S., Sammeta S., Vijayvergia P.* Stock price prediction using news sentiment analysis // Conference Paper. 2019. DOI: 10.1109/BigDataService.2019.00035.
24. *Nghiem H., Muric G., Morsatter F., Ferrara E.* Detecting cryptocurrency pump-and-dump frauds using market and social signals // Expert Systems with Applications. 2021. Vol. 182. DOI: 10.1016/j.eswa.2021.115284.
25. *Nizzoli L., Tardelli S., Avvenuti M., Cresci S., Tesconi M., Ferrara E.* Charting the Landscape of Online Cryptocurrency Manipulation // IEEE Access. 2020. Vol. 8. Pp. 113230–113245. DOI: 10.48550/arXiv.2001.10289.
26. *Prastyo D., Sudjati I.* Value-at-Risk Modeling on Stock Return with Exogenous Variables using ARMAXGARCHX Approach // Journal of Physics: Conference Series. 2018. Vol. 1028. No. 1. P. 012225. DOI: 10.1088/1742-6596/1028/1/012225.
27. *Renault T.* Pump-and-dump or news? Stock market manipulation on social media // Institute of Scientific Economy and Management. 2018.

* Enikolopov R. признан в РФ иностранным агентом.
** Sonin K. признан в РФ иностранным агентом.

28. *Seong N., Nam K.* Predicting stock movements based on financial news with segmentation // Expert Systems with Applications. 2021. Vol. 164. DOI: 10.1016/j.eswa.2020.113988.
29. *Kogan S., Moskowitz T.J., Niessner M.* Social Media and Financial News Manipulation // Review of Finance. 2023. Vol. 27. No. 4. Pp. 1229–1268. DOI: 10.1093/rof/rfac058.
30. *Tetlock P.C.* Giving content to investor sentiment: The role of media in the stock market // Journal of Finance. 2007. Vol. 62. No. 3. DOI: 10.2139/ssrn.685145.
31. *Zaghloul W., Lee S.M., Trimi S.* Text classification: Neural networks vs support vector machines // Industrial Management and Data Systems. 2009. Vol. 109. No. 5. Pp. 708–717. DOI: 10.1108/02635570910957669.

Дата поступления рукописи: *11.11.2025 г.*
Дата принятия к публикации: *24.02.2026 г.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бобровник Федор Евгеньевич – магистрант экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
ORCID: 0009-0008-5965-6385
bobrovnikf9@gmail.com

Виноградова Ольга Сергеевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов и кредита экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-9575-9794
o.s.vinogradova1@gmail.com

Мирзоян Ашот Гамлетович – старший преподаватель кафедры экономики инноваций экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
ORCID: 0009-0005-9275-0099
kell56@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Fedor E. Bobrovnik – Master's Student at the Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
ORCID: 0009-0008-5965-6385
bobrovnikf9@gmail.com

Olga S. Vinogradova – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor of the Department of Finance and Credit, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-9575-9794
o.s.vinogradova1@gmail.com

Ashot G. Mirzoyan – Senior Lecturer of the Department of Innovations in Economics, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
ORCID: 0009-0005-9275-0099
kell56@yandex.ru

ЗАЯВЛЕННЫЙ ВКЛАД АВТОРОВ
Ф.Е. Бобровник – сбор статистических данных, критический анализ литературы, табличное и графическое представление результатов, выполнение численных расчетов.
О.С. Виноградова – постановка проблемы, разработка концепции статьи.
А.Г. Мирзоян – описание результатов и формирование выводов исследования.

AUTHOR'S DECLARED CONTRIBUTION
F.E. Bobrovnik – collection of statistical data, critical analysis of literature, tabular and graphical representation of the results, performing numerical calculations.
O.S. Vinogradova – problem statement, development of the concept of the article.
A.G. Mirzoyan – description of the results and formation of conclusions of the study.

THE ASSOCIATION BETWEEN PUBLICATIONS OF INVESTMENT TELEGRAM CHANNELS AND STOCK RETURNS OF PUBLIC RUSSIAN COMPANIES

This study examines the need to regulate investment Telegram channels that publish not only financial news but also signals. A sample of five Russian channels with recommendations, strategies, and portfolio demonstrations was used for the analysis. The impact of publications on the share profitability of public companies was assessed using text processing methods, machine learning (Support Vector Machine, Random Forest, Neural networks) and econometric approaches (ARIMAX, Event Study). The publications were classified into four types of signals: no signal, buy, sell or hold. Four types of publications about stock price changes were identified. In 11% of cases, publications with a signal caused a change in the share price. This confirms that large channels can influence the market, but the proportion of such cases is small. The authors conclude that the need for strict regulation of Telegram channels is still insignificant.

Keywords: *stock market regulation, stock price dynamics, investment signals, event analysis, excess profitability, Russian stock market, impact of social networks, private investors, Telegram channels, econometric modeling.*

JEL: C32, C53, C61, G14, G17.

Компьютерная верстка: Хацко Н.А.

Подписано в печать 06.03.2026
Формат 70×100/16. Объем 10 п.л. Тираж 250 экз.
Печать офсетная. Заказ № 1026-26

Адрес редакции: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел.: 8-499-724-13-91, e-mail: vestnik-ieran@inecon.ru
https://vestnik-ieran.ru

© НП
Редакция журнала «Вестник Института экономики Российской академии наук», 2026

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит»,
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88
Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33
E-mail: zakaz@amirit.ru
Сайт: amirit.ru